

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

**2023 – № 1
Выпуск 45**

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

Новосибирск

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2023 – № 1 (выпуск 45)

Научный журнал

Является продолжением серийного сборника
«Языки коренных народов Сибири»

Новосибирск

Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

д-р филол. наук, проф. **Н. Б. Кошкарёва** (ИФЛ СО РАН) – главный редактор
д-р филол. наук, проф. **И. Я. Селютина** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора
канд. искусствоведения **Г. Е. Солдатова** (ИФЛ СО РАН) – зам. главного редактора
канд. филол. наук **А. В. Байыр-оол** (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь
канд. искусствоведения **Т. В. Дайнеко** (ИФЛ СО РАН) – ответственный секретарь

д-р филол. наук, чл.-корр. РАН **А. В. Дыбо** (ИЯз РАН); д-р филол. наук **И. Е. Ким** (ИФЛ СО РАН); канд. искусствоведения, доцент **Н. В. Леонова** (НГК им. М. И. Глинки); д-р филол. наук **И. А. Невская** (ИФЛ СО РАН); **А. В. Никольский** (Frontiers Media, Швейцария); д-р филол. наук **Н. Р. Ойноткинова** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, доцент **В. Н. Соловар** (ОУИПИиР); д-р филол. наук, проф. **С. Ж. Тажибаева** (Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилёва, Казахстан); канд. филол. наук **Л. Н. Тыбыкова** (ГАГУ); канд. филол. наук **Е. В. Тюнгешева** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук, чл.-корр. Академии наук Республики Башкортостан, проф. **Ф. Г. Хисамитдинова** (ИИЯЛ УФИЦ РАН); д-р филол. наук, проф. **Л. А. Шамина** (ИФЛ СО РАН)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

д-р филол. наук, проф. **Е. Н. Кузьмина** (ИФЛ СО РАН) – председатель редакционного совета;
д-р филол. наук, академик РАН **А. Е. Аникин** (ИФЛ СО РАН); д-р филол. наук **М. В. Бавуу-Сюрон** (ТувГУ); д-р филол. наук, проф. **Ф. Я. Вейсяли** (Азербайджанский университет языков, Азербайджан); д-р филол. наук, доцент **Л. С. Дампилова** (ИМБиТ СО РАН); д-р филол. наук **Н. И. Данилова** (ИГИиПМНС СО РАН); д-р филол. наук, академик Академии наук Абхазии **З. Д. Джапуа** (Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. И. Гулиа Академии наук Абхазии, Абхазия); д-р филол. наук **В. Л. Кляус** (ИМЛИ им. А. М. Горького РАН); д-р искусствоведения, проф. **М. Г. Кондратьев** (ЧГИГН); д-р филол. наук **М. Олmez** (Стамбульский университет, Турция); д-р филол. наук, проф. **Е. К. Скрибник** (Мюнхенский университет, Германия); канд. искусствоведения, доцент **Г. Б. Сыченко** (Международный совет по традиционной музыке под эгидой ЮНЕСКО (ICTM), Италия); д-р филол. наук **А. Н. Чугунекова** (ИГИСАТ ХГУ им. Н. Ф. Катанова)

ISSN 2312-6337

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
SIBERIAN BRANCH
INSTITUTE OF PHILOLOGY

**LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA**

2023 – №. 1 (Issue 45)

Scientific Journal

A continuation of the collection of scientific articles
“Languages of Indigenous Peoples of Siberia”

Novosibirsk

LANGUAGES AND FOLKLORE
OF INDIGENOUS PEOPLES OF SIBERIA. – 2023. – No. 1 (Issue 45)
Founded in 1995, the Journal is issued four times a year and published in Russian and English

Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

EDITORIAL BOARD

N. B. Koshkareva, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Editor-in-Chief
I. Ya. Selyutina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief
G. E. Soldatova, Candidate of Art Studies (Institute of Philology, SB RAS) – Deputy Editor-in-Chief
A. V. Bayyr-ool, Candidate of Philology (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary
T. V. Dayneko, Candidate of Art Studies (Institute of Philology, SB RAS) – Executive Secretary

A. V. Dybo, Doctor of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences); **I. E. Kim**, Doctor of Philology (Institute of Philology, SB RAS); **N. V. Leonova**, Candidate of Art Studies, Docent (M. I. Glinka Novosibirsk State Conservatory); **I. A. Nevskaya**, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **A. V. Nikolsky** (Frontiers Media, Switzerland); **N. R. Oinotkinova**, Doctor of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **V. N. Solovar**, Doctor of Philology, Docent (Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development); **S. Zh. Tazhibaeva**, Doctor of Philology, Professor (L. N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan); **L. N. Tybykova**, Candidate of Philology (Gorno-Altaisk State University); **E. V. Tyntesheva**, Candidate of Philology (Institute of Philology of the SB RAS); **F. G. Khisamitdinova**, Doctor of Philology, Professor (Institute of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center of the RAS); **L. A. Shamina**, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology of the SB RAS)

EDITORIAL COUNCIL

E. N. Kuzmina, Doctor of Philology, Professor (Institute of Philology, SB RAS) – Head of the Editorial council; **A. E. Anikin**, Academician of the Russian Academy of Sciences (Institute of Philology of the SB RAS); **M. V. Bavuu-Syuryun**, Doctor of Philology (Tuvan State University); **F. Y. Veyselli**, Doctor of Philology, Professor (Azerbaijan University of Languages, Azerbaijan); **L. S. Dampilova**, Doctor of Philology, Docent (Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB RAS); **N. I. Danilova**, Doctor of Philology (Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS); **Z. D. Dzhapua**, Doctor of Philology, Academician of the Academy of Sciences of Abkhazia (D. I. Gulia Abkhazian Institute for Research in the Humanities, Abkhazia); **V. L. Klyaus**, Doctor of Philology (A. M. Gorky Institute of World Literature of the RAS); **M. G. Kondratyev**, Doctor of Art Studies, Professor (Chuvash State Institute of Humanities); **M. Olmez**, Doctor of Philology (Istanbul University, Turkey); **E. K. Skribnik**, Doctor of Philology, Professor (University of Munich, Germany); **G. B. Sychenko**, Candidate of Art Studies, Docent (International Council for Traditional Music (ICTM), Italy); **A. N. Chugunekova**, Doctor of Philology (Institute for Humanities Studies and Sayano-Altay Turkology, N. F. Katanov Khakass State University)

ISSN 2312-6337

Institute of Philology of the SB RAS, Nikolaeva st., 8, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
yaz_fol_sibiri@mail.ru
Official website: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА

Фонетика

Прокопьева П. Е., Уртегешев Н. С. (Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Благовещенск, Амурский государственный университет; Новосибирск, Институт филологии СО РАН)

Изменение юкагирской фонемы /ħ/ в диахронии (на примере одульского языка)

7–25

Синтаксис

Озолиня Л. В. (Новосибирск, Институт филологии СО РАН)

Осложняющие обстоятельства в орокском предложении: структура и семантика

26–38

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Повествовательный фольклор

Соловар В. Н. (Ханты-Мансийск, Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок)

Лингвосемиотические особенности знаков смерти в хантыйских народных сказках и преданиях

39–48

Ямаева Е. Е. (Горно-Алтайск, независимый исследователь)

Герой с «головой собаки и туловищем рыбы» в алтайском героическом эпосе: К вопросу о формировании мифологической основы эпического сказания (на материале эпоса «Кан-Тылбекей» Е. К. Таштамышевой)

49–57

Миндибекова В. В. (Новосибирск, Институт филологии СО РАН)

Жанр алгас в обрядовой поэзии хакасов: функциональный аспект

58–66

CONTENTS

LINGUISTICS

Phonetics

Prokopeva P. E., Urtegeshev N. S. (Yakutsk, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; Blagoveshchensk, Amur State University; Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

The change of the ancient Yukaghir phoneme /h/ in diachrony
(using the example of the Odul language)

7–25

Syntax

Ozolinya L. V. (Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

Complicating adverbials in the Orok sentence: structure and semantics

26–38

FOLKLORISTICS

Narrative Folklore

Solovar V. N. (Khanty-Mansiysk, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development)

Linguosemiotic features of death signs in Khanty folk tales and legends

39–48

Yamaeva E. E. (Gorno-Altaisk, Independent Researcher)

A hero with a “head of a dog and a body of a fish” in the Altai heroic epic:
On the formation of the mythological basis for an epic legend (based on the
epic “Kan-T’elbekey” by E. K. Tashtamysheva)

49–57

Mindibekova V. V. (Novosibirsk, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences)

Algas genre in Khakass ritual poetry: a functional aspect

58–66

ЛИНГВИСТИКА

ФОНЕТИКА

УДК: 81'342.41
DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-7-25

Изменение юкагирской фонемы /h/ в диахронии (на примере одульского языка)

П. Е. Прокопьев¹, Н. С. Уртегешев^{2,3}

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск

² Амурский государственный университет, Благовещенск, Россия

³ Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Анализ работ исследователей, зафиксировавших разные этапы развития одульского языка, а также собственного языкового материала позволил выявить естественный фонетический процесс трансформации юкагирской фонемы /h/. В разных одульских идиомах он проходил по-разному, но однозначно реконструируются две цепочки развития: 1) [h] → [hs"] → [s"], 2) [h] → [hʃ"] → [ʃ"]. Этот факт отражает, вероятно, существовавшие языковые различия, присущие разным группам юкагиров. В результате объединения юкагирских родов происходило смещивание артикуляционных традиций, которые на первоначальном этапе существовали параллельно, не препятствуя передаче информации, затем началось выстраивание новой системы, где стали выделяться в самостоятельные фонемы аффриката [hɔ] и щелевые [s"] и [ʃ"], но при этом /s"/ и /ʃ"/ остались междикторскими вариантами произношения.

Ключевые слова

юкагирские языки, одульский язык, согласные, аффриката, щелевой согласный, свистящие, шипящие, среднезычные, диахронные изменения

Благодарности

Выражаем благодарность за помощь носителям, хранителям и пропагандистам родного одульского языка – Борисовой Дарье Петровне, Деминой Любови Николаевне.

Для цитирования

Прокопьев П. Е., Уртегешев Н. С. Изменение древнеюкагирской фонемы /h/ в диахронии (на примере одульского языка) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45). С. 7–25. DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-7-25

© П. Е. Прокопьев, Н. С. Уртегешев, 2023

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 1 (iss. 45)

The change of the ancient Yukaghir phoneme /h/ in diachrony (using the example of the Odul language)

P. E. Prokopeva¹, N. S. Urtegeshev^{2,3}

¹ The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the SB RAS, Yakutsk

² Amur State University, Bлаговещенск, Russian Federation

³ Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

This work examines several previous studies that documented the different stages of the Odul language development and our own language material. The analysis revealed the natural phonetic process of the Yukaghir phoneme /h/ transformation. This process was took place in different ways in different Odul tribes. However, two directions of development can be clearly distinguished: the first—[h] → [hs̪] → [s̪"], the second—[h] → [hʃ̪] → [ʃ̪"]. This fact probably indicates that not only different Yukaghir tribes but also, perhaps, clan groups, had their own inherent linguistic differences. The combination of the genera for various reasons resulted in articulatory traditions being mixed, existing in parallel at the initial stage without impeding the transmission of information. Later, the new system began to be formed, with the affricate [hç̪] and the slit [s̪"] and [ʃ̪"] becoming independent phonemes, but the /s̪"/ and /ʃ̪"/ remaining interdictorial variants of pronunciation. Borrowings from the Russian language with the initial "s," adapted and pronounced by the Odulas according to the articulatory norms of the recipient language, as well as with an interlingual tuning, even when the sound was not soft, produced a new phoneme /s̪"/ in the "sh-pronouncers," and the expansion of the positional variation of the phoneme /s̪"/ in the "s-pronouncers."

Keywords

Yukaghir languages, Odul language, consonants, affricate, fricative consonant, sibilant, mediolingual, changes in diachrony

Acknowledgements

We express our gratitude for the help of native speakers, keepers and propagandists of the native Odul language – Darya Petrovna Borisova, Lyubov Nikolaevna Demina.

For citation

Prokopeva P. E., Urtegeshev N. S. Izmenenie drevneyukagirskoy fonemy /h/ v diakhronii (na primere odul'skogo jazyka) [The change of the ancient Yukaghir phoneme /h/ in diachrony (using the example of the Odul language)]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 1 (iss. 45), pp. 7–25. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-7-25

Введение

Юкагиры относятся к коренным малочисленным народам Севера Российской Федерации. Проживают в Республике Саха (Якутия), Магаданской области и Чукотском автономном округе. Согласно переписи населения 2020 г., в России насчитывалось всего 1813 юкагиров, из них 1518 – в Республике Саха (Якутия), что составляет 83,7 % от общего числа юкагиров.

Различают две локальные этнолингвистические группы юкагиров – лесные (самоназвание – *одул*) и тундровые (самоназвание – *wadul*), проживающие в Верхнеколымском и Нижнеколымском улусах Якутии.

Долгое время языки верхнеколымских и нижнеколымских юкагиров называли колымским и тундровым диалектами юкагирского языка соответственно. Однако уже в 1968 г. крупный исследователь юкагирских языков Е. А. Крейнович писал, что «лексические различия между диалектами настолько далеки, что взаимное понимание их носителей почти полностью исключено» и что, «возможно, в результате дальнейших исследований придется признать их самостоятельными юкагирскими языками» [Крейнович, 1968, с. 452]. Этого же мнения придерживается юкагирский лингвист Г. Н. Курилов. На основании анализа исторических данных о юкагирских группах, образцов юкагирской лексики, сохранившейся по словарным публикациям второй половины XVIII – первой половины XIX вв., он пришел к выводу о том, что ранее существовала целая семья юкагирских языков [Курилов, 2003].

На существенную разницу между двумя юкагирскими языками указывают данные лексико-статистических исследований. В «Интерактивном атласе коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока» отмечается, что при использовании лексикостатистического метода пороговым значением между языком и диалектом считается 91 % лексических совпадений. Уровень совпадений между североюкагирским и южноюкагирским существенно ниже: по минимальным оценкам он составляет 47 % [Немировский, 2017], по максимальным – 74 % [Коряков, 2020]. Основываясь на этом факте, Научный центр по сохранению, возрождению и документации языков России определяет эти два языка как разные языки [Интерактивный атлас...] ¹.

В настоящее время для обозначения юкагирских языков, помимо названий *колымский и тундренный диалекты юкагирского языка*, используют также такие, как *южноюкагирский и североюкагирский языки, языки лесных и тундренных юкагиров, лесной и тундренный юкагирский язык, одульский и вадульский языки* соответственно.

Местом компактного проживания лесных юкагиров является с. Нелемное Верхнеколымского улуна Республики Саха (Якутия). Кроме данного села, одулы проживают также в г. Якутске, в Среднеколымском улусе Якутии, в п. Сеймчан Среднеканского района Магаданской области (географически район относится к верхней Колыме). Для представления о примерной численности лесных юкагиров приведем следующие данные: по переписи 2010 г., в Верхнеколымском улусе проживало 304 юкагира, в том числе в с. Нелемное – 185 чел., в Магаданской области – 71 юкагир. Всего: 560 человек. Однако носителей языка лесных юкагиров осталось всего 5 человек, из них 2 живут в Якутии и 3 – в Магаданской области, все они являются людьми пожилого возраста [Прокопьева, 2016].

Наряду с неблагополучной картиной сохранности языка у юкагиров следует отметить тот факт, что юкагирские языки остаются малоисследованными, причем язык лесных юкагиров в сравнении с языком тундренных юкагиров изучен в меньшей степени.

Предложенные в свое время единые графические нормы для обоих юкагирских языков в языке лесных юкагиров окончательно не оформились, и в публикациях применяются разные алфавиты, различается написание отдельных слов [Спиридовон, Николаева, 1993; Николаева, Шалугин, 2002; Прокопьева, Прокопьева, 2013; ФЮВК, 1989; ФЮ, 2005; Прокопьева, Прокопьева, 2021; и др.]. Например, для обозначения среднеязычной свистящей фонемы /s/, отсутствующей в языке тундренных юкагиров, одновременно с графемой **с** используют диграф **съ**.

Ввиду фонетических особенностей языка лесных юкагиров и их малой исследованности, проблема разработки орфографических норм остается чрезвычайно актуальной. Вопросы адекватной передачи на письме как согласных, так и гласных, требуют уточнения на основе специальных фонетических исследований, а для этого необходимо выявить конститутивно-дифференциальные признаки обеих фонико-фонологических систем одульского языка.

Целью данной работы мы ставим определить артикуляционно-акустические характеристики согласных, обозначаемых графемами **ч // с // съ** в одульском языке. Тема представляет интерес в связи с тем, что: 1) зафиксировано различное написание (что в определенной степени отражает произношение ²) одних и тех же слов в разных по времени источниках; 2) при выделении в алфавите букв **с** и **съ** встречается их взаимозаменяемость на письме у одних и тех же авторов; 3) в речи некоторых носителей зарегистрировано вариативное произношение отдельных слов; 4) результаты исследования

¹ Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры [Электронный ресурс].

URL: https://atlaskmns.ru/page/ru/lang_yukagiry_south_all.html#%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B0%D1%8F-%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0 (дата обращения: 20.01.2023).

² Наличие в научных трудах по юкагирскому языку разных графем и диакритических знаков для передачи артикуляционных особенностей консонантных и вокальных настроек указывает на максимальную приближенность написания к произношению. В частности, В. И. Иохельсон в работе «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе», изданной в 1900 г. [2005], представил слова в собственной транскрипционной системе.

имеют практическое значение при издании учебной и художественной литературы на одульском языке.

Ниже представлены различия в написании рассматриваемых согласных (табл. 1). Для сравнения приведены слова одульского языка, зафиксированные в конце XIX в., в середине XX в. и в настоящее время. Выборка произведена из трудов В. И. Иохельсона [2005], проводившего экспедиционные работы у юкагиров в 1895–1897 гг., Е. А. Крейновича [1982], собиравшего языковой и фольклорный материал в 1959 г., из юкагирско-русского и русско-юкагирского словаря И. А. Николаевой и В. Г. Шалугина [2002] (в таблице – НШ), юкагирско-русского словаря П. Е. Прокопьевой и А. Е. Прокопьевой [2021] (в таблице – ПП), а также из личных материалов П. Е. Прокопьевой (в таблице – МП).

Таблица 1
Table 1

Соответствие ч // с // съ в разных источниках
Matching ch // s // s' in different sources

В. И. Иохельсон	Е. А. Крейнович	Современные материалы
āčā ‘олень (домашний)’	a:m'э a:c'э ‘олень (домашний)’	аасъэ ‘олень (домашний)’ (НШ) аача ‘олень (домашний)’ (МП. Инф. М. М. Лихачев, 1923 г.р.) аасъэ ‘олень (домашний)’ (ПП)
árič‘плохой; плохо’	эрис’ ‘плохой; плохо’	эрись ‘1. плохой; 2. плохо’ (НШ)
чохочál ‘под горкой; берег’		чобосъо ‘берег’ (НШ) чобочэ / чобосъэ ‘берег’ (МП. Инф. А. Е. Шадрина, 1930 г.р.) чобочал / чобосъал ‘берег’ (крутой, высокий) (ПП)
мáнмáгэч‘сокочил, подпрыгнул’	мэнмэгэс’ ‘прыгнул’	мэнмэгэсь ‘подпрыгнул’ (НШ)
кóбáч‘пошел, ушел, уехал’	кэшэс’ ‘пошел, ушел, уехал’	кэбэсъ ‘пошел, ушел, уехал’ (НШ)
лочíл ‘огонь’	лом'ил ‘огонь’	лосил ‘огонь’ (НШ)
кáчíи ‘принесли’	кэм'им ‘принес=он’	кэсиим ‘принес=он’ (НШ) кэчиим ‘принес=он’ (МП. Инф. В. Г. Шалугин, 1934 г.р.)
äčiä ‘отец’	эс'iэ ‘отец’	эсиэ ‘отец’ (НШ) эчиэ ‘отец’ (МП. Инф. В. Г. Шалугин, 1934 г.р.)

Материалы и методы

Материалом для исследования послужили словоформы, словосочетания, специально записанные на диктофон от Д. П. Борисовой, 1946 г.р., и Л. Н. Деминой, 1950 г.р., изолированно, в троекратном произнесении, а также связанные тексты, собранные П. Е. Прокопьевой в начале 2000-х гг. Для анализа мы взяли слова: 1) произношение которых в современном языке лесных юкагиров обнаруживает вариативность (фиксируется на письме буквами **Ч** // **С** // **СЬ**, например: *аасьиим* // *аасиим*³ ‘тянет’, *уксъии* // *укчи* ‘выходит’, *ангсиим* // *ангиим* ‘ищет’, *эчиэ* // *эсиэ* // *эсиэ* ‘отец’, *ньяачэ* // *ньяасьэ* ‘лицо’, *кэчиим* // *кэсиим* ‘принёс’, *чичкэдиэ* // *сыськэдиэ* // *сиськэдиэ* ‘рыба-конёк’); 2) слова без вариативной фиксации, например: *чомоодьэ* ‘большой’, *чиэлгэ-йо* ‘ой, как холодно’, *йукоодьэ* ‘маленький’, *кэбэсъэ* ‘ушёл’, *иркэсъ* ‘вздрогнуть’, *ингусъ* ‘уснул’, *пугэсъ* ‘тепло’; 3) заимствованные и адаптированные из русского языка с буквой **с** в инициальной позиции: *сыильэнъэй* // *сиилэнъэй* ‘сильный’ (от русского *сила*), *сольтэк* ‘посоли’ (от русского *соль*) и *собоны* ‘сегодня’ (от русского *сегодня*). Всего проанализировано чуть более 40 слов, из них 15 в троекратном произнесении. Следует сказать, что в исконно одульских словах в абсолютном начале слова свистящих не было (их появление связано с заимствованием из русского языка). Кроме того, в данном языке нет твердых переднеязычных свистящих, есть только переднеязычно-среднеязычные. В связи с этим было интересно посмотреть, сохраняется ли в заимствованных словах артикуляция, характерная для русских свистящих согласных, или происходит ее адаптация.

Звуковые файлы нарезались с помощью компьютерной программы Audacity, анализировались в программе SpeechAnalyzer 3.0.1. При сегментировании словоформ использовалась методика, применяемая в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований им. В. М. Наделяева Института филологии СО РАН (ЛЭФИ ИФЛ СО РАН), в соответствии с которой: 1) левая граница инициального глухого согласного выставляется по интенсивности: находится начало ее включения; 2) в зависимости от задач исследования и исследуемого языка смычный взрывной согласный сегментируется по-разному: если констатируется аспирация или аффрицированность, мы рассматриваем фазу выдержки и взрыв (импульс) у анализируемых консонантов как один компонент – смычный, а аспирацию или аффрицированность как другой; следовательно, их длительности рассматриваются отдельно, составляя при этом общую длительность звука; 3) переходные участки между звуками в словоформе, если они есть, делятся пополам; 4) формантные показатели гласного фиксируются на стационарном участке; если такой участок отсутствует, то измерения проводятся в центральной части звука.

Градация количественных показателей гласных и согласных звуков определялась по относительной длительности: 0–60 % – сверхкраткий; 60–100 % – краткий; 100–150 % – полудолгий; 150 % и выше – долгий; выше 300 % – сверхдолгий.

Для достижения единообразия при квалификации качества гласных в ротовой полости была разработана соответствующая методика (см. табл. 2 на с. 14) [Уртегешев, 2023].

В отличие от описания гласных, выполняемого по методике, представленной в табл. 2, фонетическая запись консонантных настроек производилась в принятой в ЛЭФИ ИФЛ СО РАН Универсальной унифицированной транскрипционной системе (УУФТ) В. М. Наделяева [Наделяев, 1960; Уртегешев и др., 2009].

В силу ряда объективных обстоятельств не было возможности провести исследование артикуляции с нашими информантами соматическими методами, поэтому при определении артикуляционных настроек мы ориентировались на личные ощущения и описания носителей языка, а также моделировали их произношение сами, уточняя правильность звучания. Кроме того, мы опирались на собственный опыт работы с информантами – носителями разных языковых семей и личный слуховой опыт.

³ Здесь и далее дано вариативное написание слов из различных источников.

Таблица 2
Table 2

**Дополнительные артикуляции гласных по положению спинки языка
в ротовой полости**
**Additional articulations of vowels according to the position
of the back of the tongue in the oral cavity**

ГОРТАННО-СВЯЗОЧНЫЕ									
1			Микширизованный (‐)						
	Палатализованный (')		Нейтрализованный			Веляризованный (γ)			
2	7.1-7.2	7.3	8.1	8.2	8.3	9.1	9.2	9.3	
3	3000-2600	2599-2200	2199-1800	1799-1551	1550-1301	1300-1200	1199-900	899-600	
4	с		д			е			
5	ГНО	ГО		ГНО	ГО	ГНО	ГО		
1 140-399	и / е / ъ	и / е / ъ / а	и / е / ъ / а	и / е / ъ / а	и / ѿ / и / ѿ /	и / е / ъ	и / ѿ / и / ѿ /	и / ѿ / и / ѿ /	
2 400-499	и / е / ъ / а					и / ѿ / и / ѿ /			
3 500-600	и / ѿ /					и / ѿ / и / ѿ /			
4 601-799	е / ъ / а	∅		е / ъ / а	∅ / о	е / ъ / а	о		
5 800-900	а	а		а	о	а			
6 901-1200		а		а	о				

Примечание: 1-я строка – название и расположение дополнительной артикуляции; 2-я – индексы нёбного свода; 3-я – диапазоны второй форманты (F_2 , Гц); 4-я – участки спинки языка (с – средний, д – межуточный, е – задний); 5-я – округление во время работы голосовых складок: ГНО (гортанно-неокругленный), ГО (гортанно-округленный); 6-11-я строки – ступени отстояния (с первой по шестую) с диапазонами первой форманты (F_1 , Гц).

Результаты и обсуждение

При детальном анализе в программе Speech Analyzer 3.0.1 аудиозаписей, сделанных в разное время, в том числе и в настоящее, мы зафиксировали также другое произношение, чем графически переданное в указанных источниках выше (табл. 1). Мы столкнулись с тем, что характеристика согласных оказывается сложнее и многообразнее и не исчерпывается представленной на письме фиксацией.

В табл. 3 на с. 15–16 представлены выявленные звуки с артикуляционно-акустической характеристикой.

Таблица 3
Table 3Сводная таблица выявленных единиц
Summary table of identified units

Позиция в слове	Звук	По акустическим данным	По нашим слуховым данным и описанию информантов	По относительной длительности
[C]V-	[<u>hç'</u>] (рис. 1 на с. 21)	сложный, смычно-щелевой, шипящий, глухой, аспирированный, мягкий ⁴	среднеязычный, твердонебный, дентализованный, умереннонапряженный	краткий
[C]V-	[(<u>h</u>)ç'] (рис. 2 на с. 21)	сложный, смычно-щелевой со слабым смычным компонентом, шипящий, глухой, аспирированный, мягкий	среднеязычный, твердонебный, дентализованный, умереннонапряженный	краткий
-VC ₃ [C]V-	[<u>hç.</u>]	сложный, смычно-щелевой, шипящий, глухой, неаспирированный, мягкий	среднеязычный, твердонебный, дентализованный, сильнонапряженный	полудолгий
-V[C]V-	[<u>hj.</u>]	сложный, смычно-щелевой, шипящий, звонкий, неаспирированный, мягкий	среднеязычный, твердонебный, дентализованный, умереннонапряженный	полудолгий
-V[C]V-	[<u>hj.</u>] (рис. 3 на с. 22)	сложный, смычно-щелевой, шипящий, звонкий с приглушенным щелевым компонентом, неаспирированный, мягкий	среднеязычный, твердонебный, дентализованный, умереннонапряженный	полудолгий
-V[C]V-	[<u>hç</u>] (рис. 2 на с. 21)	сложный, смычно-щелевой, шипящий, полузвонкий, с глухим щелевым компонентом, неаспирированный, мягкий	среднеязычный, твердонебный, дентализованный, умереннонапряженный	краткий
[C]V-	[ʃ̥']	простой, щелевой, шипящий, неаспирированный, мягкий	переднеязычно-среднеязычный, твердонебный, умереннонапряженный	полудолгий
-V[C]V-	[(<u>z</u> ʃ̥':).]	простой, щелевой, шипящий, начальнозвонкий (краткий компонент), неаспирированный, мягкий	переднеязычно-среднеязычный, твердонебный, умереннонапряженный	полудолгий
-V[C]C ₁ -	[ʃ̥']	простой, щелевой, шипящий, неаспирированный, мягкий	переднеязычно-среднеязычный, твердонебный, умереннонапряженный	полудолгий
-V[C]	[(<u>z</u> ʃ̥':):] (рис. 4–5 на с. 22–23)	простой, щелевой, шипящий, начальнозвонкий (краткий компонент), неаспирированный, мягкий	переднеязычно-среднеязычный, твердонебный, умереннонапряженный	долгий
-V[C]	[ʃ̥:]	простой, щелевой, шипящий, неаспирированный, мягкий	переднеязычно-среднеязычный, твердонебный, умереннонапряженный	долгий
[C]V-	[s̥']	простой, щелевой, свистящий, неаспирированный, мягкий	переднеязычно-среднеязычный, твердонебный, умереннонапряженный	полудолгий

⁴ Мы не ставим знака равенства между палатализацией и мягкостью, считая палатализацию сопутствующей артикуляцией у мягких согласных, но необязательной.

-V[C]C ₁ -	[(z"с")·]	простой, щелевой, свистящий, начальнозвонкий, неаспирированный, мягкий	переднеязычно-среднеязычный, твердонебный, умереннонапряженный	полудолгий
-V[C]V-	[s."]	простой, щелевой, свистящий, начальнозвонкий, неаспирированный, мягкий	переднеязычно-среднеязычный, твердонебный, умереннонапряженный	полудолгий
-V[C]	[s.]	простой, щелевой, свистящий, неаспирированный, мягкий	переднеязычно-среднеязычный, твердонебный, умереннонапряженный	полудолгий
[C]O ⁵ -	[s.]	простой, щелевой, свистящий, неаспирированный, твердый	переднеязычно-среднеязычный, твердонебный, умереннонапряженный	полудолгий
[C]A ⁶ -	[s·] (рис. 6 на с. 23)	простой, щелевой, свистящий, аспирированный, твердый	переднеязычно-среднеязычный, твердонебный, умереннонапряженный	полудолгий

Финальный согласный [ʃ·], оказавшись при наращении аффиксов в интервокальном положении, начально озвончается, заменяясь звуком [(зʃ·)·].

Ауслаутные [(зʃ·)·] и [ʃ·] находятся в отношениях факультативного варьирования.

В некоторых словах фиксируется междикторское варьирование звуков [ʃ·] и [s·], например: в слове *чишкэдиэ // сишикэдиэ // сиськэдиэ* ‘рыба-конёк’ в абсолютном начале слова в инициально-превокальной позиции и в слове *пүгэсь* ‘тепло’ – в финально-поствокальной.

Исходя из полученных данных, в одульском языке на основе метода дистрибутивного анализа с использованием правил выделения фонем Н. С. Трубецкого [1960], критерии дополнительной и контрастирующей дистрибуции и свободного варьирования, а также с учетом междикторской вариативности произношения можно выявить следующие фонемы:

/hç/ – сложная, смычно-щелевая, среднеязычная, твердонебная, шипящая, дентализованная, мягкая; реализуется в аллофонах [hç], [(h)ç], [hç·], [hj·], [hj], [hç] в следующих позициях: [C]V-, -VC₃[C]V-, -V[C]V-;

/ʃ"/ – простая, щелевая, переднеязычно-среднеязычная, твердонебная, шипящая, неаспирированная, мягкая; реализуется в аллофонах [ʃ·], [ʃ"], [(зʃ·)·], [(зʃ")·] в следующих позициях: [C]V-, [C]O-, -V[C]V-, -V[C]C₁-, -V[C]. Данная фонема – междикторский вариант консонантной системы одульского языка, соответствует фонеме /s"/;

/s"/ – простая, щелевая, переднеязычно-среднеязычная, твердонебная, свистящая, неаспирированная, мягкая, полудолгая; реализуется в аллофонах [s"], [s·], [s·'] в следующих позициях: [C]V-, [C]O-, [C]A-. Данная фонема – междикторский вариант одульского языка, соответствует фонеме /s"/;

/ʃ"/ – простая, щелевая, переднеязычно-среднеязычная, твердонебная, свистящая, неаспирированная, мягкая, полудолгая; реализуется в аллофонах [s"], [s·], [s·'] в следующих позициях: [C]V-, [C]O-, [C]A-, -V[C]V-, -V[C]C₁-, -V[C]. Данная фонема – междикторский вариант одульского языка, соответствует фонеме /ʃ"/.

Анализ работ исследователей, зафиксировавших разные этапы развития одульского языка, и собственный языковой материал позволили выявить естественный фонетический процесс изменения юкагирской фонемы /h/. Развитие и условная датировка процесса продемонстрирована в схеме 1 на с. 27.

Мы считаем, что ориентировочно в конце XVIII – начале XIX вв. начинается процесс аффрикатизации фонемы /h/: появляется шипящая аффриката [hç] в речи мужчин и свистящая [hç"] – в речи женщин. При определении датировки мы исходили из следующих фонетических наблюдений (Н. С. Уртегешев): примерно за два поколения происходит полная трансформация звука из одного типа в другой у всех носителей (в отдельных периферийных словах возможно сохранение исходного

⁵ Рассматриваемый согласный в препозиции к гласным типа «о».

⁶ Описываемый консонант в препозиции к гласным типа «а».

произношения). Если учесть, что за возраст одного поколения берется 25 лет, то полная замена звукотипа происходит приблизительно за 50 лет (без учета внешних факторов, таких как массмедиа, но при активном использовании языка). По В. И. Иохельсону, у одулов в конце XIX в. в женской и детской речи в финальной позиции уже фиксируется спонтанное произношение щелевой свистящей [s"] на месте аффрикаты [hs"], в то время как у старшего поколения в той же позиции отмечается шипящая [hç] [Иохельсон, 1934, с. 158]. Дети, находящиеся при материах, усваивали произношение со свистящим звуком от женщин. Следовательно, фон [h] прошел стадию трансформации в [hç] и [hs"] полностью, и за этот промежуток времени выросло два поколения. Естественно, что аффрикаты могли возникнуть и раньше в речи отдельных индивидов. Судя по записям В. И. Иохельсона, в речи женщин и детей продолжилось структурное изменение: аффриката [hs"] переходит в [s"]. Учитывая тот факт, что эта редукция носила не частный характер, а массовый, следует говорить о смене еще одного поколения одулов. Таким образом, мы получили приблизительную датировку – конец XVIII – начало XIX вв. Но следует сказать, что в то же время наравне с аффрикатами констатировалось произношение с [h] в абсолютном начале и в конце слова, а в интервокале фиксировался звонкий [h]. Трансформационный процесс фонемы /h/, по всей видимости, протекал неравномерно. Так, у Е. А. Крейновича, который записывал одулов в 1959 г., в ряде слов зафиксированы слова со звуком [h], находящимся в отношениях свободного варьирования с [s"] у одного и того же диктора, например, *a:m'ɔ // a:c'ɛ* ‘олень (домашний)’ [Крейнович 1982: 285]. В указанном примере зарегистрирован среднеязычный смычный [h], с одной стороны, а с другой – соответствие [h] // [s"], которое, казалось бы, нарушает закономерный ход фонетического развития: [h] → [hs"] → [s"]. Данное явление, вероятно, свидетельствует о смешении произношений в разных группах одулов, одни из которых еще сохраняли [h], а у других давно произошла дезаффрикатизация или структурная редукция свистящего [hs"]. Видимо, у некоторых групп, в частности у той, с представителями (потомками) которой работал И. В. Иохельсон, уже к началу XX в. произошло быстрое преобразование [hs"] → [s"], потому что в записях у последующих ученых свистящая аффриката не фигурирует.

Шипящая аффриката [hç], должно быть, в речи некоторых одулов была основной с самого начала, и эта одульская группа была многочисленной, собственно, как и «секающая». Большое количество записей с [hç] в разных позициях сделаны П. Е. Прокопьевой в начале XXI в. (см. табл. 3) от пожилых носителей языка, что говорит об устойчивости произношения. Контактирование и объединение одульских родов приводили к смешению артикуляционных традиций, которые на первоначальном этапе существовали параллельно, а затем началось выстраивание новой системы, в которой аффриката [hç] и щелевые [s"] и [ʃ"] стали выделяться в самостоятельные фонемы, но при этом /s"/ и /ʃ"/ выступают междикторскими вариантами произношения.

Рассматриваемая проблема вариативности фонемы /h/ отражает существовавшие языковые различия, присущие не только разным племенам юкагиров, но и, не исключено, родовым группам. В современном языке лесных юкагиров такие особенности выражаются в наличии разных лексико-морфологических и лексико-фонетических вариантов слов: так, например, распространены аллолексемы, различающиеся следующими фонемами и кластерами фонов: *ж ~ р* (*йонжсаа – йонраа* ‘ключ’, *йонжсоодъэ – йонроодъэ* ‘одеяло’), *м ~ б* (*эмбэ = – эббэ =* ‘быть черным’), *у ~ бо / бу* (*шоубо – шобобо* ‘посуда’, *йоубо – йобобо* ‘спина’) и др.

Заключение

В одульском языке за относительно короткий промежуток времени произошли значительные фонетические трансформации юкагирского /h/ в двух направлениях: 1) «щекающим» или «шипящем»: [h] → [hç] → [ʃ"]; 2) «секающим» или «свистящем»: [h] → [hs"] → [s"]. Подобные фонетические процессы трансформации (переднеязычно-)среднеязычной фонемы /h/ характерны и для тюркских языков Сибири, например, в калмакском языке: *йерь ~ дьерь ~ тьерь ~ черь ~ джерь ~ жерь ~ жырь* ‘земля’ (в речи одного носителя) [Уртегешев, 2018, с. 90], и для тунгусо-маньжурских [Морозова, 2015, с. 74–85; Морозова, Булатова, Андросова, 2020, с. 582–607]. Следует сказать, что цепочка изменений [h] → [hs"] → [s"] на материале других сибирских языков не фиксировалась, во всяком случае, подобными сведениями на данный момент мы не обладаем.

К настоящему времени в одульском языке из юкагирской /h/ развилось три фонемы – /hç/, /ʃ"/, /s"/, аллофоны которых функционируют в сходных позиционно-комбинаторных условиях.

В результате заимствований из русского языка слов с начальным «s», которые одулы адаптировали и произносят, согласно артикуляционным нормам языка-реципиента, так же с переднеязычно-среднеязычной настройкой, даже в тех случаях, когда звук не мягкий, у «щекающих» появилась новая фонема /s"/, а у «секающих» расширилось позиционное варьирование фонемы /s"/.

Для создания первых словарей и учебных пособий для одульского языка было выбрано унифицированное написание с щелевым переднеязычно-среднеязычным свистящим согласным [s"], отображающееся через **съ** во всех случаях, кроме препозиции к [и], [иэ]. В последнем случае использовали букву **с**, хотя, по данным наших фонетических исследований, в речи в тех же словах звучат и [hç.], и [ʃ:"].

Учитывая междикторскую вариативность произношения, характерную для речи последних носителей одульского языка, аллофоны фонем **hç/** ([hç"], [(h)ç"], [hç.]), **ʃ/** ([ʃ"], [ʃ:"], [(ʒʃ:").]), **ʃ"/** ([s"], [s'"], [s"]) для научных публикаций можно было бы отображать на письме через **ч** / **съ** / **щ**, например: (писали) **эсъиэ** ~ **эсиэ** – (предлагаем) **эсъиэ** ~ **эшиэ** ‘отец’, **пугэсъ** – **погэсъ** ~ **погэш** ‘тепло’.

Список литературы

- Иохельсон В. И.* Одульский (юкагирский) язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1934. Ч. III. 243 с.
- Иохельсон В. И.* Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005. 272 с.
- Крейнович Е. А.* Исследования и материалы по юкагирскому языку. Л.: Наука, 1982. 304 с.
- Крейнович Е. А.* Юкагирский язык / Языки народов СССР. Л., 1968. Т. V. С. 435–452.
- Курилов Г. Н.* Лексикология современного юкагирского языка: Развитие лексики и роль в нем якутского языка. Новосибирск: Наука, 2003. 288 с.
- Морозова О. Н.* Артикуляторно-акустические характеристики переднеязычного глухого смычного /t/ в эвенкийском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2015. Вып. 1. № 1. С. 74–85.
- Морозова О. Н., Булатова Н. Я., Андросова С. В.* Реализация переднеязычного щелевого /s/ в эвенкийском и орочонском языках // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Т. XVI. Ч. 2. С. 582–607.
- Надеяев В. М.* Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.; Л.: [б. и.], 1960. 66 с.
- Николаева И. А., Шалугин В. Г.* Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (верхнеколымский диалект): учеб. пособие для уч-ся нач. шк. СПб., 2002. 224 с.
- Прокопьева П. Е.* Язык лесных юкагиров // Язык и общество: Энциклопедия. М., 2016. С. 614–618.
- Прокопьева П. Е., Прокопьева А. Е.* Русско-юкагирский разговорник: Учеб. пособие. Якутск, 2013. 88 с.
- Прокопьева П. Е., Прокопьева А. Е.* Юкагирско-русский словарь (язык лесных юкагиров). Новосибирск: Наука, 2021. 412 с.
- Спиридовов В. К., Николаева И. А.* Букварь для 1 класса юкагирских школ (верхнеколымский диалект). СПб., 1993. 127 с.
- Трубецкой Н. С.* Основы фонологии. М., 1960.
- Уртегешев Н. С.* Калмаков язык // Tehlikedeki Diller Dergisi. 2018. № 12. С. 65–95.
- Уртегешев Н. С.* Уклад языка в ротовой полости как дополнительная артикуляция гласных // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 226–242. DOI 10.17223/18137083/82/17
- Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Эсенбаева Г. А., Рыжикова Т. Р., Добринина А. А.* Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий // Вопросы филологии. Серия: Урало-алтайские исследования. 2009. № 1 (1). С. 100–115.
- ФЮ – Фольклор юкагиров / Сост. Г. Н. Курилов. М.; Новосибирск: Наука, 2005. 594 с.
- ФЮВК – Фольклор юкагиров Верхней Колымы / Сост. Жукова Л. Н., Николаева И. А., Дёмина Л. Н. Якутск, 1989. В 2-х ч. Ч. 1. 161 с. Ч. 2. 89 с.

Южноюкагирский язык // Интерактивный атлас коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока: языки и культуры [Электронный ресурс]. URL: https://atlaskmns.ru/page/ru/lang_yukagiry_south_all.html#%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B0%D1%8F%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0 (дата обращения: 20.01.2023)

References

- Fol'klor yukagirov* [Folklore of the Yukaghirs]. G. N. Kurilov. (Comp.). Moscow, Novosibirsk, Nauka, 2005, 594 p. (In Russ., Yukagh.).
- Fol'klor yukagirov Verkhney Kolomy* [The folklore of the Upper Kolyma Yukaghirs]. L. N. Zhukova, I. A. Nikolaeva, L. N. Demina (Comps). Yakutsk, 1989, pt. 1, 161 p.; 1989, pt. 2, 89 p. (In Russ., Yukagh.)
- Iokhel'son V. I. *Materialy po izucheniyu yukagirskogo yazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruse* [The materials for Yukaghir language and folklore study collected in the Kolymsky district]. Yakutsk, Bichik, 2005, 272 p. (In Russ.).
- Iokhel'son V. I. *Odul'skiy (yukagirskiy) yazyk* [Odul (Yukaghir) language]. In: *Yazyki i pi'mennost' narodov Severa* [The languages and literature of the peoples of the North]. Leningrad, 1934, pt. III, 243 p. (In Russ.).
- Kreynovich E. A. *Yukagirskiy yazyk* [The Yukaghir language]. In: *Yazyki narodov SSSR* [The languages of the peoples of the USSR]. Leningrad, 1968, vol. 5, pp. 435–452. (In Russ.).
- Kreynovich E. A. *Issledovaniya i materialy po yukagirskomu yazyku* [Research and materials on the Yukaghir language]. Leningrad, Nauka, 1982, 304 p. (In Russ.).
- Kurilov G. N. *Leksikologiya sovremenennogo yukagirskogo yazyka: (Razvitiye leksiki i rol' v nem yakutskogo yazyka)* [Lexicology of the modern Yukaghir language: (Development of the Lexical System and the Role of the Yakut language in it)]. Novosibirsk, Nauka, 2003, 288 p. (In Russ.).
- Morozova O. N Artikulyatorno-akusticheskie kharakteristiki peredneyazychnogo glukhogo smychnogo /t/ v evenkiyskom yazyke [Articulatory and acoustic features of the fore-lingual voiceless plosive consonant /t/ in the Evenki language]. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2015, iss. 1, no. 1, pp. 74–85. (In Russ.).
- Morozova O. N. Bulatova N. Ya. Androsova S. V. Realizatsiya peredneyazychnogo shchelevogo /s/ v evenkiyskom i orochonskom yazykakh [Realization of front fricative /s/ in the Evenki and Oroqen languages]. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2020, vol. XVI, pt. 2, pp. 582–607. (In Russ.).
- Nadelyaev V. M. *Proekt universal'noy unifitsirovannoy foneticheskoy transkriptsii (UUFT)* [Universal Unified Phonetic Transcription (UUFT) Project]. Moscow, Leningrad, 1960, 66 p. (In Russ.).
- Nikolaeva I. A., Shalugin V. G. *Slovar' yukagirsko-russkiy i russko-yukagirskiy* [Yukaghir-Russian and Russian-Yukaghir vocabulary]. St. Petersburg, Drofa, 2002, 224 p. (In Russ.).
- Prokopeva P. E., Prokopeva A. E. *Russko-yukagirskiy razgovornik: Ucheb. posobie* [Russian-Yukaghir phrasebook: textbook]. Yakutsk, 2013, 88 p. (In Russ., Yukagh.).
- Prokopeva P. E., Prokopeva A. E. *Yukagirsko-russkiy slovar' (yazyk lesnykh yukagirov)* [Yukaghir-Russian vocabulary: the language of the Forest Yukaghirs]. Novosibirsk, Nauka, 2021, 412 p. (In Russ., Yukagh.).
- Prokopeva P. E. *Yazyk lesnykh yukagirov* [The language of the Forest Yukaghirs]. In: *Yazyki i obshchestvo: Entsiklopediya* [Languages and Society: Encyclopedia]. Moscow, 2016, pp. 614–618. (In Russ.).
- Spiridonov V. K., Nikolaeva I. A. *Bukvar' dlya 1 klassa yukagirskih shkol (verkhnekolymskiy dialekt)* [Primer for the 1st grade of Yukaghir schools (Verkhnekolymsky dialect)]. St. Petersburg, 1993, 127 p. (In Russ., Yukagh.).
- Trubetskoy N. S. *Osnovy fonologii* [Fundamentals of phonology]. Moscow, 1960. (In Russ.).
- Urtegeshev N. S. Kalmakov yazyk [The Kalmaks language]. *Tehlikedeki Diller Dergisi*. 2018, no. 12, pp. 65–95. (In Russ.).
- Urtegeshev N. S., Selyutina I. Ya., Esenbaeva G. A., Ryzhikova T. R., Dobrinina A. A. Foneticheskie transkripcionnye standarty UUFT i MFA: sistema sootvetstviy [Phonetic transcription standards of UUFT

and MFA: a system of correspondences]. *Journal of Philology. Ural-Altaic Studies*. 2009, no. (1), pp. 100–115. (In Russ.).

Urtegeshev N. S. Uklad yazyka v rotovoy polosti kak dopolnitel'naya artikulyatsiya glasnykh [The position of the tongue in the oral cavity as an additional articulation of vowels]. *Siberian Journal of Philology*. 2023, no. 1, pp. 226–242. DOI 10.17223/18137083/82/17 (in Russ.).

Yuzhnoukagirskiy yazyk. 2. Dialektnaya situatsiya [South Yukaghir language. 2. Dialect situation]. In: *Interaktivnyy atlas korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: yazyki i kul'tury* [Interactive atlas of indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: languages and cultures]. URL: https://atlaskmns.ru/page/ru/lang_yukagiry_south_all.html#%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B0%D1%88%D1%85%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0 (accessed: 20.01.2023). (In Russ.).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
05.03.2023

Сведения об авторах

Прасковья Егоровна Прокопьева – кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск, Россия)

E-mail: pproe@yandex.ru
ORCID 0000-0002-9413-6093.
AuthorID: 415334

Николай Сергеевич Уртегешев – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории экспериментально-фонетический исследований Амурского государственного университета (Благовещенск, Россия); ведущий научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: urtegeshev@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8616-4652
ResearcherID: k-5458-2017

Information about the Authors

Praskovya E. Prokopeva – Candidate of Pedagogy, Leading Researcher, Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russian Federation)

E-mail: pproe@yandex.ru
ORCID 0000-0002-9413-6093.
AuthorID: 415334

Nikolay S. Urtegeshev – Doctor of Philology, Leading Researcher, Laboratories of Experimental Phonetic Research of the Amur State University (Blagoveshchensk, Russian Federation); Leading Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: urtegeshev@mail.ru
ORCID: 0000-0001-8616-4652
ResearcherID: k-5458-2017

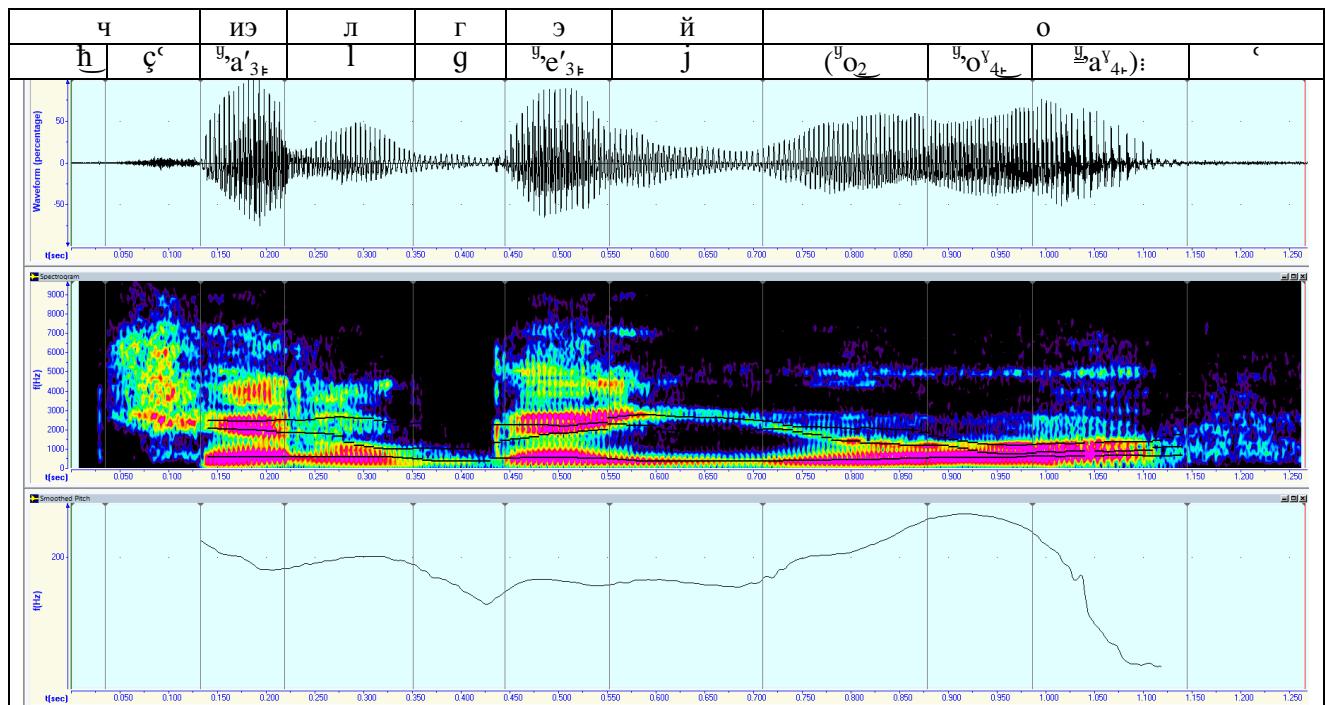

Рис. 1. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова чэлгэ-йо
[hç' u'a'3f lg u'e'3f j (u'02 u'o'4f u'a'4f):] ‘ой, как холодно (междометие)’

Fig. 1. Oscillogram, spectrogram, and pitch graph of *chielge-jo*
[hç' u'a'3f lg u'e'3f j (u'02 u'o'4f u'a'4f):] ‘Oh, how cold (interjection)’

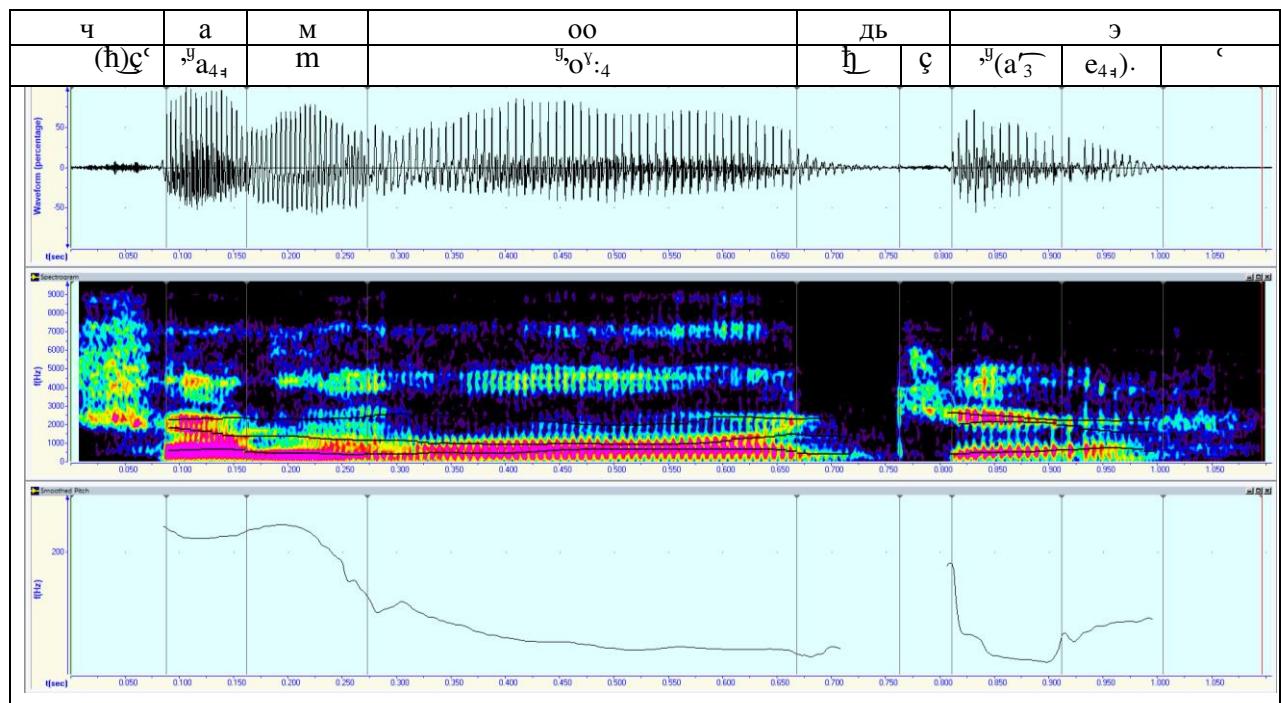

Рис. 2. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова чомоодъэ
[(h)ç' u'a'4f m u'o'4f hç' u'(a'3f e'4f).c] ‘большой’

Fig. 2. Oscillogram, spectrogram, and pitch graph of *chomood* "e 'big'

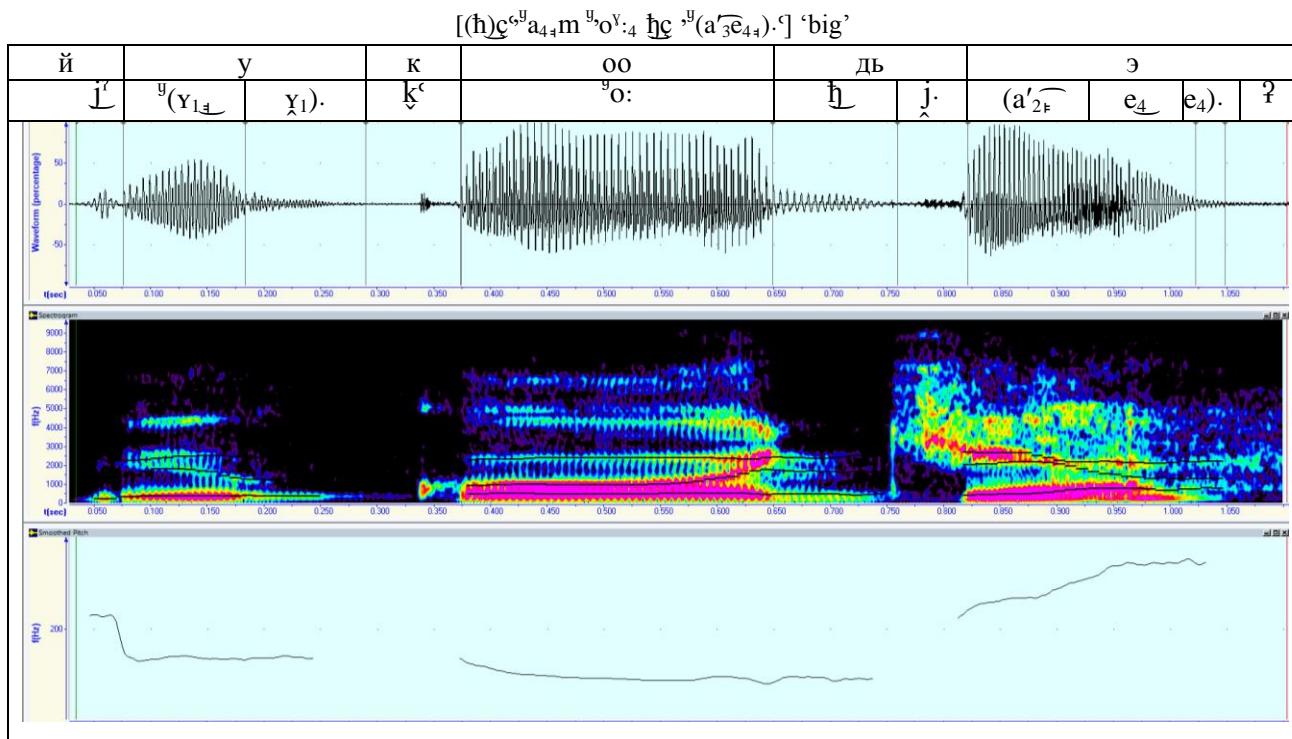

Рис. 3. Осциллограмма, спектrogramma и частота основного тона слова *йукоодъэ*
[l^u(Y₁₄ X₁).k^uo:^uh^u.(a'₂e₄e₄).^u] 'маленький'

Fig. 3. Oscillogram, spectrogram, and pitch graph of *yukood"e* [l^u(Y₁₄ X₁).k^uo:^uh^u.(a'₂e₄e₄).^u] 'little'

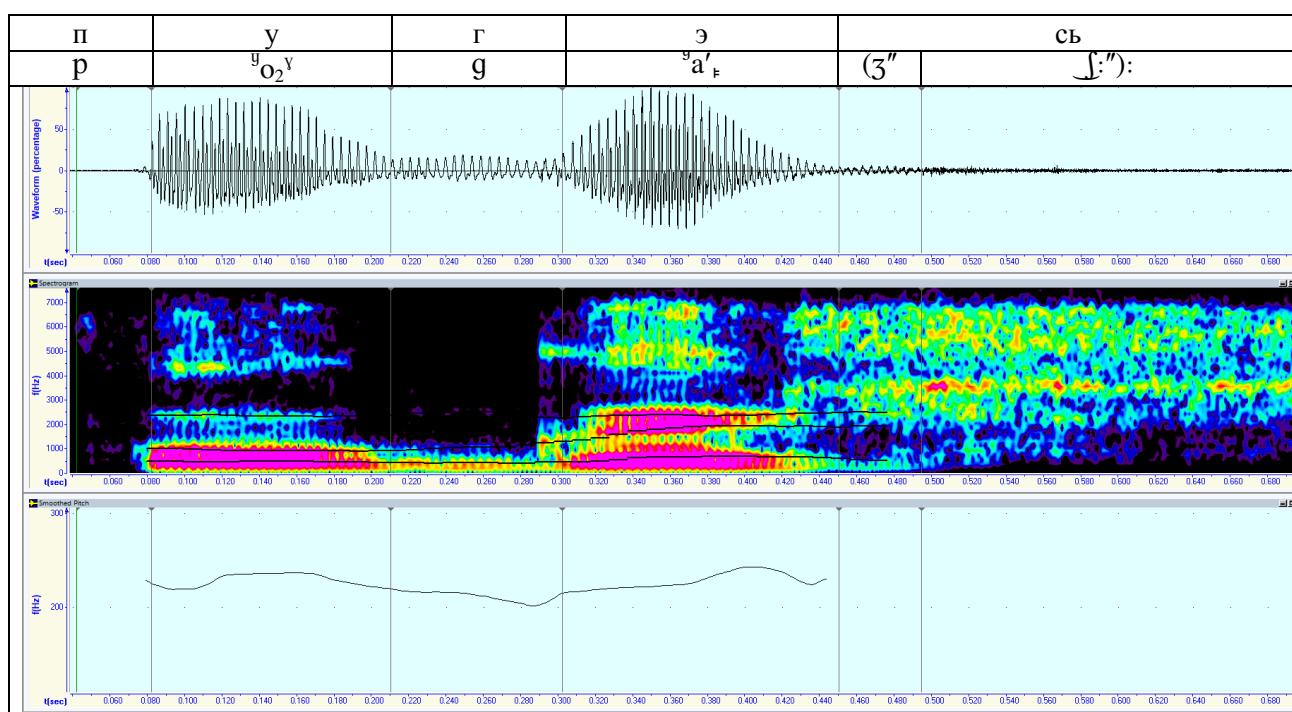

Рис. 4. Осциллограмма, спектrogramma и частота основного тона слова *пүгэсъ* [p^uo₂^ug^ua'₄(з")з:₄":] 'тепло'
Fig. 4. Oscillogram, spectrogram, and pitch graph of *puges* [p^uo₂^ug^ua'₄(з")з:₄":] 'warm'

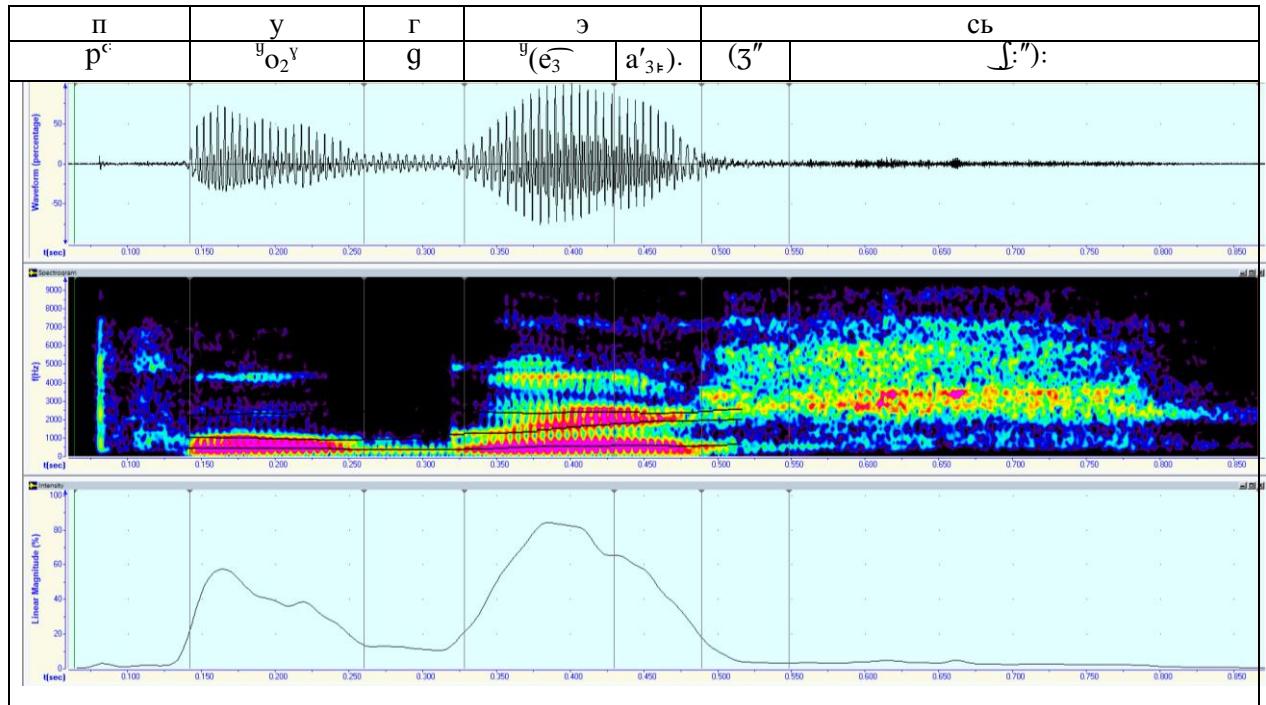

Рис. 5. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова пугэсь [p^c^y o₂ y g^y (e₃ a'_{3f}) · (z'') f'':] ‘тепло’
Fig. 5. Oscillogram, spectrogram, and pitch graph of *puges'* [p^c^y o₂ y g^y (e₃ a'_{3f}) · (z'') f'':] ‘warm’

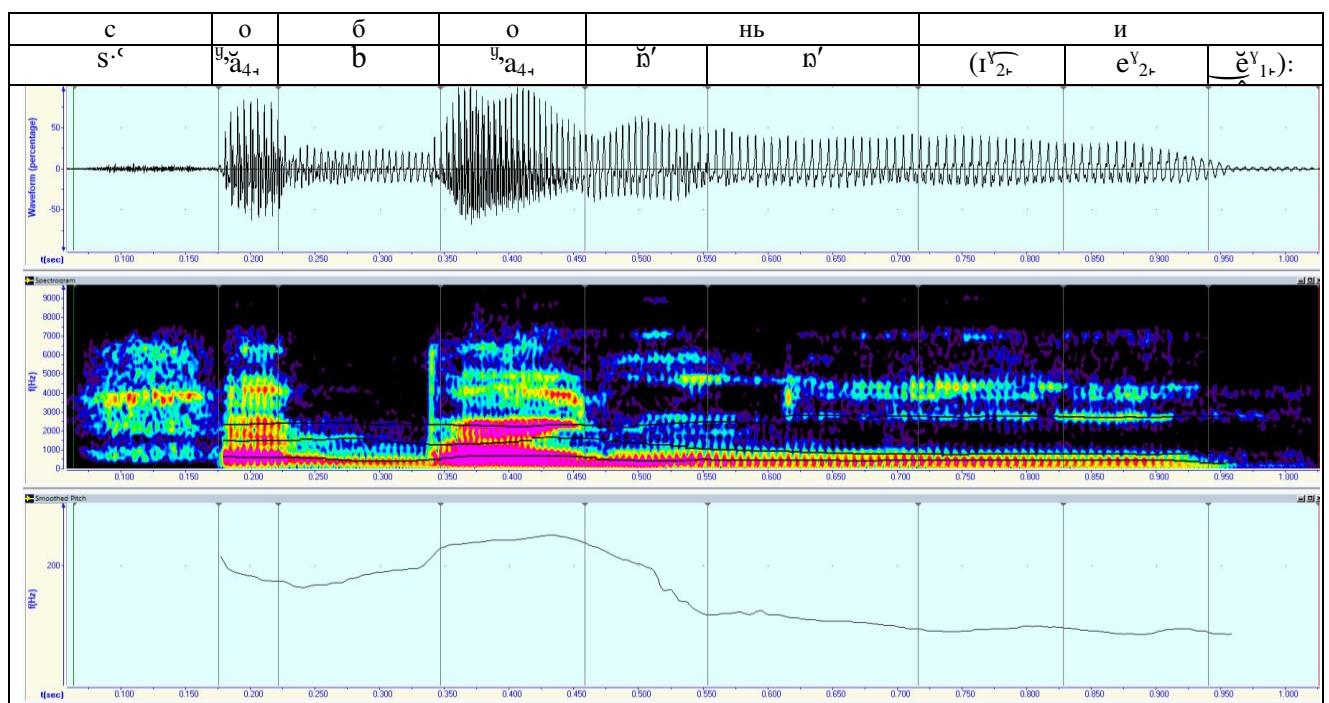

Рис. 6. Осциллограмма, спектрограмма и частота основного тона слова
собоны [s^c, a₄, b^y, a₄, b^y, n' (i^y₂₊, e^y₂₊, e^y₁₊)]: ‘сегодня’
Fig. 6. Oscillogram, spectrogram, and pitch graph of *sobon'i* [s^c, a₄, b^y, a₄, b^y, n' (i^y₂₊, e^y₂₊, e^y₁₊)]: ‘today’

Таблица 3
Table 3

Реализация звука *h Sound implementation *h

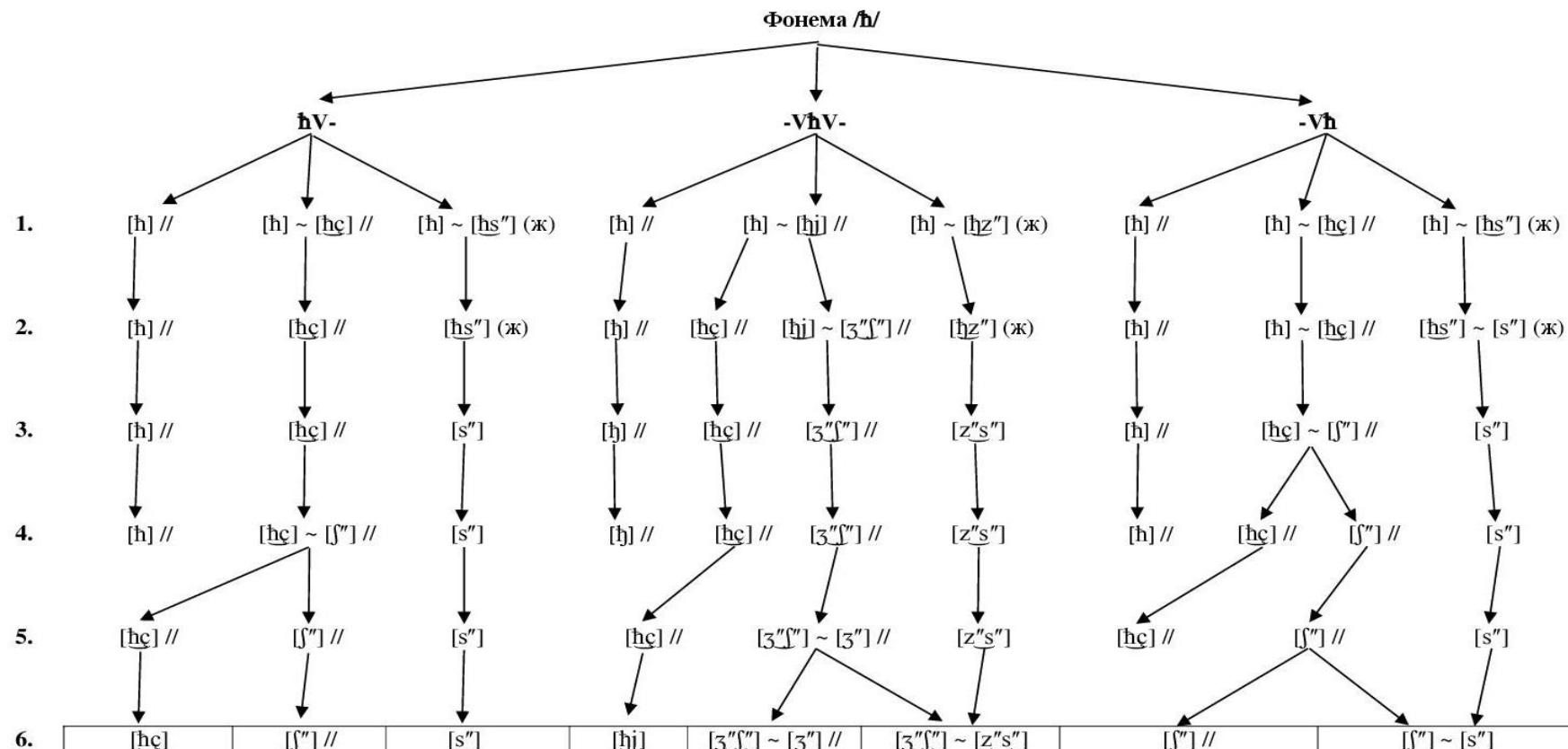
Позиция в слове	Звук	Транскрипция	Написание	Перевод
[C]V-	[⟨h⟩ç]	[⟨h⟩ç ⁹ a ₄ ₙm ⁹ o ⁹ ₙ hç ⁹ (a ⁹ œ ₄ ₙ)·]	чомоодъэ (ПУ)	‘большой’
[C]V-	[hç]	[hç ⁹ a'ₙlg ⁹ e'ₙʃ (⁹o ₂ ⁹ ⁹a ⁹ ₙ):]	чиэлгэ-йо (ПУ)	‘ой, как холодно (междометие)’
[C]V-	[s<·]	[s< ⁹ o ⁹ ₙ(λλ):·?t ⁹ (e ⁹ ₙa ⁹ ₙa ⁹ .)?k ⁹ ·]	сольтэк (ПУ)	‘посоли’
[C]V-	[s·]	[s·o ₄ (λλ):?t ⁹ (eo)ₙ,ð ⁹ e'ₙn·]	сольтэгэн (ПУ)	‘путь посолит’
[C]V-	[s"·]	[s"· ⁹ I'₂=⁹λe'=⁹n⁹e'₂(⁹i ⁹):}]	съильэнъэй ~ сильэнъэй (ПУ)	‘сильный’
[C]V-	[f"·]	[f"⁹I'₃(z"s")-k'⁹e ⁹ ₙh'⁹e'₁⁹e'₂:]	сиськэдиэ (ПУ)	‘рыба-конёк’
-V[C]V-	[z"] // [hz"]		āčä (И)	‘олень (домашний)’
	[h] // [s"]		a:m'э // a:c'э (К)	
	[s"]		aасъэ (НШ)	
	[hç] // [s"]		aaча // aасъэ (П)	
-V[C]V-	[hj"] // [hz"]		лочил (И)	‘огонь’
	[h]		лом'ил (К)	
	[s"]		лосил (НШ)	
-V[C]V-	[hj"] // [hz"]		кäчiни (И)	‘принесли’ (И), ‘принес=он’
	[h]		кэм'им (К)	
	[s"]		кэсиим (НШ)	
	[hç]		кэчиим (П)	
	[(z"j":):]	[?k ⁹ e ₄ ₙ(z"j":)⁹I'₂,(m ⁹)·]	кэсъиим ~ кэсиим (ПУ)	

-V[C]V-	[hj"] // [hz"]		äçiä (И)	‘отец’
	[s"]		эс'иэ (К)	
	[s"]		эсиэ (НШ)	
	[hç]		эчиэ (П)	
	[(z"l")·]	[<u>e₃</u> ·(z"l")·(<u>l'</u> ₃ <u>e'</u> ₄ <u>e'</u> ₄)·:]	эсъиэ ~ эсиэ (ПУ)	
	[(z"l:)·]	[<u>e'</u> ₄ <u>e'</u> ₃ ·(z"l:)·(<u>l'</u> ₂ <u>e'</u> ₄ <u>e</u> ₄)·:]	эсъиэ ~ эсиэ (ПУ)	
-V[C]V-	[(z"l:)·]	[<u>l</u> ? <u>k</u> ^c <u>e</u> ^v ₄ <u>b</u> ^b <u>e</u> ^v ₄ ·(z"l:)·(<u>e</u> ^v ₂ <u>a</u> ^v ₄)·:]	кэбэсъэ (ПУ)	‘ушёл=я’
-V[C]V-	[(z"l")·]	[<u>l</u> ^y ·(<u>e</u> ^v ₂ <u>a'</u> ₄)·(z"l")· <u>e</u> ^v ₄ <u>a</u> ^v ₄)]	нъаасъэ (ПУ)	‘лицо’
-V[C]V-	[z"l"]	[<u>l</u> ? <u>k</u> ^c <u>e</u> ^v ₂ <u>e</u> ^v ₃ ·z"l"·(<u>a</u> ^v ₂ <u>a</u> ^v ₄ <u>a</u> ^v ₄)·:]		
-V[C]V-	[s"]	[<u>l</u> ? <u>k</u> ^c <u>e</u> ₂ ·s"(<u>a</u> ^v ₄ <u>a</u> ^v ₄)·?]	киэсъэ (ПУ)	‘пришёл=я’
-V[C]V-	[hj"] // [hz"]		чохочáл (И)	‘берег’
	[s"]		чоðосъо (НШ)	
	[hç] // [s"]		чоðочэ / чоðосъэ (П)	
-V[C]V-	[hj·]	[<u>l</u> ? <u>y</u> (<u>Y</u> ₁ <u>Y</u> ₁)· <u>k</u> ^c <u>o</u> : <u>hj</u> ·(<u>a'</u> ₂ <u>e</u> ^v ₄)·?]	йукоодъэ (ПУ)	‘маленький’
-V[C]V-	[hç]	[(<u>h</u>) <u>c</u> ^y <u>a</u> ₄ <u>m</u> ^y <u>o</u> ^v ₄ <u>h</u> ^c ^y <u>(a'</u> ₃ <u>e</u> ₄)·?]	чомоодъэ (ПУ)	‘большой’
-V[C]C ₁ -	[(z"s")·]	[<u>l</u> ? <u>y</u> ₁ <u>l</u> ₃ ·(z"s")· <u>k</u> ^c <u>e</u> ^v ₃ <u>h</u> ^y <u>e'</u> ₁ <u>e'</u> ₂ <u>e'</u> ₂)·:]	сисъкэдиэ (НШ)	‘рыба-конёк’
-V[C]	[h] ~ [hç] // [hs"] ~ [s"]		äriç(И)	‘плохой, плохо’
	[s"]		эрис' (К)	
	[s"]		эрисъ (НШ)	
-V[C]	[h] ~ [hç] // [hs"] ~ [s"]		мäñmäçäç(И)	‘соскочил, подпрыгнул=он’

	[s'']		мэнмэгэс' (К)	
	[s'']		мэнмэгэс' (НШ)	
-V[C]	[h] ~ [hç] // [hs''] ~ [s'']		кóбäч(И)	'пошел, ушел, уехал=он'
	[s'']		кэwэс' (К)	
	[s'']		кэбэс' (НШ)	
	[ʃ:]	[^y (e ^y ʃe ^y :)₂, ^y ŋd ^y ɔ ^y ɔ ^y ʃ:]	иңжус' (ПУ)	'уснул=он'
-V[C]	[^y (^y ʃ ^y :)]:	[^y { ^y é ^y ₃, (^y ʃ ^y :) · k ^y é ^y ₃, (^y ʃ ^y :)}]	иркэс' (ПУ)	'взрогнул=он'
-V[C]	[^y (^y ʃ ^y :)]:	[^y p ^y o ^y ₂ ^y g ^y a' _₃ (^y ʃ ^y :)]:	иүгэс' (ПУ)	'тепло'
-V[C]	[^y (^y ʃ ^y :)]:	[^y p ^y o ^y ₂ ^y g ^y (^y e ^y ₃a' _₃ · (^y ʃ ^y :))]		

Примечание: ПУ – Прокопьева, Уртегешев, И – Иохельсон, К – Крейнович, НШ – Николаева, Шалугин, П – Прокопьева. Отсутствие транскрипции в соответствующем столбце: у авторов дано только кириллическое написание или другой тип транскрибирования (не УУФТ). Звук дан в УУФТ, исходя из представленной характеристики у исследователя.

Схема развития фонемы /h/ и примерная датировка данного процесса
Scheme of phoneme development /h/ and approximate dating of this process

1. Примерно конец XVIII – начало XIX в. У некоторых групп одулов начинается аффрикатизация [h] (ть) в двух направлениях: в [hc] (ч) и в [hs"] (и).
 2. Конец XIX в. 3. Начало XX в. 4. Середина XX в. 5. Конец XX в. – начало XXI в. 6. Наше время. У последних носителей языка.
- (ж) – женская речь; ~ – факультативное чередование в речи одного носителя; // – варьирование у разных групп одулов.

СИНТАКСИС

УДК 811.512.221.6 + 81'367.3 + 81'367.625.45

DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-26-38

Осложняющие обстоятельства в орокском предложении: структура и семантика

Л. В. Озолиня

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

Осложняющие обстоятельства представлены в орокском языке непредикативными посессивными конструкциями с отглагольными именами существительными «сложной семантики». Являясь универсальной семантической категорией для выражения атрибутивных отношений между именами, посессивность располагает специфическими механизмами выражения в каждом языке. В тунгусо-маньчжурских языках посессивность оформляется атрибутивными притяжательными конструкциями. Семантические отношения между компонентами посессивной конструкции реализуются на уровне двучленной структуры, первый компонент которой – имя-посессор, второй – имя существительное, называющее предмет обладания, оформляемое маркером-релятором (посессивным суффиксом). В зависимости от принадлежности к грамматическому классу первого компонента, посессивные конструкции характеризуются как субстантивные и прономинативные. Последние представлены конструкциями с личными и возвратными местоимениями, заполняя в предложении позицию обстоятельства, которое по семантическим основаниям квалифицируется как осложняющее. Отглагольные имена сложной семантики, традиционно называемые глагольными формами: «форма одновременного действия» (симультатив), «условно-временная форма» (кондициональ), «форма цели» (супин), «условно-уступительная форма» (консессив), а также «форма несостоявшегося действия» [Петрова, 1967, с. 120], в составе посессивной конструкции заполняют синтаксические позиции обстоятельства времени, цели, условия, уступки или недостигнутой цели. Семантическими эквивалентами в русском языке выступают либо сочетания притяжательных местоимений с предложно-падежными формами имени существительного, либо придаточные соответствующих разрядов в составе сложноподчиненных предложений, присоединяемые подчинительными союзами. В статье предпринята попытка описания инвентаря осложняющих обстоятельств, находящих выражение в посессивных конструкциях с отглагольными именами особых архаичных парадигм. Описание осложняющего обстоятельства выполнено с точки зрения структуры и семантики.

Ключевые слова

орокский язык, осложняющее обстоятельство, семантика, структура, посессивная конструкция, отглагольные имена, возвратно-притяжательные деепричастия

Для цитирования

Озолиня Л. В. Осложняющие обстоятельства в орокском предложении: структура и семантика // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45). С. 26–38. DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-26-38

Complicating adverbials in the Orok sentence: structure and semantics

L. V. Ozolinya

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Complicating adverbials are represented in the Orok language by non-predicative possessive constructions, verbal nouns of “complex semantics.” As a universal semantic category for expressing attributive relations between names, possessiveness has specific expression mechanisms in each language. In the Tungus-Manchu languages, possessiveness is formalized by attributive possessive constructions. Traditionally, semantic relations between the components of a possessive construction are implemented at the level of a two-term structure, with the first component being the name-possessor and the second component being the object of possession (exclusively a noun), formed by a marker-relator (possessive suffix). Depending on the grammatical class of the first component (the possessor), possessive constructions are characterized as substantive and pronominal, the latter represented by personal and reflexive ones occupying the position of an adverbial in the sentence and regarded as “complicating” in terms of semantics. The verbal nouns of “complex semantics” are traditionally referred to as verb forms: “simultaneous form,” “conditional-temporal form,” “purpose form,” “conditionally concessive form,” and “failed action form.” These verbal nouns occupy the syntactic positions of the adverbials of time, purpose, condition, concession, or unachieved purpose in the sentence as part of a possessive construction. The semantic equivalents of these adverbials in Russian are phrases of possessive pronouns with prepositional-case forms of a noun, or clauses of the corresponding categories in complex sentences, attached by subordinating conjunctions or allied words. This work describes the inventory of complicating adverbials manifested in possessive constructions with verbal nouns of special ancient paradigms in terms of structure and semantics.

Keywords

Orok language, complicating circumstance, semantics, structure, possessive construction, verbal nouns, reflexive possessive adverbs

For citation

Ozolinya L. V. Oslozhnyayushchie obstoyatel'stva v orokskom predlozhenii: struktura i semantika [Complicating adverbials in the Orok sentence: structure and semantics] *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 2 (iss. 45), pp. 26–38. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-26-38

Осложняющие обстоятельства представлены в орокском языке непредикативными посессивными конструкциями с отлагольными именами существительными «сложной семантики». Обстоятельство как зависимая синтаксическая позиция в составе словосочетания или предложения находит свое выражение в тунгусо-маньчжурских языках не только в падежных формах имени существительного [Озолиня, 2021, с. 211–221; Озолиня, 2022, с. 139–153] или лексических единицах класса наречия, но и в непредикативных синтаксических структурах, в частности посессивных конструкциях с возвратно-притяжательными деепричастиями и особыми глагольными формами, так называемыми отлагольными именами «сложной семантики».

Исследований, посвященных анализу средств выражения обстоятельственной семантики в тунгусо-маньчжурских языках как в простом, так и в сложноподчиненном предложении, немного. Работ, посвященных анализу непредикативных посессивных конструкций в роли обстоятельства времени, цели, условия, уступки и т. п., практически нет. В грамматических описаниях анализ именных глагольных форм и возвратно-притяжательных деепричастий сводится к их перечислению с описанием аффиксов, образующих данные «глагольные формы», иногда – к фиксации их синтаксических ролей [Колесникова, Константинова, 1968, с. 121; Новикова, 1968, с. 101–102; Аврорин, 1961, с. 138–170; Кормушин, 1998, с. 97–98; Аврорин, Болдырев, 2001, с. 199, 363; и др.], причем, выделяют от двух до восьми словоформ возвратных деепричастий, в ульчском, удэгейском и эвенском – две именных формы: супин и кондициональ. Функциональные аспекты рассматриваются в синтаксических исследованиях преимущественно при анализе полипредикативных конструкций. Но поскольку в большин-

стве своем тунгусо-маньчжурские языки «при относительно слабой развитости форм сложноподчиненного предложения ... отличаются богатством причастных и деепричастных оборотов (словосочетаний), функционально соответствующих придаточным предложениям русского и других индоевропейских языков» [Суник, 1997, с. 160–161], обстоятельственные посессивные структуры, исходя из их семантики, традиционно квалифицируются как «полипредикативные конструкции с зависимым предикатом» [Бродская, 1988, с. 84], «ППК с зависимыми инфинитными формами (кондиционалом и целевой формой)» [Герасимова, 2006, с. 116], конструкции с «формами зависимой предикации» [Мальчуков, 1999, с. 145] и т. п.

В орокском языке отглагольные имена «сложной семантики», традиционно квалифицируемые как особые глагольные формы: «форма одновременного действия» (симультатив), «условно-временная форма (кондициональ), «форма цели» (супин), «условно-уступительная форма» (консессив), «форма несостоявшегося действия» [Петрова, 1967, с. 120], в составе посессивной конструкции в предложении заполняют синтаксические позиции обстоятельства времени, цели, условия, уступки или недостигнутой цели. Орокские деепричастия в семантическом плане достаточно сложно соотнести с русскими деепричастиями: семантика орокского сложнее, кроме того, с грамматической точки зрения оно совершенно лишено даже относительных временных характеристик, которые присущи русским деепричастиям и определяются совершенным или несовершенным видом производящей основы (в орокском языке категория вида не сформирована). При этом возвратно-притяжательные деепричастия, не находя семантических эквивалентов среди деепричастий русского языка, вполне могут быть соотнесены с выраженными предложно-падежными формами обстоятельств в русском языке. В орокском предложении такие обстоятельства обычно занимают позицию абсолютного начала или абсолютного конца.

Несмотря на то, что непредикативные посессивные конструкции с отглагольными именами и возвратно-притяжательными деепричастиями семантически относительно эквивалентны обстоятельственным придаточным времени, причины, цели и условия русского языка (обстоятельства недостигнутой цели имеют весьма условные семантические аналоги), структурно они остаются простыми, осложнены они исключительно в плане семантики. Именно это послужило основанием для отнесения непредикативных посессивных конструкций с отглагольными именами и возвратно-притяжательными деепричастиями к разряду осложняющих.

Посессивность является универсальной семантической категорией для выражения атрибутивных отношений между именами, располагая в каждом языке специфическими механизмами выражения. В тунгусо-маньчжурских языках посессивность реализуется в пределах атрибутивной притяжательной конструкции, выступающей в предложении в функции подлежащего (исключением являются возвратно-посессивные структуры), дополнения или обстоятельства.

Семантические отношения между компонентами посессивной конструкции реализуются на уровне двучленной структуры, первый компонент которой – имя-посессор в именительном падеже, второй компонент – существительное, обозначающее предмет обладания («обладаемое»), с маркером-релятором – посессивным суффиксом. В зависимости от принадлежности первого компонента посессора к тому или иному грамматическому классу, конструкции характеризуются как субстантивные и прономинативные, последние представлены личными и возвратными.

В тунгусо-маньчжурских языках посессор может быть выражен несколькими языковыми способами, тогда как позицию «обладаемого» может заполнять исключительно имя существительное. Однако квалификация релятивной формы в орокском языке вне контекста практически невозможна: она осложняется, с одной стороны, омонимичностью суффиксальных служебных показателей, например, лично-притяжательных суффиксов имени существительного и лично-числовых глагольных показателей, с другой, широко распространенной частеречной деривацией, следствием которой является образование функциональных омонимов (структурно идентичных единиц различных грамматических классов): омонимичны лично-притяжательные формы существительного и личные формы глаголов, например: *би нэнухэмби* ‘я ушел’ и *би нэнухэмби* ‘мой уход’. Но возвратно-притяжательные суффиксы имени существительного параллелей в системе глагольных показателей не имеют: возвратное притяжение допускают только имена существительные. Соответственно, лексические единицы, в структуре которых выявляется возвратно-притяжательный суффикс, независимо от того, квалифи-

цировались ли они ранее как «особые глагольные формы», «именные глагольные формы» или «деепричастия», могут являться только именами существительными особых, утраченных ныне в большинстве тунгусо-маньчжурских языков парадигм [Аворин, 1959, с. 138; Петрова, 1941, с. 89; Суник, 1962, с. 247], отглагольными именами, не имеющими полных функционально-семантических эквивалентов в классе имен существительных русского языка. Именно Т. И. Петровой принадлежит идея о четкой организации этих единиц, являющихся по своему грамматическому оформлению и функционалу именными, их принадлежности к архаичным парадигмам, использовавшимся в тунгусо-маньчжурских языках для выражения отношений зависимости и оформления семантики цели, условия, уступки и т. п. в простом предложении [Петрова, 1967, с. 120].

Отглагольные имена представлены в орокском языке двумя парадигмами: существительными сложной семантики (в части тунгусо-маньчжурских языков ныне утраченных или представленных преимущественно супином и кондиционалом, тогда как в орокском языке выделяются помимо названных симультатив, консессив и имя недостигнутой цели) и возвратно-притяжательными деепричастиями, которые выделяются во всех тунгусо-маньчжурских языках (от 2 до 8 форм). Все отглагольные имена дифференцируются в составе простого предложения по отношению к сказуемому: если основное и добавочное действие, обозначаемое обстоятельством, осуществляется одним субъектом, позицию обстоятельства заполняют свернутые посессивные конструкции с возвратно-притяжательными деепричастиями, если субъекты различны – посессивные конструкции с отглагольными именами. По этим основаниям к свернутым посессивным конструкциям отнесены такие, первый член которых, лично-притяжательное или возвратно-притяжательное местоимение, удаляется, отражаясь суффиксом лексемы, квалифицируемой как деепричастие, но исторически восходящей к древней падежной форме субстантивированного причастия [Озолиня, 2016, с. 218; Певнов, 1980, с. 11], так как посессивность в тунгусо-маньчжурских языках является категорией, свойственной исключительно именам существительным. Как справедливо отмечал О. П. Суник, «именными формами глагола мы называем ... такие частные глагольные формы, как супин, условная форма (кондициональ) и некоторые другие. Основанием для объединения указанных форм в одном общем разряде и для наименования его *разрядом именных форм глагола* (курсив мой – Л. О.) служит, прежде всего, тип окончаний, свойственных этим формам, – лично-притяжательные и возвратно-притяжательные окончания, присущие ... именам, а не глаголам» [Суник, 1962, с. 249].

В посессивной конструкции с отглагольными именами существительными позицию первого компонента посессора может заполнять несамостоятельное притяжательное или возвратное местоимение, реже – личное местоимение-существительное или имя существительное в форме именительного падежа. В роли предмета обладания или «обладаемого» выступает отглагольное имя сложной семантики, оформленное маркером-релятором. Функции маркеров-реляторов выполняют посессивные суффиксы, отражающие имя посессора по категориям лица и числа (личные и лично-притяжательные) или только числа (возвратные суффиксы). Возвратно-притяжательные конструкции с «деепричастиями» в тунгусо-маньчжурских языках выступают в свернутом виде, допуская регулярную элиминацию посессора – возвратного местоимения-прилагательного мэн(э) ‘свой, свои’, дифференцируемого исключительно в отношении числа лиц-обладателей: ‘свой для одного или свой для многих’, но отражаясь маркером-релятором «обладаемого».

1. Обстоятельства времени

Осложняющие обстоятельства времени находят свое выражение в посессивных конструкциях с симультативом – отглагольным именем одновременного действия, кондиционалом – именем условно-временной семантики и одновременно-длительными, разновременными и условно-временными возвратными деепричастиями. Формально обстоятельства с возвратно-притяжательными деепричастиями выступают как однокомпонентная или «свернутая» посессивная конструкция, осложняющая предикативную структуру семантически: хотя посессор формально не выражен, его репрезентируют суффиксальные показатели (возвратно-притяжательные реляторы), оформленные второй компонент («обладаемое»).

1.1. Обстоятельства, выраженные посессивными конструкциями с симультативом, квалифицируются как обстоятельства времени и обычно занимают позицию начала предложения, указывая на одновременность добавочного и основного действий, осуществляемых разными субъектами. Они семантически вполне соотносимы с придаточными временем, присоединяемыми союзами, в составе сложноподчиненного предложения в русском языке. Функции посессора в конструкциях с симультативом обычно выполняют несамостоятельные притяжательные местоимения, дифференцируемые в отношении лица и числа, но допускается использование существительных и личных местоимений-существительных, что характерно исключительно для посессивных структур с собственно именами существительными. Например:

(1) *Сун(y) биңэсису Пилетунду гēда нари кадараңусу вāхани.* [Новикова, 1950, 4–16]

сунн(у) **би=нэси=су** Пилетун=ду гēда нари
 ваш **пребывать=Sim=Poss2Pl** Пильтун=Loc1 один человек
 кадара=ну=су вā=ха=ни

медведь=PossInd=Poss2Pl убить=Past=3Sg

‘Когда вы были в Пильтуне, один человек вашего огромного медведя убил’ [Там же, 4–17] (букв.: во время вашего пребывания).

(2) *Эр мангасал бинэссири зин бара заргули манауачи-тани.* [Новикова, 1950, 4–18]

эр манга=сал **би=нэсси=ри** зин бара заргули
 этот богатырь=Pl **жить=PossRefl/Pl** очень много красные волки (черт)
 манна=γа=чи тани
 уничтожить=Past=Pl действительно

‘Эти богатыри, когда жили, очень много красных волков (чертей) уничтожали’ [Новикова, 1950, 4–22] (букв.: во время своей жизни).

1.2. Обстоятельства, выраженные посессивными конструкциями с кондиционалом – именем условно-временной семантики, могут быть квалифицированы как темпорально-условные или условно-временные придаточные. Они соотносимы с русскими придаточными временем, присоединяемыми временными подчинительными союзами, значение которых осложнено оттенком условия. В функции посессора в конструкциях с темпорально-условными именами достаточно часто выступают имена существительные и личные местоимения-существительные, что свойственно номинативным посессивным конструкциям. Обстоятельства с кондиционалом обычно занимают позицию начала предложения, указывая на последовательность основного и добавочного действий, а отчасти и на условность добавочного действия. Например:

(3) *Сини күчэмбэси пивэүүтэси күчэүэси пивэвлухэн.*

сини күчэм=бэ=си **пивэ=үүтэ=си** күчэүэ=си
 твой нож=Acc=Poss2Sg **точить=Cond=Poss2Sg** нож=Poss2Sg
 пивэвлу=хэ=ни
 стачиваться=Past=3Sg

‘Когда ты точишь свой нож, он становится тоньше (стачивается)’ [Новикова, 1950, с. 4–25] (букв.: во время / при условии точения).

(4) *Āмба акпаутанē би симбē сэруучилэми.*

āмба **акпа=кута=нē** би сим=бē сэрууччи=лэ=ми
 черт **засыпать=Cond=Poss3Sg** я=1Sg ты=Acc2Sg разбудить=Fut=1Sg

‘Когда / если чёрт ляжет спать, я тебя разбуджу’ [Озолина, 1991, с. 3–37]
 (букв.: при условии / после его <черта> засыпания).

1.3. Обстоятельства, находящие выражение в посессивных конструкциях с субстантивными одновременными деепричастиями, квалифицируются как обстоятельства времени, но помимо указания

на продолжительность субстантивного добавочного действия они косвенно обозначают причину, позволяющую осуществить главное. Осуществление основного действия в определенной мере возможно как следствие добавочного действия. Обстоятельства с одновременными деепричастиями в предложении регулярно занимают позицию абсолютного конца, факультативно допустима и позиция перед сказуемым. Например:

(5) *Гедара Торисал хусэлчи гобдотчи, гасандори асилбари, турилбэри вэдэмэри.*

гедара Торисал хусэ=л=чи гобд=о(γо)т=чи
однажды род Ториса самец=Pl=Poss3Pl промышлять соболя=Past=3Pl
гасан=дб=ри аси=л=ба=ри турил=бэ=ри
селение=Loc1=PossRefl жена=Pl=Acc=PossRefl/Pl дети=Acc=PossRefl/Pl
вэдэ=мэри

оставлять=SimPossRefl/Pl

‘Однажды мужчины рода Ториса соболевали, в своем селении своих жен и детей оставляя’ [Петрова, 1967, с. 112] (букв.: во время своего оставления / при условии оставления жен и детей <могли уходить далеко на промысел соболя>).

(6) *Нэумунэсэл ча долбоне чипали манаучи-тани, ча тугдулэнду тэмэри.*

нэумунэ=сэл ча долбоне чипали манна=γа=чи тани ча
брать=Pl тот ночь=Acc все прикончить=Past=3Pl точно тот
тугдулэн=ду **тэ=мэри**

мост=Loc1 сидеть=SimPossRefl/Pl

‘Братья в ту ночь всех [красных волков] прикончили, на мосту сидя [Петрова, 1967, с. 129–130] (букв.: во время своего сидения).

1.4. Обстоятельства, выраженные «свернутыми» посессивными конструкциями с субстантивными формами одновременно-длительного деепричастия, квалифицируются как обстоятельства времени. При результативных глаголах, обозначающих основное действие, помимо указания на продолжительность добавочного действия, одновременно-длительные деепричастия определяют последовательность основного и добавочного, косвенно указывая, что совершение основного действия возможно в результате длительного осуществления добавочного, что главное фактически является результатом добавочного. Обстоятельства времени с одновременно-длительными деепричастиями в предложении традиционно занимают позицию абсолютного начала. Например:

(7) *Хасамзё, хасамзё, гёда пöдү хакпатчи.*

хаса=мзё хаса=мзё гёда пö=ду хакпа=тчи=чи
выслеживать=SimPossRefl/Sg один место=Loc1 догнать=Past=3Pl

‘Выслеживали они, выслеживали, в одном месте нагнали’ [Петрова, 1967, с. 112] (букв.: после своего долгого выслеживания).

(8) *Нэнэмде биккури аптугачи.*

нэнэ=мде бик=ку=ри апту=га=чи
идти=Sim/PossRefl/Sg место жилья=Acc=PossRefl/Pl достичь=Past=3Pl

‘Шли-шли <они>, до места своего жилья дошли’ [Петрова, 1967, с. 112] (букв.: в результате своей долгой ходьбы они места своего жилья достигли).

1.5. Обстоятельства, находящие выражение в «свернутых» посессивных конструкциях с субстантивными формами разновременного деепричастия, могут быть квалифицированы как обстоятельства времени: они последовательно разделяют во времени добавочное (оно всегда предшествует основному) и основное действия, указывая на то, что основное происходит только после завершения добавочного. Кроме того, субстантивная форма разновременного деепричастия содержит косвенное ука-

зание и на условие, при котором как результат возможно осуществление основного. В предикативной конструкции условно-временные обстоятельства занимают позицию начала предложения. Например:

- (9) *Потчоутчи, боjo(н) баруни хэрэлипитчини.*
потчо=утчи боjo(н) бару=ни хэрэлипит=чи=ни
прыгнуть=Sim/Sg медведь около=Poss3Sg закружиться=Past=3Sg
'Прыгнув, <он> вокруг медведя начал кружиться' [Петрова, 1967, с. 113]
(букв.: после своего прыжка).

- (10) *Тар нэнэгэтчёри, сиромбо гэлэккури аттугачи.*
 тар нэнэгэтчёри сиромбо гэлэккури аттугачи
 так идти=SimPossRefl/Pl олень=Acc место поиска=PossRefl/Pl дойти=Past=3Pl
 'Так, ушедши, дошли до того места, где они обычно разыскивают своих оленей' [Петрова, 1967, с. 113] (букв.: в результате своей ходьбы).

1.6. Обстоятельства, выраженные свернутыми посессивными конструкциями с условно-временными деепричастиями, также могут быть квалифицированы как распространенные обстоятельства времени. Условно-временные деепричастия определяют последовательность дополнительного (оно всегда предшествует основному) и основного действий, одновременно обозначая условие осуществления основного. Семантика этих отглагольных субстантивов орокского языка в большей мере эквивалентна семантике придаточных времен в полипредикативных конструкциях русского. Обстоятельства с условно-временными деепричастиями обычно следуют за подлежащим или занимают позицию начала предложения. Например:

(11) Тари нари чимаги тэпē , паиктануби нэннēни.				
тари	нари	чимаги	тэпē	паикта=ну=би
тот	человек	утром	вставать=CondSg	трава=PossInd=AccPossRefl/Sg
нэнн=ē=ни				
идти=Pres=3Sg				
'Тот человек утром, когда встанет, идет по свою траву' [Петрова, 1967, с. 113]				
(букв.: тот человек после своего вставания после сна утром идет косить траву).				

- (12) *Хасумба-дда биписсэ, гочи сиромбо вāндауачи.*
 хасумба-дда **би=пи=ссэ** гочи сиром=бо вā=нда=γа=чи
 сколько=то жить=Sim=Pl снова олень=Acc промышлять=идти=Past=3Pl
 'Когда сколько-то (некоторое время) пожили, снова ушли дикого оленя промышлять' [Петрова, 1967, с. 114] (букв.: после их проживания некоторое время <на одном месте>).

2. Обстоятельства условия

Осложняющие обстоятельства условия находят свое выражение в посессивных конструкциях с консессивом – отглагольным именем существительным условно-уступительной семантики.

2.1. Обстоятельства, выраженные посессивными конструкциями с консессивом, могут быть квалифицированы как обстоятельства условия: они указывают на добавочное действие, при осуществлении которого возможно выполнение основного, и вполне соотносимы с условными придаточными в русском языке. В функции посессора в конструкциях с отглагольными именами условно-уступительной семантики функционируют преимущественно несамостоятельные притяжательные местоимения. Обстоятельства условия обычно занимают позицию абсолютного начала предложения. Например:

- (13) *Мин улаба гадауви, си хоттотои нэннелэс.*
мин ула=ба гада=үи=ви си хотто=гои нэнне=лэ=си

мой олень=Acc **купить**=Cons=PossRefl/1Sg ты город=Lat-Dat поехать=Fut=2Sg
 ‘Если я оленей куплю, ты в город поедешь’ [Петрова, 1967, с. 129]
 (букв.: при условии моей покупки оленей).

(14) *Син молоуитэси би улиссэ ололтэви.*

син **моло**=**уитэ**=**си** би улис=сō оло=лле=ви
 твой **принести дрова**=Cons=PossRefl/2Sg я мясо=Acc варить=Fut=1Sg
 ‘Если ты дров принесешь, я сварю мясо’ [Новикова, 1950, с. 4–21]
 (букв.: при условии твоего принесения дров’).

2.2. Обстоятельства, выраженные свернутыми посессивными конструкциями с условно-временными деепричастиями, могут быть также квалифицированы как распространенные обстоятельства условия: указывая на последовательность добавочного (во временном плане всегда предшествует основному) и основного действий, одновременно обозначает условие, при котором основное действие может быть совершено. Обстоятельства с условно-временными деепричастиями находят семантические эквиваленты среди условно-временных придаточных русского языка. В предложении обстоятельства условия регулярно занимают позицию после подлежащего или следуют за дополнением. Например:

(15) *Би эдэ(н) паталаңуни бāпe, илауалта конгокту дапсипинзилами.*

би эдэ(н) патала=ну=ни **бā**=**пe** илауалта конгокту
 я царь дочь=PossInd=AccPoss3Sg **найти**=**CondSg** трижды колокол
 дапси=пин=зи=ла=ми
 звонить=заставить=Pres=начать=1Sg
 ‘Я, дочь царя когда найду, трижды в колокол ударю’ [Петрова, 1967, с. 113]
 (букв.: при условии нахождения дочери царя я трижды колокольчик заставлю начать звонить).

(16) *Би меокчалате, ча бэйнэ меокчаллэлахамби.*

би **меокчала**=**пe** ча бэйнэ меокчаллэ=ла=хам=би
 я **стрелять**=**CondSg** тот медведь застрелить=бы=Past=1Sg
 ‘Если бы я выстрелил, я того зверя застрелил бы’ [Петрова, 1967, с. 107]
 (букв.: при условии моей (своей для меня) стрельбы тот медведь был бы мною застрелен).

Условно-временные деепричастия образуются суффиксами *-па* / *-пэ*, к которому прибавляется возвратный суффикс *-и*, что дает в результате фузии вариант суффикса *-ни* / *-не* в единственном числе, *-ни=c’c’a* / *-ни=c’c’э* – во множественном, причем второй компонент, по мнению Т. И. Петровой, сопоставим с суффиксом *-сал* / *-сэл*, оформляющим множественное число имени существительного. Функционально и семантически условно-временные деепричастия соотносимы с кондиционалом, квалифицированным Т. И. Петровой как «условно-временная форма» [Петрова, 1967, с. 117].

3. Обстоятельства уступки

Осложняющие обстоятельства уступки находят свое выражение в посессивных конструкциях с отлагольными именами условно-уступительной семантики.

3.1. Обстоятельства, выраженные свернутыми посессивными конструкциями с консессивом, квалифицируются в орокском языке как обстоятельства уступки: они указывают на несоответствие фактического результата ожидаемому, на наличие фактов, препятствующих осуществлению намерений. Обстоятельства уступки с консессивом семантически сопоставимы с русскими уступительными придаточными в составе сложноподчиненного предложения. В посессивных конструкциях с отлагольными существительными уступительной семантики позицию посессора могут заполнять собственно имена существительные, личные местоимения-существительные и значительно реже – несамостоятельные притяжательные местоимения. В предложении обстоятельства с консессивом обычно зани-

мают позицию после препозитивного подлежащего и обстоятельства времени. Например:

(17) *Би (мин) оронне инэни ундэуви мимбе этчини дāбу.*

би (мин) оронне инэни **ундэ=үи=ви** мим=бе
я (мой) недавно днем **говорить=Cons=Poss1Sg** я=Acc
э=тчи=ни дāбу

слушаться (подчиняться)=Neg:AUX=Past=3Sg

‘Хотя я сегодня (и) говорил, по-моему не сделали’ [Петрова, 1967, с. 121]
(букв.: несмотря на мое недавно днем говорение, меня не послушались’).

(18) *Бу (мун) нōттоини улалбари бурэгиту нōни этчини гāда.*

Бу (мун) но=ттоини ула=л=ба=ри
мы (наш) он=Lat-Dat=Poss3Sg олень=Pl=Acc=PossRef1/Pl

бурэ=үи=пу нōни э=тчи=ни гāда
давать=Cons=Poss1SPl он брать=Neg:AUX=Past=3Sg

‘Хотя мы ему своих оленей давали, он не взял’ [Петрова, 1967, с. 121]
(букв.: вопреки нашему даванию ему своих оленей он не взял’).

3.2. Обстоятельства, выраженные свернутыми посессивными конструкциями с консессивом, могут функционировать в орокском языке как вводные, занимая в предложении позицию между подлежащим и сказуемым. Отчасти такие конструкции с отглагольными именами условно-уступительной семантики, образованными преимущественно от статических глаголов восприятия, мысли, речи, чувства и т. п., содержат косвенное указание на условие, при котором осуществляется действие. Например:

(19) *Тари пэйтэ мана итэүини зин оннори*

тари пэйтэ мана **итэ=үи=ни** зин оннори
тот нерпа старик **взглянуть=Intr=Poss3Sg** пестрый.SD

‘Та нерпа, как старик посмотрит, очень пестрая’ [Петрова, 1967, с. 121]

(букв.: эта нерпа, на взгляд старика, очень пестрая).

4. Обстоятельства цели

Осложняющие обстоятельства цели находят свое выражение в посессивных конструкциях с отглагольными именами целевой семантики.

4.1. Обстоятельства, выраженные посессивными конструкциями с супином, квалифицируются в предложении как обстоятельства цели. В зависимости от того, осуществляется ли основное и добавочное действия, обозначаемые обстоятельствами, одним лицом или разными лицами, в функции релятора могут использоваться личные, притяжательные и возвратные суффиксальные показатели. Позицию посессора при этом могут заполнять личные, несамостоятельные притяжательные и возвратные местоимения (последние допускают регулярную элиминацию). Эквивалентами обстоятельства цели, выраженного посессивной конструкцией с супином, являются в русском языке придаточные цели в сложноподчиненном предложении. Обстоятельства цели с супином регулярно занимают позицию конца предложения. Например:

(20) *Ториса Геттатаи гēда наррē бууэчи итэчибуддуни, Гетта мангануни булкутэнэ, алду гадубуддуни.*

Ториса Гетта=тai гēда нар=рē бу=үэ=чи
род Ториса род Гетта=Lat-Dat один человек=Acc дать=Past=3Pl
итэчи=будду=ни Гетта манга=ну=ни
следить=Sup=Poss3Sg Гетта богатырь=PossInd=Poss3Sg
бул=кутэ=не алду **гаду=буддо=ни**

умереть=Cond=Poss3Sg новость принести=Sup=Poss3Sg

‘Род Ториса роду Гетта дал одного человека, чтобы он следил и, когда богатырь рода Гетта умрет, чтобы он принес известие’ [Петрова, 1967, с. 117] (букв.: род Торису роду Гетта дал одного человека для слежения, при условии смерти богатыря рода Гетта – для принесения <им> известия).

(21) Чōччи тари нари гēда туксамба вāхани мама дэптэбүддбни.

чōччи тари нари гēда туксам=ба вā=ха=ни мама
потом тот человек один заяц=Acc убить=Past=3Sg старуха
дэптэ=бүддб=ни

есть=Sup=Poss3Sg

‘Потом тот человек одного зайца убил, чтобы старуха поела’ [Новикова, 1950, с. 4–26]
(букв.: для еды старухи).

5. Обстоятельства недостигнутой цели

Обстоятельства недостигнутой цели находят свое выражение в посессивных конструкциях с отлагольными именами «несостоявшегося действия» или «недостигнутой цели».

5.1. Семантика обстоятельства, выраженного посессивной конструкцией, в которой позицию «обладаемого» заполняет существительное недостигнутой цели, может быть условно охарактеризована как отрицательная причинно-целевая: основное действие осуществляется, чтобы добавочное действие, выраженное обстоятельством, не могло произойти. Полных смысловых аналогов таким обстоятельствам орокского языка в русском нет: обстоятельство указывает на намерение, которое не имеет возможности осуществиться из-за действий субъекта (субъектов). Довольно условными семантическими эквивалентами в русском языке являются сложноподчиненные предложения с придаточными уступки или цели отрицательной семантики. В предикативной конструкции обстоятельство недостигнутой цели занимает позицию начала предложения. Например:

(22) Мин нэнүнчэјзиви мапа угдаби эсини бурэ.

мин нэнү=нэјзи=ви мапа угда=би
мой уехать=SupNeg=Poss1Sg старик лодка=Acc/PossRefl
э=си=ни бурэ

датъ=AUX:Neg=Pres=3Sg

‘Я собралась уехать, старик лодку не дает’ [Новикова, 1950, с. 4–36]
(букв.: для моего не-отъезда = чтобы я не уехала).

(23) Син у(н)=нэјзи=си нарисал чипал нэнүүэчи.

син у(н)=нэјзи=си нари=сал чипал нэнү=үэ=чи
твой говорить=SupNeg=Poss2Sg мужчина=Pl все уйти=Past=3=Sg
‘Потому что ты собирался <что-то> сказать, все мужчины ушли’ [Новикова, 1950, с. 4–39]
(букв.: для твоего не-говорения = чтобы ты <ничего> не сказал’).

Можно предположить, что данные конструкции являются достаточно архаичными, о чем свидетельствует их отсутствие в других тунгусо-маньчжурских языках ныне (их заменили, например в нанайском языке, конструкции с отрицательными деепричастиями цели) [Аврорин, 1961, с. 171] и низкая частотность их использования в орокских фольклорных текстах, записанных Т. И. Петровой и К. А. Новиковой в 40–50-х гг. XX в., в пору активного функционирования орокского языка как языка межнационального общения на северном Сахалине [Новикова, 1950, с. 1–18], но именно в них наглядно демонстрируется специфика орокского языка, ориентированного на экономное использование языковых средств для выражения различных смыслов, что часто делает невозможным подбор эквивалентов в русском языке, осложняя или вообще исключая структурно-семантическое соотнесение синтаксических единиц языков типологически различных систем.

Выводы

Основной проблемой при сопоставлении языков типологически различных систем остается проблема понимания, которая напрямую связана с механизмами эквивалентного выражения смысла как в структурном, так и в семантическом плане.

Описание осложняющих обстоятельств в орокском языке, выраженных посессивными конструкциями с отглагольными именами «сложной семантики», позволило выявить и описать их инвентарь, а также уточнить семантический и функциональный статус как «особых глагольных форм», так и возвратных деепричастий: все эти конструкции выполняют в предложении только функцию обстоятельства.

Осложняющие обстоятельства с отглагольными именами и возвратными деепричастиями в орокском языке допускают соотнесение синтаксических ролей (5 форм отглагольных имен и 5 форм возвратно-притяжательных деепричастий), дифференцируясь по отношению к основному действию, осуществляющему одним или различными субъектами.

Все осложняющие обстоятельства с отглагольными образованиями «сложной семантики», независимо от своего семантического разряда и временных показателей предиката, указывают на относительную привязанность как главного, так и зависимого действия к реальному времени: события в них происходят, будут происходить или происходили как бы *вне* времени речи. Можно предположить, что отглагольные именные формы «сложной семантики» изначально были формами эвиденциальными.

Структурные отличия осложненного простого предложения в орокском языке и семантически эквивалентных русских полипредикативных сложноподчиненных конструкций основываются на использовании для выражения отношений зависимости различных средств: подчинительных союзов, связывающих предикативные части в составе сложного предложения в русском языке, и синтаксической связи отражение, основанной на наличии в тунгусо-маньчжурских языках категории притяжания, оформляющей посессивные конструкции обстоятельственной семантики с отглагольными именами: симультативом, консессивом, супином, кондиционалом и возвратно-притяжательными деепричастиями, по сути являющимися именами существительными. Монопредикативные в структурном плане предложения орокского языка с обстоятельствами, выраженными конструкциями с отглагольными именами, являются семантически сложными, полипропозитивными, соответствующими русским полипредикативным сложноподчиненным предложениям.

Список литературы

- Аворин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 282 с.; Т. II. 1961. 294 с.
- Аворин В. А., Болдырев Б. В. Грамматика орочского языка. Новосибирск, 2001. 400 с.
- Бродская Л. М. Сложноподчиненное предложение в эвенкийском языке. Новосибирск, 1988. 134 с.
- Герасимова А. Н. Полипредикативные конструкции нанайского языка в сопоставлении с ульческим: Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 288 с.
- Колесникова В. Д., Константинова О. А. Негидальский язык // Языки народов СССР. Т. V. Л., 1968. С. 109–128.
- Кормушин И. В. Удыхейский (удэгейский) язык. М., 1998. 320 с.
- Мальчуков А. Л. Синтаксис простого предложения в эвенском языке (структурные и семантические аспекты). СПб., 1999. 257 с.
- Новикова К. А. Эвенский язык // Языки народов СССР. Т. V. Л., 1968. С. 88–109.
- Озолина Л. В. О структурной и семантической соотносимости грамматических единиц языков типологически различных систем. Ч. IV. Система отглагольных образований: причастие, деепричастие, особые глагольные формы (на материале орокского и русского языков) // Сибирский филологический журнал. 2016. № 2. С. 211–221.

Озолиня Л. В. Обстоятельство в тунгусо-маньчжурских языках: структурно-семантический аспект. I. Обстоятельство места // Языки и фольклор коренных народов Сибири и Дальнего Востока. 2021. № 1. С. 139–153.

Озолиня Л. В. Обстоятельство времени в нанайском и орокском языках: структурно-семантический аспект // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 235–253.

Певнов А. М. Деепричастия на *-ми* в эвенкийском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 23 с.

Петрова Т. И. Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1941. 107 с.

Петрова Т. И. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967. 155 с.

Суник О. П. Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. Морфологическая структура и система форм глагольного слова. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 363 с.

Суник О. П. Тунгусо-маньчжурские языки // Языки мира. Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М.: Индрик, 1997. 407 с.

Список источников

[Новикова, 1950] – Архив К. А. Новиковой: полевые записи в 4-х тетрадях, сделанные во время экспедиции 1949–1950 гг. на северном Сахалине, хранящиеся в Институте филологии СО РАН, г. Новосибирск.

[Озолиня, 1989] – Архив Л. В. Озолини: полевые записи в 6 тетрадях, сделанные во время экспедиций 1989, 1991, 1994, 1997, 2000 гг. на северном Сахалине, хранящиеся в Институте филологии СО РАН, г. Новосибирск.

References

Avrorin V. A. *Grammatika nanayskogo yazyka* [Grammar of the Nanai language]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, Vol. 1, 1959, 282 p.; Vol. 2, 1961, 294 p. (In Russ.).

Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Sov. entsikl., 1990, 683 p. (In Russ.).

Ozolinya L. V. O strukturnoy i semanticeskoy sootnosimosti grammaticeskikh edinits yazykov tipologicheski razlichnykh sistem. Ch. IV. Sistema otglagol'nykh obrazovaniy: prichastie, deeprichastie, osobyie glagol'nye formy (na materiale orokskogo i russkogo yazykov) [On the structural and semantic correlation of grammatical units of languages of typologically different systems. Pt. IV. The system of verbal formations: participle, gerund, special verbal forms (based on the Orok and Russian languages)]. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 211–221. (In Russ.).

Ozolinya L. V. Obstoyatel'stvo vremeni v nanayskom i orokskom yazykakh: strukturno-semanticcheskiy aspekt [Adverbial modifier of time: structural and semantic aspect]. *Siberian Journal of Philology*, 2022, no. 2, pp. 235–253. (In Russ.).

Ozolinya L. V. Obstoyatel'stvo v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh: strukturno-semanticcheskiy aspekt. I. Obstoyatel'stvo mesta [Adverbial in the Tungus-Manchu languages: structural and semantic aspect. I. Adverbial of place]. *Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia*. 2021, no. 1, pp. 139–153. (In Russ.).

Pevnov A. M. *Deeprichastiya na -mi v evenkiyskom yazyke* [Germs in *-mi* in the Evenki language]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Leningrad, 1980, 23 p. (In Russ.).

Petrova T. I. *Ocherk grammatiki nanayskogo yazyka* [Essay on the grammar of the Nanai language]. Leningrad, 1941, 107 p. (In Russ.).

Petrova T. I. *Yazyk orokov (ul'ta)* [Orok (ul'ta) language]. Leningrad, Nauka, 1967, 155 p. (In Russ.).

Sunik O. P. *Glagol v tunguso-man'chzhurskikh yazykakh. Morfologicheskaya struktura i sistema form glagol'nogo slova* [A verb in the Tungus-Manchu languages. Morphological structure and system of forms of the verb word]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1962, 363 p. (In Russ.).

List of sources

Arkhiv K. A. Novikovoy: polevye zapisi v 4-kh tetradyakh, sdelannye vo vremya ekspeditsii 1949–1950 gg. na severnom Sakhaline, khranyashchiesya v Institute filologii SO RAN, g. Novosibirsk [Archive of K. A. Novikova: field notes in 4 notebooks made during the 1949–1950 expedition to northern Sakhalin, kept at the Institute of Philology, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk].

Arkhiv L. V. Ozolini: polevye zapisi v 6 tetradyakh, sdelannye vo vremya ekspeditsiy 1989, 1991, 1994, 1997, 2000 gg. na severnom Sakhaline, khranyashchiesya v Institute filologii SO RAN, g. Novosibirsk [Archive of L. V. Ozolinya: field notes in 6 notebooks made during expeditions in 1989, 1991, 1994, 1997, 2000 on northern Sakhalin, kept at the Institute of Philology, Novosibirsk].

Условные обозначения

1 – 1-е лицо; **2** – 2-е лицо; **3** – 3-е лицо; **ACC** – винительный падеж; **ADJ** – имя прилагательное; **ADV** – наречие; **AUX:Neg** – аналитическая отрицательная форма глагола; **COND** – кондициональ; **CONS** – консессив; **FUT** – будущее время; **LAT-DAT** – направительно-дательный падеж; **INTR** – вводная конструкция; **LOC I** – местный I падеж; **PART** – частица; **PAST** – прошедшее время; **PI** – множественное число; **POSS** – притяжательный аффикс; **PRES** – настоящее время; **POSS** – possessivnost' (притяжение); **POSSIInd** – косвенная принадлежность; **POSSRefl** – возвратное притяжение; **Prt2** – предикативное причастие обычности (регулярности) действия; **SD** – превосходная сравнительная степень прилагательного; **Sg** – единственное число; **SIM** – симультатив; **SUP** – супин; **SUP Neg** – имя недостигнутой цели.

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
30.02.2023

Сведения об авторе

Озолина Лариса Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

E-mail: larisa-3302803@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3749-816X

Information about the Author

Larisa V. Ozolinya – Candidate of Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: larisa-3302803@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3749-816X

ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

УДК 801.81:398.21 + 811.511.142
DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-39-48

Лингвосемиотические особенности знаков смерти в хантыйских народных сказках и преданиях

В. Н. Соловар

Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок, Ханты-Мансийск, Россия

Аннотация

Впервые проводится анализ знаков смерти на базе хантыйского материала, дается лингвосемиотическая классификация данных знаков, предпринимается попытка охарактеризовать смыслы и значения знака смерти в повествовательном фольклоре. Исследование знаков смерти позволяет охарактеризовать древнейшие фундаментальные представления ханты о мироустройстве, выявить источники представлений о смерти, закрепленные в хантыйской языковой картине мира, и проанализировать отношение к смерти как к одному из основных феноменов бытия. Результаты исследования могут быть полезны при дальнейшем изучении феномена смерти в лингвистике, лингвокультурологии, лингвосемиотике (или изучении жизни как тесно связанного со смертью феномена).

Ключевые слова

хантыйский фольклор, лингвосемиотика, знак, смешанные знаки, языковая картина мира, ключевое слово, феномен смерти

Для цитирования

Соловар В. Н. Лингвосемиотические особенности знаков смерти в хантыйских народных сказках и преданиях // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45). С. 39–48.

DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-39-48

Linguosemiotic features of death signs in Khanty folk tales and legends

V. N. Solovar

*Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development,
Khanty-Mansiysk, Russian Federation*

Abstract

The paper analyzes the phenomenon of death through Khanty folk tales, legends, and bailichkas. The necessity of characterizing the death phenomenon – the structure of death signs, their sources, their occurrence in texts – is substantiated, and a brief analysis of the scholarly literature on the subject in question is provided. Death is commonly addressed in folklore, except in children's fairy tales, where death is portrayed more discreetly. The death signs are

© В. Н. Соловар, 2023

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 1 (iss. 45)

described within the classification of the American specialist in semiotics, C. S. Pierce, also considering the experience of D. A. Pisarenko, who systematized the death signs in the Russian folk tales. Folklore texts feature the death theme when the protagonist encounters hostile spirits, fights enemies, or meets dead people. This theme has its specific place in various folklore genres, with its signs classified by certain plot types. Found in the texts are indirect signs of death not referring directly to death, but only hinting at it. The analysis of four bailichkas reveals the deeds of aggressive deceased persons representing the death signs together with the coffin, bones, a deserted camp, and cut hair. Four types of mixed death signs have been found: (1) “index + icon” signs associated with personal knowledge about biological death and reflecting the external death signs; (2) “index + symbol” signs associated with death through funeral rites; (3) “symbol + index” signs represented by one sign – “lower world” – reflecting the religious views of a person, (4) “symbol + index + icon” signs, most ancient and semantically ambiguous signs.

Keywords

Khanty folklore, linguosemiotics, sign, mixed signs, linguistic picture of the world, keyword, phenomenon of death

For citation

Solovar V. N. Lingvosemioticheskie osobennosti znakov smerti v hantyjskih narodnyh skazkah i predanijah [Linguosemiotic features of death signs in Khanty folk tales and legends] *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia]. 2023, no. 1 (iss. 45), pp. 39–48. (In Russ.).

DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-39-48

Введение

Интерес современной лингвокультурологии вызывает разноспектрное исследование языковой картины мира разных этносов – мироустройства, мировосприятия, отражаемого в языке. Познание языковой картины мира проводится путем метаязыковой рефлексии с помощью анализа так называемых ключевых слов, или ключевых идей, – «культурно значимых слов-концептов» [Зализняк, Левонтина, Шмелев, 2012].

Феномен смерти определяет развитие духовно-нравственной культуры народа, поэтому он вызывает неизменный интерес, этим обосновывается актуальность настоящего исследования.

Применяемый в исследовании лингвосемиотический подход дает возможность изучить структуру знаков смерти, их источники (мифологические, научные, религиозные, бытовые), частотность обращения к тому или иному знаку в тексте сказок.

Смерть относится к числу базовых, инвариантных для многих языковых культур бытийных феноменов; изучение феномена смерти в хантыйском языке позволяет охарактеризовать основы духовно-нравственной культуры хантыйского народа, ценностные ориентиры фольклорной картины мира. Персонажи загробного мира на северо-русском материале рассмотрены в монографии И. А. Разумовой [1993]. На материале хантыйского языка концептосфера *ЖИЗНЬ* и *СМЕРТЬ* описана Н. Б. Кошкаревой в коллективной монографии [Жизненное пространство..., 2021, с. 197–207]. Образы мифологических персонажей *Торума* и жителя подземного мира *Хинь ики*, образ лесного злого духа *Кирп нюлуп ими*, образ культурного героя *Ими хилы* в хантыйских народных сказках и мифах, образы лесных духов *Пун варты ими* ‘Женщина, делающая жили’, *Мэнков* и других рассматривала С. Д. Дядюн [2015, 2021а, 2021б, 2022]. Особенности мировосприятия хантыйского народа, представления о ключевых для хантыйской языковой картины мира идеях в полном объеме можно изучить на фольклорном материале, а именно на основе текстов народных сказок, преданий, быличек.

Тема смерти в хантыйском фольклоре представлена достаточно широко. Она отсутствует в сказках, предназначенных для маленьких детей, или появляется там вскользь, завуалированно, так, чтобы не травмировать детей. Это объясняется, на наш взгляд, традиционными языческими представлениями о многобожии, наличии большого количества враждебных человеку духов, которые могут нанести человеку вред. Поэтому в традиционном обществе существовала система запретов. Знакомство с запретами происходило и через устное народное творчество, которое легко усваивалось и позволяло человеку традиционного общества быть осторожным в быту, уважительно относиться к духам, стараться удерживать психологическое равновесие. От осторожного поведения человека зависела его жизнь.

Результаты и обсуждение

Лингвосемиотический анализ хантыйских народных сказок выполнен на основе классификации знаков американского ученого-семиотика Ч. С. Пирса [2009]. Он выделил три основных вида знаков: «Во-первых, подобия (likenesses), или иконы (icons), которые выполняют функцию передачи идей и

репрезентируют вещи, просто имитируя их. Во-вторых, существуют указатели (indications), или индексы (indices), которые что-то говорят о вещах, потому что физически связаны с ними... В-третьих, существуют символы, или общие знаки, которые ассоциируются с их значениями (meanings) благодаря привычке» [Пирс, 2009, с. 89]. К наиболее совершенным Ч. С. Пирс относил смешанные знаки, которые включают два или три вида знаков; именно знаки смешанной природы репрезентируют языковую картину мира человека: «Во всех рассуждениях мы употребляем смесь подобий, индексов и символов. Мы не можем обойтись без каждого из этих видов. Весь комплекс целиком может быть также назван символом, поскольку в рассуждении превалирует символический, живой характер» [Там же, с. 94]. В данном исследовании учтен опыт Д. А. Писаренко, которая выявила и систематизировала знаки смерти на материале русских народных сказок [2019, с. 247–253].

Материалом исследования послужили сборники сказок, преданий, бытовых рассказов, в которых встречаются символы смерти или сюжеты о поведении мертвцев и покойников. Для выявления знаков смерти использовано несколько источников: сказки «Соръи лов» = «Золотой конь» [Сказки народа ханты, 1995, с. 21–25], «Ханты моңщ» = «Хантыская сказка» [Там же, с. 111–125], «Вөнт утэт оләңән» = «О лесных существах» [Вагатова, 1996, с. 4–5]; «Ими шанш ух пайты эвәлт вөлты Мош хө» = «Моңхо из колена женщины», «Ай Нерум хо» = «Молодой мужчина из тундры» [Там же, с. 73–88]; «Ай мош хө» = «Молодой мужчина моң» [Steinitz, 1989], «Хутым ийвпох» = «Три брата» [Ленин пант хуват, 1958, № 75], «Холум ворт» = «Три богатыря» [Ленин пант хуват, 1984, № 37], «Тон-тон имен-икен-ен» = «Жена и муж Тон-тон» [Земля Кошацкого Локотка, 2001, 133–136], «Ялань» = «Ялань» [Там же, 159–163], «Ими хилы па менк» = «Внук женщины и мэнк» [Там же, с. 153–158], «Ратпар хө, хишпар хө» = «Мужчина ратпар-хишпар» [Там же, с. 150–153], «Ими хилы» = «Внук женщины» [Там же, с. 140–144], «Хинь ики» = «Мужчина Хинь» [Сенгепов, 1994, с. 38–42], «Лемәц» = «Ломац» [Там же, с. 57–94].

Тема смерти и осторожного поведения регулярно появляется в начале многих фольклорных произведений, в которых действующему лицу дается наказ, чего делать нельзя; однако наказ нарушается, за этим следует наказание – смерть (или угроза смерти, которой герой может чудом избежать). Тема смерти сопровождает героя при встрече с враждебными духами, в сюжетах о борьбе с завоевателями, недругами или в сюжетах о встрече с мертвцевами и покойниками. Если, например, речь идет о культурном герое *Ими хилы*, то в самом начале сказки тетя сообщает ему, куда нельзяходить, но культурный герой всегда нарушает предписания и делает все по-своему, балансируя между жизнью и смертью; подробно его похождения рассматривает С. Д. Дядюн [2021а].

Однако только в быличках о мертвцевах и покойниках смерть становится центральным сюжетом: такие фольклорные произведения учат жить по обычаям предков, чтобы предостеречь молодое поколение от непредвиденных обстоятельств, которые могут привести к беде и смерти.

В быличках и преданиях речь о покойнике или мертвце может начинаться с засина и завершаться в концовке [Ленин пант хуват, 1958, 1984; Щащем моңщэт, 2011; Rápay, 1992]. В преданиях о враждебных духах герою намекают об опасности в засине или в завязке текста. В сказках о богатырях тема смерти появляется в завязке или кульминации, так как богатырь сначала проходит испытания, борется с врагами и только ближе к развязке он или погибает, или его оживляют.

Описание смерти зависит от типа сюжета. Так, в богатырских сказках имеются знаки смерти: стрела, кровь, череп на вершине лиственницы – священного дерева; упоминается о том, что богатырь упал (т. е. был убит), или семеро проломили кольчугу героя, или он вскрикнул один лишь раз страшным голосом, или тело его, как кровавый сверток тундрового ворона, прострелено (в этом случае используется эвфемизм). Прямого указания на смерть в текстах обычно не встречается. В сказках о богатырях нет действующих лиц – покойников или мертвцев. Если богатырь умирает, то его могут оживить помощники (родственники) или другие богатыри (братья). В отличие от быличек, где говорится о том, что кости героя валяются где-либо как попало, в сказках о богатырях даже враги не позволяют себе отрицательно комментировать смерть своих врагов. Во всех текстах смерть героев не является естественной, в сказках богатыри погибают в бою; в быличках смерть наступает в результате неосторожности или, чаще, как воздаяние за нарушение запрета.

В фольклорных текстах на хантыском языке часто встречаются косвенные знаки смерти, которые не указывают на смерть прямо, но являются как бы ее предвестниками или косвенными признаками наступившей смерти. В сказках они могут обозначать угрожающие намерения каких-либо действую-

ших лиц, например: *Мәнәм ән мосты хүйат ки, сэй тәхтау хәрәла мәнишалән, хиши тәхтау хәрәла мәнишалән!* ‘Если ненужный мне человек, разорвите его на мелкие кусочки (букв.: как песчинки песка)’¹; *Нә сапәл сәвәрты хәрыйа, хә сапәл сәвәрты хәрыйа түвалян* ‘Уведите его на поляну, где отрубают головы (букв.: шею) женщин, где отрубают головы (букв.: шею) мужчин’; *Сәмәл-мухәләт түв түвалян* ‘Сердце-печень его сюда принесите’; *Вүйәмтты эвәлт ајты қәшийән шәти сәвәрмә* ‘Когда он уснет, разруби его пополам’; *Ух пүтәләл јәхә акарән-ворәшән ат ајтыйәлла, пурман-йүннән ат төтәләт* ‘Голову его потом пусть собаки-коршуны носят, грызя-играя, пусть таскают’ [Steinitz, 1989, с. 389-407].

О смерти героев в сказках прямо не сообщается, но указывается способ потери жизни: *Теләү суга, ңәләү суга пәтәла мурта мирыйә павтыләс* ‘На дно полного желудка=его, прожорливого желудка=его довольно много людей отправлял (букв.: ронял)’; *Тәм үйүхмәм, хәјмит сөт – ңивәл сөт хәннекө йүхү десәм* ‘Когда ходил сейчас, триста-восемьсот человек я съел’; *Най үйүтәм картау ңөл илпәна, түхләү ңөл илпәна павәтмәнән, ىцирән хүтү йөр вәсән* ‘Ты ведь был сильным, когда уронил меня подпущенную тобой железную стрелу, крылатую стрелу’; *Хөләм хә и ңөл вәйән јәта ىци хайысәт* ‘Три человека на одном древке стрелы там и остались’; *Вошәу тел ар мирәл, көртәү тел ар үйхәл сэй тәхтау, хиши тәхтау хәрәла вәрмәл* ‘Всех людей города, всех людей поселка разметал, как песчинки песка (букв.: сделал песчинками песка)’; *Щи хөлән сусал вәйәп, йөр вәйәп и ңөл үйүтәл, йаң хә, хәс хә и ңөл вәйә кәрәтәл, хәс хә и ңөл вәйә нөрәтәл* ‘В этот момент он выпустил стрелу с крепким древком, десять мужчин, двадцать мужчин на одно древко насадил, двадцать мужчин на одно древко нанизал’ [Ленин пант хуват, 1984, № 37].

Для хантыйского фольклора типично повествование о покойниках, их делах и поведении, что рассмотрено на материале четырех текстов: «Кät хә вәлпәсләтә мәнләүән» = «Двое мужчин пошли на охоту» [Páray, 1992], «Покинутые юрты», «Кладбище и амбар» [Лукина, с. 185–186], «Шопам па ики» = «Гроб и мужчина» [Щащем моньщәт, 2011, с. 100–103].

В быличке «Покинутые юрты» рассказывается о том, как мужчина вернулся с охоты и нашел оставленное стойбище, что символизирует смерть. В доме его встретила умершая жена, но предупредила, что он должен быть с ней до рассвета. Она вымыла ему голову и завязала его волосы в узел, что является знаком потустороннего мира [Лукина, 1990, с. 524]. Один узел был символом удачи на охоте, второй обозначал долголетие. Но муж нарушил запрет и ушел. Жена-покойница догнала его и отрезала ему волосы с узлами (знак лишения его души). В наказание он прожил всего несколько дней и умер.

В быличке «Кладбище и амбар» [Там же, с. 185] два товарища едут мимо кладбища, один ночует на кладбище, а второй рядом – в амбаре. От ночевавшего в амбаре остались только кости. Он нарушил запрет: нельзя ночевать в оставленных избах и амбарах.

В быличке «Шопам па ики» = «Гроб и мужчина» мужчина отправляется на охоту, вечеромозвращается в свою лесную избушку, а там стоит гроб. По ночам из гроба встает покойник, ведет себя как человек; они идут с мужиком в гости к соседям. Там покойник втыкает гвоздь в горло одного мужчины и пьет кровь. После этого сосед заболел, однако его спасает мужик, вытаскивает из него гвоздь днем, пока покойник спит в гробу. Они вместе сжигают дом, где стоит гроб с покойником. Но покойник проклинает мужика за содеянное, и летом этот мужик утонул в реке [Щащем моньщәт, 2011, с. 100–103].

В быличке «Кät хә вәлпәсләтә мәнләүән» = «Двое мужчин пошли на охоту» повествуется о том, как во время охоты один из мужчин заболел и скончался. Перед смертью он просил товарища уйти домой, но тот не ушел. Ночью покойник встает и намеревается его убить, но мужчина убегает в оставленное стойбище, которое находится поблизости. Там он наткнулся на другого мертвца, испугался, что они вдвоем сожрут его, но второй мертвец решил ему помочь, он выходит из помещения, борется с пришедшим мертвцем, зовет на помощь мужика, вместе они справились с покойником-товарищем. Затем мертвец сообщает, что хочет есть, что снова приводит мужика в состояние страха. Но мертвец его не трогает, а сажает мужика на спину и летит с ним по воздуху до следующего стойбища. Они попадают в жилище, но окружающие люди их не видят. В доме мертвец втыкает острый предмет в шею больного человека, кровь льется в сосуд, он ее пьет. Мертвец предлагает му-

¹ Здесь и далее перевод с хантыйского языка (в том числе в транскрибции [Steinitz, 1989; Páray, 1992]) фрагментов фольклорных текстов, взятых из разных источников, осуществлен автором статьи.

жику выпить крови, однако тот отказывается. В это время наступает рассвет, и мертвец исчезает, а мужчина спасает больного. В этой быличке мы наблюдаем противоборство двух мертвецов. Второй мертвец выполняет функцию помощника, и лишь благодаря ему мужчина остался жив.

Во всех четырех текстах мертвецы ведут себя агрессивно по отношению к людям и наносят им вред. Человек же испытывает страх перед ними, как перед представителями иного мира. Знаками смерти в быличках являются сами мертвецы, гроб, кости, оставленное стойбище, обрезанные волосы.

В изучаемых нами текстах сказок и преданий представлены смешанные знаки, совмещающие два или более типов (знак, находящийся на первом месте, преобладает): индекс + икона; индекс + символ; символ + индекс; символ + индекс + икона.

К смешанному знаку «индекс + икона» относятся такие знаки, которые совмещают прямое указание на смерть и изображение смерти или ее признаков.

К одному из самых распространенных знаков типа «индекс + икона» относятся *кости*. В хантыйской языковой картине мира кости символизируют основу человеческого тела, его материального состава. Кости связаны со смертью причинно-следственными отношениями, то есть по смежности, индексально (скелет – то, что остается от человека после его кончины); также кости являются прямым изображением смерти персонажа, то есть соединяются с ней иконически. От умерших сказочных героев обычно остаются только косточки, скелет: *Сесэн нух вортсэңэн па ин ай икилэнкэл вантыйэл – хәнты дүв шүкэн сесэл тэкэнмај* ‘Они поставили слопец², и мальчик видит: слопец наполнился, оказывается, человеческим костями’ [Сказки народа ханты, 1995, с. 118]; *Щи эвэлт, щата хәннэхэл дүвэлт уллэлт* ‘Оказывается, там кости человека лежат’; *Упсэлжам ицэрэн ѹи мэслэн, хот яуялжэн дүв кэрлэн төл уллэлт, дыйман па хууламан* ‘Тогда вы сестер моих отдали, на крыше только их кости лежат, сгнили и умерли они’ [Земля Кошачьего Локотка, 2001, с. 135, 136].

Человеческие кости и черепа в сказке могут предостерегать героев от опасности или смерти, но каждый герой сам решает, как ему быть. Так, в сказке «Тон-тон имеյэн-икејэн» = «Жена и муж Тон-тон» две сестры не слушают предупреждающего крика птицы: *Кәт күт щэв-щэв! Йэллы мэнты ѹюшэн – нуви, ѹухи мэнты ѹюшэн – патлам* ‘Межу двумя промежутками (пути) щэв-щэв! Твой путь следования вперед – светлый, путь возвращения – темный’. Они идут в гости, не обращая внимания на то, что на крыше дома лежат кости: *Щайта дүви кэрлэл хот яуялда вуцгалыжэл* ‘Затем скелеты на крышу бросают’. Поэтому две сестры погибли, а третья обратила внимание на эти знаки, вернулась обратно домой и осталась жива [Земля Кошачьего Локотка, 2001, с. 133–136].

В сказке о лесных духах женщина нарушает запрет, поэтому приходит дух леса и наказывает ее: *Тум имеэл ъавремнэл тида иса шайтиймэлт. Аукэл шинэши аукэла ух пошхэл ѹив омсэлтэм* ‘Ту женщину с детьми обглядели (лесные духи). Голову матери на столбик нар поставили’ [Моңщэт па путрэт, 1996, с. 5]. Этот знак является предупреждением для тех, кто нарушает запреты.

Лесной дух *Мэнк* предлагает молодому человеку зайти в охотничью ловушку: *Йа, хильтай, тайм сессэма дуутэлъялэн ки, тум хәнты дүв шүкэлт иира вүлэн ки* ‘Ну, внучек, вошел бы ты в этот мой слопец, те человечьи кости убрал бы’; но герой понимает уловку опасного лесного духа, не поддается на его коварный замысел и поэтому побеждает его [Земля Кошачьего Локотка, 2001, с. 209].

В сказках о богатырях мальчика предупреждают об опасности увиденные им на вершине трех лиственниц три черепа: *Майтырэн, хөлэм ух пошхэл нух – наук тыйэта ѹоцтэмэлт* ‘Оказывается, три черепа наверх, на вершины лиственниц повешены’ [Сенгепов, 1994, с. 70]. Но будущего воина это не пугает, он растет, набирается опыта и вскоре отправляется в путь, чтобы отомстить врагам.

В быличках распространеными являются знаки *хайда* ‘мертвец’ и *мертвое тело*, которое прямо не называют, вместо этого используют слово *ут* ‘предмет’, о смерти могут сказать «вытянулся», имея в виду положение тела после смерти. Два этих знака, отнесенных нами к одной группе, по своей семантике различаются. Мертвое тело – видимый, эмпирически познаваемый знак смерти, связанный с ней по смежности и прямо изображающий ее. Мертвое тело свидетельствует об окончательной кончине человека. Окостеневший покойник в тексте былички сравнивается с неподвижным твердым предметом: *Хәнты хөйэл хайда пеја аукэрмэс: вуллы вөнт ѹуха, вүр ѹуха потэм* ‘Мужчина ханты взглянул на мертвеца: тело замерзшее, как лесное дерево’ [Páray, 1992, с. 144].

² Слопец – ловушка из брёвен, которую ханты используют для ловли боровых птиц, лис, песцов.

В сказках о богатырях упоминаний о покойниках или о мертвом теле нет, лишь завуалированно говорится, что он упал (*рăкнăс*), упал без сознания или уронил на лед врагов: *Имултыйэн ѿн пăкăс, па лăлă йэцајт шăнчăм щирăлĕн, сацăи ѹив рăкнăс* ‘Наконец он не выдержал, как шел навстречу войску, упал без чувств’; *Ас хур лай кăлы, вур кăлы увлатам артăн, ин вен ѿай ики тĕтлĕм сом хĕйл ас ѹенк өхтыйа ѹи павăтсăл* ‘Когда по руслу большой реки потекла темная кровь, красная кровь, он повалил на лед большой реки сто мужчин, приведенных старшим братом’ [Ленин пант хуват, 1984, № 37].

К внешним – видимым, ощущаемым, осязаемым – признакам кончины относятся *неподвижность*, в том числе в сочетании с другими телесными проявлениями смерти (окостенение, холодное тело, молчание), например:

– отсутствие движения: *Щив рăкнăм тăхэлĕн ѿн па ѿухăлыйэс* ‘Там, где он упал, он больше не шевелился’ [Steinitz, 1989, с. 417];

– поза, специфическая для мертвца: *Ин утăл тăуна питамĕн, ин амти өхĕл кирĕс* ‘Когда тот упал, вытянувшись, он запряг собачью упряжку’ [Моныщэт па путрэт, 1996, с. 5];

– холодное тело: *Лома күш луусмăл, (ин хĕйл) потам. Малысыйлăллăэ: иши хăла* ‘Влез он в яму для хранения продуктов, (этот мужчина) холодный. Ощупал он его: тоже мертвек’; *Ат потам ѹесуки хăла хуща вуратмĕм, ат потам лоъици хăла хуща вуратмĕм* ‘Я залез к ледяному мертвеку, замерзшему за ночь, залез я к снежному мертвеку, замерзшему за ночь’ [Párau, 1992, с. 142].

Покойники или мертвеки, появляющиеся в сказке, ночью начинают вести себя как живые: двигаются, разговаривают. Так, в сказке «Шопам па ики» = «Гроб и мужчина» рассказывается о том, как мужчина пошел на охоту и решил заночевать в своей лесной избушке. На полу оказался гроб. Ночью мертвек садится в гробу, потом они вместе едят. Когда начинает светать, мертвек падает в гроб: *Ин хуйл, нăвия ѹиты питăл, па ѹи шопама рăкнăл* ‘Этот мужчина, как только начинает светать, опять в гроб падает’; глагол *рăкэнты* ‘упасть’ также иносказательно указывает на смерть мертвека [Щащем моныщэт, 2011, с. 100–103].

В другом тексте встречается фрагмент, который явно заимствован из русских сказок и связан с христианским представлениями о смерти: на рассвете, с пением петухов мертвек исчезает: *И мулт ишиэн щицкүрэк ѹи ѹвăл, ин хăлайлă, тĕп ов ѹăры лăтатыйэс, ин па хулна мăнăл* ‘В какой-то момент петух закричал, мертвек, только петли двери щелкнули, и сейчас уходит’ [Párau, 1992, с. 146].

Мотив нарушения целостности мертвого тела богатыря в хантыйских народных сказках обозначает невозможность возвращения к жизни, поэтому в тексте может появиться заклинание врага, а также действия, способствующие этому, или, наоборот, действия помощника-спасителя: *Тăм питам лотэнэн лăвлан-њухилан хăлăхэн-вийэн ара ат аллайăт* ‘В этом месте, куда ты упал, кости-мясо твоё вороны-звери пусть растащат’ [Вагатова, 1996, с. 50]; *Ай шăка сэвэрса, љухи шăкăл мăлăнă* ‘шошамсайэт’ ‘Разрубили его на мелкие куски, куски мяса вывалили в озеро’ [Steinitz, 1989, с. 401]; *Ай пулăха сэврäm љухи шăкăл* ‘Кусочки мяса, разрубленные на крошки’; *Њухи пăлăл яхăа рăхăллăлам* ‘Кусочки мяса=его соединю (т. е. спасу его)’ [Там же, с. 403].

Знаком смерти является также гроб или смертный одр: *Вунт хоталăн хот хăрэн шопам омăсăл* ‘В лесном доме на полу стоит гроб’ [Щащем моныщэт, 2011, с. 100]; *Йăха веrsсăл, вента тĕссăл, ѹи хăйсăл* ‘Они положили его в гроб (букв.: в дерево сделали), унесли в лес, оставили’; однако при описании богатыря его смертный одр сравнивается с колыбелью, в которой он лежал в мягкой древесной трухе: *И сĕм той и сĕм кăль веlтыйлăм лепăт полтăн полтăн онтăн эвăлт хуйэн сэнкăтсайэт?* ‘Из колыбели с мягкой древесной трухой, в которую меня уложил одноглазый, с ячменем на глазу бог смерти, кто меня разбудил?’ [Steinitz, 1989, с. 404].

Сонный человек уподобляется мертвому. Знак связан со смертью по смежности (сон – переходное состояние, близкое к смерти; спящий человек находится на границе двух миров) и иконически (спящий или сонный внешне подобен мертвому): *Йăха веrsсăл, вента тĕссăл, ѹи хăйсăл. Щиты ултăл ка-ша, нух ѹи веrлăс* ‘Положили его в гроб, унесли в лес, оставили. Так лежал он и проснулся’ [Сказки народа ханты, 1995, с. 120].

Знаки сорока и ворон являются парными, они являются символами смерти героя на поле битвы: *Лылăм ки ѹант етăл, тăм ким етты тăхемĕн, сав луты, хăлăх луты хăреу көрт хăрĕма ѹи питлăм* ‘Если не выживу (букв.: если дыхание не выйдет), когда выйду на улицу, упаду во дворе на съедение сорокам и воронам’ [Вагатова, 1996, с. 86].

Знак *кровь* в хантыйской картине мира символизирует жизнь и здоровье человека, однако в фольклорных текстах кровь может иметь и противоположный смысл – стать символом смерти и болезни. Так, В. Я. Пропп отмечает, что в предметах заключена часть души персонажа [2000, с. 166]; именно поэтому их должны охранять кровные родственники (обычно братья). В хантыйских сказках кровь льется из стрелы, принадлежащей герою, это указывает на уже свершившуюся или подстерегающую персонажа смерть: *Нынан ńюлэн хайләјам, вантыләјн, կалы сәмән әтты ки питәл, щирән мәнәт կаншаалән, щирән, алпа, хутащ ийләм* ‘Я оставил вам стрелу, посмотрите, если будет капать кровь, тогда ищите меня, тогда, наверное, что-то случится со мной’ (герой еще жив, но уже находится при смерти); *Имәлтыйән һайән ńюл шивааләсән, хөннты щайта կалы посымај па хүвән нух сормај* ‘Однажды они увидели стрелу брата, когда-то оттуда капала кровь и давно высохла’ [Ленин пант хуват, 1958, № 75]; *Хөйәт յојици лотәта лай կалы, вүр կалы увјатсәт* ‘Там, где стояли мужчины, свежая кровь, алая кровь потекла’ [Вагатова, 1996, с. 86]; *Мәттырән, ин сот хө ѹүвәтльәм картау ńюл, вэйау ńюл ńујмәтән икәл вантылы хур, вәләи хур павтәм; луватталән лай вүра, пит вүра павтәм* ‘Оказывается, железные стрелы, выпущенные сотней мужчин, наконечники стрел с древками сделали лицо ее мужа таким, что на него нельзя было смотреть, оно стало неузнаваемым; весь он был в свежей крови, темной крови’; *Хайнхәэ әвәлт կалы сәм, пошәх сәм әйт павтыйәсәмән* ‘Не трогали мы человека’ (букв.: от человека каплю крови, кровинку не роняли) [Там же, с. 86].

Знаком беды или смерти может быть не только стрела с кровью, но и сломавшаяся стрела: *Мәна, муй па щит ńюл вэйем шәпа хайц ѹи питәл* ‘Надо же, неужели древко стрелы чуть не распадается пополам’; *Йа, соръеу вэйәп вунтау ńюләм вәсән, ай апәлем хулна ыләү ки – կалыйа кавәрма, ай апәлем ыләү ки әнтом – կәт шәпа ракна* ‘Ну, моя с золотым древком граненая стрела, если мой младший брат еще жив, покройся обильно кровью, если мой младший брат не жив, распадись на две части’ [Ленин пант хуват, 1984, № 37]. Знаком надвигающейся опасности или смерти является пульсирование в левой стороне головы у помощников богатыря: *Ай ўпәм пеја нәмәсты питәл, атәм ух пелкем ѹи кем хайцәл* ‘Стану думать о младшем девере, бьет в висок с левой стороны (букв.: плохая сторона головы так ударяет)’; *Ма ищты. Щивәл нәмәсты питәл, атәм ух пелкем ѹи мурт сеңкәл* ‘У меня так же. Начинаю об этом думать, в левую сторону головы так бьет’ [Steinitz, 1989, с. 402]; *Лүв мудты вәргәл, и лампи, ыуураяа мәнәс* ‘Какое-то дело у него неправильно пошло’ [Там же, с. 403]. Однако если в опасной ситуации пульсировало в левой стороне головы, то при намечающемся положительном исходе дела пульсация происходит в правой стороне головы: *Ма тайта омәстәм күтән, тайм майдәү пеја нәмәсты питәл, ыйм ух пелкем ѹи кем хайцәл* ‘Когда я тут сижу, начинаю думать об этом озере, в правой стороне головы пульсирует (букв.: бьет)’ [Там же].

Дуализм, двойственная семантика некоторых знаков, символизирующих одновременно жизнь и смерть, здоровье и болезнь, является отражением аксиологической поляризации, характерной и для хантыйского языка, и хантыйской картины мира вообще.

Также можно выделить тип знака, совмещающий прямое указание на денотат и условную связь с ним, но в другом соотношении – **символ + индекс**. Символ здесь превалирует над индексом, является доминирующим, главенствующим.

Внешний облик большинства хантыйских сказочных героев в текстах не описывается. Так, встречается, например, лишь общее описание *Ялань* – мужского демона, который появляется на земле, но обитает под землей: *Щайта са карты миләп, карты хунәп Ялань нух әтәс* ‘Оттуда появился Ялань в железной шапке с железным животом’ [Земля Кошачьего Локотка, 2001, с. 160]; указывается его рост: *Луваттај-кәрәцтәј сот ол өнмәм нохәр йүх луват* ‘Он размером-высотой как столетний кедр’ [Вагатова, 1996, с. 50].

Кирәп ńюләп ими ‘Женщина с плоским утиным носом’, она же *Хинтәү ими* ‘Женщина с кузовом’, обычно пытается извести мальчика – *Ими хилы* ‘Внука женщины’, но он всегда в этом поединке побеждает.

Мэнки в сказках предстают слепыми-глухими мужем и женой, указывается лишь, что мужчина *Мэнк* когда-то погубил много людей, в том числе отца и дядюшек *Ими хилы*. *Кирәп ńюләп ими* связана со смертью прежде всего через обряд инициации; она охраняет *Ил төрәм* ‘Нижний мир’ от Среднего мира (мира человека и животных), более подробно ее образ описан С. Д. Дядюн [2022, с. 150–155]. Все лесные духи вступают в единоборство с культурным героем, однако он всегда побеждает. Бог смерти *Хинь* упоминается только при встрече с богом *Торумом*.

Выводы

Итак, мы выделяем три типа знаков смерти в хантыйском фольклоре:

1) знак «индекс + икона»: кости (или другие части тела мертвого человека – головы, черепа, скелета); покойник, мертвое тело; неподвижность (часто сочетается с другими видимыми и воспринимаемыми органами чувств признаками смерти – окостенение тела, молчание); спящий человек; сорока, ворон; гроб; оставленное стойбище; обрезанные волосы;

2) знак «индекс + символ»: кровь, пульсирование в левой стороне головы;

3) знак «символ + индекс»: *Ил төрәм, Мүәв илти* ‘Нижний мир’;

4) знак «символ + индекс + икона». Все три типа знака – *символ, индекс и икону* – совмещают герои – персонификации смерти: *Хиң ‘Хинь’, или Күль ‘Куль’* (бог смерти), *Кирәп ńьудәп ими ‘Женщина с плоским утиным носом’*, или *Хинтәү ими ‘Женщина с кузовом’*, *Йалаң (ики) ‘Ялань (мужчина)’*, *Менүк ‘Мэнк’* (лесное существо большого размера, покрытое шерстью), *И сөрт пайдал хула-малы ‘Хула-малы ростом с одну пядь’* и др.

Таким образом, в сказках представлено четыре типа смешанных знаков смерти. Знаки, относящиеся к группе «индекс + икона», связаны со знаниями человека о биологической кончине, отражают внешние признаки смерти. Знаки типа «индекс + символ» сопряжены со смертью через похоронную и погребальную обрядность. Группа «символ + индекс» представлена одним знаком – «Нижний мир», отражающим религиозные воззрения человека. Самые древние и неоднозначные в семантическом отношении знаки входят в группу «символ + индекс + икона».

Список литературы

Дядюн С. Д. Образы духов в хантыйских быличках (на материале казымского диалекта) // Проблемы и перспективы социально-экономического и этнокультурного развития коренных малочисленных народов Севера: Материалы Всерос. науч.-практ. конф.: Филологические исследования. Воронеж: Макс-Принт, 2015. Ч. 2. С. 182–190.

Дядюн С. Д. Образ хантыйского героя Ими хилы (на материале традиционных формул в народных сказках) // Филологический аспект. 2021а. № 9 (77). С. 6–12. URL: <https://scipress.ru/philo/ly/article/obraz-khantyjskogo-geroya-imi-khily-na-materiale-traditsionnykh-formul-v-narodnykh-skazkakh.html> (дата обращения: 9.03.2023).

Дядюн С. Д. Образы мифологических персонажей небесного бога и жителя подземного мира в хантыйских народных сказках // Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: традиции и инновации: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. XIX Югорские чтения (1 декабря 2020 г.). Ханты-Мансийск: Печатный мир г. Ханты-Мансийск, 2021б. С. 78–84.

Дядюн С. Д. Сказочный персонаж Кирп ńюлуп ими в хантыйском фольклоре // Филологический аспект. 2022. № 3 (83). С. 150–155. URL: <https://scipress.ru/philo/article/skazochnyj-personazh-kirp-nyulup-imi-v-khantyjskom-folklore.html> (дата обращения: 3.03.2023).

Жизненное пространство и духовный мир человека через призму языков Сибири. Новосибирск: Академиздат, 2021. 300 с.

Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012. 696 с.

Пирс Ч. С. Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2009. № 3 (7). С. 88–95.

Писаренко Д. А. Лингвосемиотические особенности знаков смерти в русских народных сказках // Гуманитарные и юридические исследования. 2019. № 1. С. 247–253.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2000. 274 с.

Разумова И. А. Сказка и быличка. Петрозаводск: Карел. науч. центр РАН, 1993. 112 с.

Толстая С. М. Смерть // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. С. 58–71.

Список источников

- Вагатова М. К. Ай Нерум Хо. Маленький тундровый человек. Стихи и сказки. Тюмень: СофтДизайн, 1996. 208 с. (На хант. и рус. яз.).
- Земля Кошачьего Локотка = Кань Кунш Оләң / Сост. Т. Молданов. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2001. Вып. 2. 244 с. (На хант. и рус. яз.).
- Ленин пант хуват (= По ленинскому пути). 1958, № 75; 1984, № 37. (На хант. яз.).
- Мифы, предания, сказки хантов и манси / Сост. Н. В. Лукина. М.: Наука, Глав. ред. вост. лит., 1990. 568 с. (На рус. яз.).
- Моңьщәт па пүтрәт (= Сказки и рассказы). Нижневартовск: Изд-во Нижневартоского пединститута, 1996. 68 с. (На хант. яз.).
- Сенгепов А. М. Касум ики пүтрат (= Рассказы старого ханты). СПб.: Просвещение, 1994. 175 с. (На хант. яз.).
- Сказки народа ханты / Сост. Е. В. Ковган, Н. Б. Кошкарева и др. СПб.: Алфавит, 1995. 143 с. (На хант. и рус. яз.).
- Щащем моңьщәт: Сказки моей бабушки / Сост. О. В. Хандыбина. Ханты-Мансийск: Информ.-издат. центр, 2011. 165 с. (На хант. и рус. яз.).
- Pápay J. Ostják Hagyatéka. Regék és regetőredékek. Közzéteszi: Vértes Edit. Debrecen, 1992. 267 p. (На венг. и хант. (в транскрипции) яз.).
- Steinitz W. Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie. Berlin: Akademie-Verlag, 1989. Band III. 641 p. (На нем. и хант. (в транскрипции) яз.).

References

- Dyadyun S. D. Obraz khantyyskogo geroya Imi khily (na materiale traditsionnykh formul v narodnykh skazkakh) [The image of the Khanty hero Imi Hila (based on the material of traditional formulas in folk tales)]. *Filologicheskiy aspekt*. 2021a, no. 9 (77), pp. 6–12. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/obraz-khantyyskogo-geroya-imi-khily-na-materiale-traditsionnykh-formul-v-narodnykh-skazkakh.html> (accessed: 9.03.2023) (In Russ.).
- Dyadyun S. D. Obrazy dukhov v khantyyskikh bylichkakh (na materiale kazymskogo dialekta) [Images of spirits in Khanty bailichkas (based on the material of the Kazym dialect)]. In: *Problemy i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo i etnokul'turnogo razvitiya korennykh malochislennykh narodov Severa: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf.: Filologicheskie issledovaniya* [Problems and prospects of socio-economic and ethno-cultural development of small indigenous peoples of the North: Materials of the All-Russian sci.-pract. conf.: Philological studies.]. Voronezh, Maks-Print, 2015, pt. 2, pp. 182–190. (In Russ.).
- Dyadyun S. D. Obrazy mifologicheskikh personazhey nebesnogo boga i zhitelya podzemnogo mira v khantyyskikh narodnykh skazkakh [Images of mythological characters of the heavenly god and the inhabitant of the underworld in Khanty folk tales]. In: *Korennye malochislennye narody Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka: traditsii i innovatsii: Materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. 19 Yugorskie chteniya (1 dekabrya 2020 g.)* [Indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East: traditions and innovations: materials of the All-Russian sci.-pract. conf. The 19th Yugor Readings (December 1, 2020)]. Khanty-Mansiysk, Pechatnyy mir g. Khanty-Mansiysk, 2021b, pp. 78–84 (In Russ.).
- Dyadyun S. D. Skazochnyy personazh Kirp nyulup imi v khantyyskom fol'klore [The fairy-tale character Kirp nyulup imi in Khanty folklore]. *Filologicheskiy aspekt*. 2022, no. 3 (83), pp. 150–155. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/skazochnyj-personazh-kirp-nyulup-imi-v-khantyyskom-folklore.html> (accessed: 3.03.2023) (In Russ.).
- Pirs Ch. S. Chto takoe znak? [What is a sign?]. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2009, no. 3 (7), pp. 88–95. (In Russ.).
- Pisarenko D. A. Lingvosemioticheskie osobennosti znakov smerti v russkikh narodnykh skazkakh [Linguosemiotic features of death signs in Russian folk tales]. *Humanities and law studies*. 2019, no. 1, pp. 247–253. (In Russ.).
- Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical roots of a fairy tale]. Moscow, Labirint, 2000. 274 p.

Razumova I. A. *Skazka i bylichka* [A fairy tale and a bylichka]. Petrozavodsk, Karelian Scientific Center RAS, 1993, 112 p. (In Russ.).

Tolstaya S. M. *Smert'* [Death]. In: *Slavyanskie drevnosti: Etnolinguisticheskiy slovar'* v 5 t. [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic dictionary in 5 vols.]. Moscow, International Relations, 2012, vol. 5, pp. 58–71.

Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Konstanty i peremennye russkoy yazykovoy kartiny mira* [Constants and variables of the Russian language picture of the world]. Moscow, LRC Publishing House, 2012, 696 p. (In Russ.).

Zhiznennoe prostranstvo i dukhovnyy mir cheloveka cherez prizmu yazykov Sibiri [The living space and the spiritual world of man through the prism of the languages of Siberia]. Novosibirsk, Akademizdat, 2021, 300 p. (In Russ.).

List of sources

Lenin pant khuvat. [On the Lenin Way]. 1958, no. 75; 1984, no. 37. (In Khanty).

Mify, predaniya, skazki khantov i mansi [Myths, legends, fairy tales of the Hunts and Mansi]. N. V. Lukina (Comp.). Moscow, Nauka, The main editorial office of Oriental literature, 1990, 568 p. (In Russ.).

Moňshchət pa putrət [Fairy tales and stories]. Nizhnevartovsk, NPI Publ., 1996, 68 p. (In Khanty).

Pápay J. *Ostják Hagyatéka. Regék és regetöredékek.* Közzéteszi, Vértes Edit. Debrecen, 1992, 267 p. (In Hungarian and Khanty).

Sengepov A. M. *Kasum iki putrat* [Stories of the old Khanty]. St. Petersburg, Prosveshchenie, 1994, 175 p. (In Khanty).

Shchashchem mon'shchət: *Skazki moey babushki* [My grandmother's fairy tales]. O. V. Khandybina (Comp.). Khanty-Mansiysk, Information and Publishing Center, 2011, 165 p. (In Khanty, in Russ.).

Skazki naroda khanty [Tales of the Khanty people]. E. E. Kovgan, N. B. Koshkareva (Comps.). St. Petersburg, Alfavit, 1995, 143 p. (In Russ.).

Steinitz W. *Ostjakologische Arbeiten. Beiträge zur Sprachwissenschaft und Ethnographie.* Berlin, Akademie-Verlag, 1989, vol. 3, 641 p. (In German and Khanty).

Vagatova M. K. *Ay Nerum Kho. Malen'kiy tundrovyy chelovek. Stikhi i skazki* [Aj Njorum Ho. A little tundra man. Poems and fairy tales]. Tyumen, SoftDizayn, 1996, 208 p. (In Russ.).

Zemlya Koshach'ego Lokotka = Kan' Kunsh Oյäү [The Land of the Cat's Elbow]. T. Moldanov (Comp.). Tomsk, TSU Publ., 2001, iss. 2, 244 p. (In Russ., in Khanty).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
15.02.2023

Сведения об авторе

Соловар Валентина Николаевна – доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-исследовательского отдела хантыйской филологии Обско-угорского института прикладных исследований и разработок (Ханты-Мансийск, Россия)

E-mail: solovarv@mail.ru

ORCID 0000-0003-4894-0117

Information about the Author

Solovar Valentina Nikolaevna – Doctor of Philological Sciences, Docent, Chief scientific Researcher, Department of Khanty Philology, Ob-Ugric Institute of Applied Researches and Development (Khanty-Mansiysk, Russia).

E-mail: solovarv@rambler.ru

ORCID 0000-0003-4894-0117

УДК 821.0:398
DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-49-57

**Герой с «головой собаки и туловищем рыбы» в алтайском героическом эпосе:
К вопросу о формировании мифологической основы эпического сказания
(на материале эпоса «Кан-Тьелбекей» Е. К. Таштамышевой)**

Е. Е. Ямаева

Независимый исследователь, Горно-Алтайск, Россия

Аннотация

В статье показаны результаты выявления параллелей между персонажами алтайского эпоса и мирового культурного наследия. Новизна работы заключается в изучении уникального персонажа алтайского эпоса – героя с рыбьим туловищем и головой собаки. В научный оборот вводятся и подвергаются исследовательской интерпретации малоизвестные тексты фольклора. Показано, что в алтайском эпосе акцентируется связь героя со стихией воды, холода, а также с небесным миром, поскольку он женился на девушке, которая обладает способностью перевоплощаться в гуся. Герой с рыбьим туловищем и головой собаки освобождает страну от завоевателей, в finale женится еще и на дочери подземного владыки. В результате исследования выявлено, что описание подвигов звероподобного героя, который ликвидировал великан, спустился в подземный мир, сближается с описаниями подвигов героев мифов и эпоса из письменных памятников Ближнего Востока.

Ключевые слова

алтайский героический эпос, эпос, мотив, герой с собачьей головой, с туловищем рыбы, племя туба, тайные знания, исполин, спуск в нижний мир, шумерский эпос, миф.

Для цитирования

Ямаева Е. Е. Герой с «головой собаки и туловищем рыбы» в алтайском героическом эпосе: К вопросу о формировании мифологической основы эпического сказания (на материале эпоса «Кан-Тьелбекей» Е. К. Таштамышевой) // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45). С. 49–57.

DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-49-57

**A hero with a “head of a dog and a body of a fish” in the Altai heroic epic:
On the formation of the mythological basis for an epic legend
(based on the epic “Kan-T’elbekey” by E. K. Tashtamysheva)**

E. E. Yamaeva

Independent researcher, Gorno-Altaisk, Russian Federation

Abstract

This article studies the folklore of the Altaic peoples. The novelty of the work is in introducing and interpreting the little-known material of Altai epic into the scientific circulation. The hero of the legend under study has a head of a dog and a body in the shape of a fish. His birth was accompanied by a snowfall that covered the ground to the tops of the trees, followed by cold and famine. The family leaves the shelter having locked him in the palace and covered him with stones. The hero survives and gets to the new place of residence of his relatives. He sees in his dream the

© Е. Е. Ямаева, 2023

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 1 (iss. 45)

conquest of the country, warns his family, and leaves them. His first heroic act is killing the giant who conquered the country of his protectors. He gets married to their daughter with an ability to transform into a goose. Further heroic acts are connected with his liberation of the country and descent into the underworld in order to get married to the daughter of the underground lord. No descriptions of heroic fights have been found in the epic literature. The study resulted in identifying the epic mythological basis and revealing the parallels with the plots of the legends of the Ancient East in separate fragments.

Keywords

a hero with a dog's head, with a body of a fish, the Tubo tribe, secret knowledge, giant, descent into the lower world, sumer epic, myth

For citation

Yamaeva E. E. A hero with a "head of a dog and a body of a fish" in the Altai heroic epic: On the formation of the mythological basis for an epic legend (based on the epic "Kan-T'elbekey" by E. K. Tashtamysheva). *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 1 (iss. 45), pp. 49–57. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-49-57

Введение. В эпическом наследии алтайцев встречаются порой уникальные персонажи и сюжеты, которые трудно отыскать в опубликованных эпических произведениях тюрков России. Речь идет о персонаже, именуемом «ребенок (парень) с головой собаки, с туловищем рыбы», ставшем впоследствии богатырем Кан-Тылбекей. Эпические мотивы, связанные с собакой, часто встречаются в алтайских сказаниях, однако имеют второстепенное значение, так как чаще всего представлены в сюжетах о сватовстве и свадьбе.

Актуальность исследуемой проблемы. Персонаж с рыбьим туловищем, пожалуй, является «единственным и неповторимым» среди многочисленных и самых разнообразных персонажей в фольклоре народов Сибири, что вызывает интерес к его происхождению, его способностям к вещанию и перевоплощению, совершаемым им подвигам. В системе персонажей и сюжетике тюркского эпического наследия (по опубликованным на сегодня материалам) затруднительно отыскать типологические параллели алтайскому эпическому герою. Актуальной проблемой является изучение истоков данного образа, а также процесса создания нового эпоса на основе мифологических представлений.

Цель работы. Статья посвящена изучению эпического наследия Алтая, выявлению сравнительных параллелей алтайского эпоса с фольклорными мотивами мифов и эпоса Ближнего Востока, которые, возможно в фрагментарном виде, в ходе длительного историко-культурного процесса на территории Центральной Азии в дальнейшем способствовали формированию мифологической основы алтайских сказаний. Для решения задач, сопутствующих достижению цели, исследованию подверглись структурные особенности и семантика персонажей и мотивов эпоса «Кан-Тылбекей», бытавшего в эпической среде северных алтайцев в первой половине XX в.

История изучения и публикации. В научной литературе изучены прежде всего семантика и символы, посвященные собаке и рыбе. Не стали исключением статьи автора, в которых раскрываются ритуальные и семантические аспекты, связанные с рыбой и собакой, определившие структурные особенности отдельных эпических сказаний алтайцев [Ямаева, 2021]. По мнению Ю. И. Ожередова, пара рыб, стоящих на хвостах, символизируют брачный союз, магическую связь реального и потустороннего мира [Ожередов, 2018, с. 92]. В различных культурных традициях выявляется почитание разных видов рыб: например, карпа в китайской мифологии [Бог Энки...; Рыбы в китайской традиции...; Карп в китайской культуре], лосося у народов Северной Европы [Рыбы в мифологии и культуре; Рыба] и т.д. Образы человеко-рыбы отмечены в мифах и ритуалах саамов, ительменов, древних китайцев [Рыбы в мифологии и культуре]. Что касается собаки, то исследований, посвященных данному персонажу в мировой культуре, очень много. В традиционной культуре алтайцев, включая исторические дискурсы в область археологии, представления (рисунки на стенке погребальной камеры) о собаке отмечены уже в эпоху древних каракольцев, локальной группы андроновцев, живших в Горном Алтае предположительно в XVI–XIII до н.э. [Кубарев, 2013, рис. 64]. Однако материалы недавно опубликованного сказания Е. Таштамышевой «Кан-Тылбекей» [Кан-Тылбекей, 2018] позволяют нам расширить наши представления о персонаже с головой собаки и с туловищем рыбы и провести неоднозначные параллели с мифами древних народов Ближнего Востока. В мировой мифологии представление о боже с атрибутом рыбы является довольно распространенным. Считается, что в части описания потопа «Книга Бытия» имеет сходные черты с мифами о шумерском боже Энки.

Материал исследования. В качестве материала для исследования послужило сказание «Кан-Тьелбекей», записанное в 1958 г. Н. Бабаяковым от Е. Таштамышевой. Необходимо сказать несколько слов об исполнительнице и эпической среде. Евдокия (Балака) Константиновна Таштамышева (1881–1968) родилась в с. Карасук Чойского района. Однако большую часть жизни прожила в селе Салганды. Она являлась последовательницей сказителей Сары Ула и его ученика Кабака Тадыже-кова [Конунов, 2018, с. 506]. Е. Таштамышева являлась представительницей эпического круга Северного Алтая. В этот круг входила также известная сказительница из рода комдош Н. Черноева (1919–1978) [Ямаева, 1998, с. 18–21]. Обе происходили из тубаларов, этногенез которых восходит к древнему населению Сибири под названием *дубо*.

Метод исследования. Богатейший алтайский эпос позволяет применять метод структурного анализа, который рассматривается как часть обширного комплекса методологии изучения фольклора в целом. Для выявления устойчивых образов персонажей и типовых мотивов были привлечены сказания исполнителей Северного Алтая, кумандинских певцов О. Алексеева и П. Чинчикеева. В сказаниях перечисленных певцов присутствуют устойчивые мотивы об укрытии новорожденного ребенка в море в момент завоевания страны врагами, покровительстве духа-хозяина воды. Сравнительная методика исследования данного мотива выявила, что в сказание Е. Таштамышевой акцентируется мотив рождения ребенка в образе собаки-рыбы, связанном с водой, а мотив «укрывания в водной стихии» является второстепенным.

Народная терминология. Сказание, исполненное Е. К. Таштамышевой, относится к разряду *кай-лап айдар чёрчёк*, когда сказание чёрчёк исполняется посредством техники *кай*. Кай – способ звуко-подачи фольклорного текста у ряда народов Центральной Азии и Северо-Западной Сибири, для которого характерен механизм бинарной фонации, возникающий при одновременном звучании голосовых связок и фистулы на уровне вестибулярных складок. Исполнение эпического текста у алтайцев, как правило, осуществляется в сопровождении *топшуура* – щипкового музыкального инструмента (лютни). Исполнитель эпоса *кайчы* – исторический сложившийся тип народного певца у алтайцев. Помимо мелодико-напевного исполнения, в сказительской культуре алтайцев широко распространено интонационно-декламационное или речитативное, более характерное для женщин, в частности, для таких *кайчы*, как Е. Таштамышева и Н. Черноева. Обе рассказывали сказания, т. е. исполняли эпос речитативом. Как отметил С. С. Суразаков, «при рассказывании сохраняются традиционные устойчивые поэтические обороты речи, однако большая часть текста оказывается близка к прозе» [1965, с. 3]. Инициальные и финальные формулы эпического текста имеют магическое значение, обозначающее контакт с миром духов. В финальной части сказительница Н. Черноева произносит фразу «сказка закончилась» (*чёрчёк божоды*), что, по сути, представляет собой вербальную жертву духам-покровителям, формульный оберег от злых духов, завершение «путешествия» в сакральный мир эпоса.

Обсуждение. Рождение мифического героя, связь со стихией снега и воды. У Ак-каана, жившего у подножья Золотой горы, рождаются три сына. Когда родился третий сын, оказалось, что у него голова собаки, туловище рыбы: *Балады табар болзо, Бажы ийт болгон, Кёдён яны балык болгон* ‘У новорожденного голова была собачьей, а туловище, со стороны таза, была рыбьей’ [Кан-Желбекей, 2018, с. 182]. В алтайских сказаниях, как известно, герой при рождении отмечен наличием родинки или сгустка крови в ладонях. Рождение ребенка с головой собаки сопровождался небывалым стихийным бедствием в виде снега, который покрыл землю вплоть до верхушек деревьев. Падеж скота, отсутствие еды, смерть людей от голода и холода заставил Ак-каана принять решение о перекочевке на другие земли (поближе к своему другу Караты-каану) [Там же]. Связь с водой повторно акцентируется в ходе дальнейшего повествования, когда братья столкнули его в Черное море с целью утопить. Братья не могут его разбудить, когда он спит под железным тополем и видит веющий сон; братья сталкивают его в море. Парень с собачьей головой еще семь дней спал под водой и потом выбрался оттуда [Там же, с. 185]. Мотив «выхода» героя из моря / озера зафиксирован в сказаниях «Сюмер-Тайчы» О. Алексеева [Сюмер-Тайчы, 2018, с. 478], «Кан-Чечий», «Алтын-Бизе» Н. Черноевой [Кан-Чечий, 2018, с. 203–204; Алтын-Бизе, 1965, с. 77–80], «Ак-каан ла Кюбюр-каан» Чинчикеева [Ак-каан ла Кюбюр-каан, 1977, с. 74–76, 84]. В эпосе присутствует формула-описание героя: *Ийт болуп юрюп ийди, / Ат болур кишип ийди* ‘Словно собака залаял / Словно конь заржал’, – что, безусловно, подчеркивает его чудесные способности [Кан-Желбекей, 2018, с. 184, 186]. По представлениям селькупов,

как собака может залаять Водяной, если человек остановится на ночлег возле его балагана. В качестве жертвы Водяному подносили уху из первого улова [Тучкова].

В мотиве рождения атрибутизация героя стихией снега и воды очевидна. Однако в эпосе подчеркивается связь с холодом и глубоким снегом (высота снежного покрова равна высоте деревьев), покрывающим землю. В представлениях алтайцев первоначально на земле господствовала стихия холода, льда и снега (*соок айгуул*), затем прошел потоп – стихия воды (*сүү айгуул*), а в будущем человечество испытает стихию огня (*от айгуул*). Таким образом, можно полагать, что в мотиве рождения героя сохранились очень древние мифологические представления, бытовавшие якобы еще до потопа. Рождение героя, атрибутом которого является одежда из рыбьей чешуи или имеющим туловище из рыбы, фиксируется в древнейших письменных источниках из Ближнего Востока. Однако в интерпретации персонажей и сюжетов алтайского эпоса о герое Кан-Тылбеке представляется более интересным провести сравнительные параллели с шумерским эпосом и мифами. Шумерское божество Энки изображается с плащом с нарисованными рыбами, держащим в руках водоплавающую птицу [Миф «Инанна и Энки»], таким образом подчеркивая его связь с водой. Что касается Кан-Тылбекея, то представляется, что, возможно, произошло совмещение образа человеко-рыбы с героям с собачьей головой (или, наоборот, собако-человек приобрел еще и черты рыбы). В другом сказании Н. Черноевой фигурирует «чешуйчатый» персонаж, который живет на дне черного моря. Жена Тенгери-каана, врага Баадай-Кара, рассказывает «своему мужу» (перевоплотившемуся в Тенгере-каана богатырю) об удивительном существе, которое сильно ее напугало:

Кара талайдынг тюбинде / Баши ту деп айдайын дезе – / Бажы тьок деп айдайын дезе – / Баши ту. / Кандый да неме ангданат ‘На дне Черного моря (существо) / Если сказать, что у него голова есть, / Головы нет, / Если сказать, что головы нет, / Голова есть. / Оно двигается, поворачивается’ [Баадай-Кара, 2020, с. 176].

Герой отправляется на берег Черного моря. Оказывается, что это – богатырь, именуемый Чешуйчатый Силач *Кайрзырыкту Мёкё*, подчиняющийся Тенгери-каану. Противники вступают в схватку. Однако поединка как такового не происходит. Герою удается уничтожить Чешуйчатого Силача с помощью небесной молнии, который сжигает железную броню врага. В данном эпизоде противник проявлен в антропоморфном виде, хотя, как указывалось выше, в первоначальном виде он описывается как некое существо, покрытое чешуей и имеющий нечеловеческую голову, живущий на дне Черного моря [Там же, с. 176]. Персонаж, локализованный на дне моря, описываемый стереотипной формулой Чешуйчатый Силач, может быть представлен как человеко-рыба. Таким образом, представление о человеке-рыбе в сказаниях Н. Черноевой является устойчивым и архаическим. В эпической традиции алтайцев в образе собаки / щенка нередко выступает суженая героя. В целом, в мировой культуре образ собаки весьма распространен. Изображение солнцеголового персонажа с собачьей мордой, как указывалось выше, отмечено на погребальной плите памятника Каракол [Кубарев, 2013, рис. 64]. На обеих руках персонаж держит некий предмет в виде посоха.

Изоляция героя с собачьей головой и рыбьим туловищем. Мотив перекочевки в чужие края и оставления ребенка с уродливой (звероподобной) внешностью дополняется описанием его заточения во дворце, в старом стойбище: *Бектир јаман баланы / Жетен јети талалу / Алтын ёргөө ичине сугала, / Эжигини јык этире бектеди. / Ташила кёоп лё чоголо, / Бойлоры эмеениле / Олок ушкаждып ийди. / Алтын-Тана эмееенини, / Эки уулын кондырып алала, / Ашийык ол ок јүрөрт ‘Безобразного ребенка / Завели в золотой дворец, / Имеющий семьдесят семь граней. / Дверь накрепко заперли. / (Дворец) камнями завалили. / Сам старик вместе с женой Алтын-Тана, / С сыновьями, / Сели на коней и уехали’ [Кан-Желбекей, 2018, с. 183].*

Мальчик все же выползает из дворца, ползет по следу отца и братьев. Нечеловеческие черты героя вызывают у людей желание отдалить героя; презираемый родственниками (*чек кёрбес*) парень с собачьей головой (*ийт баши ту*), дураковатый (*тенек оол*), лежал в стогу сена (*анда ла обоодо тьадар*) [Там же, с. 183–184]. В эпизоде заточения во дворце с целью умерщвления косвенно можно усматривать «временную смерть» героя, его возрождение, намек на его бессмертие. Хотя, безусловно, данный мотив необходим для дальнейшего продвижения повествования.

Вещие знания мифического героя с собачьей головой и рыбьим туловищем. Чудесные способности героя с собачьей головой и рыбьим туловищем проявляются не только в его умении производить разные подражательные звуки, перевоплощающиеся в различные предметы [Там же, с. 185], но и

во владении вещими знаниями. Под железным тополем, растущим на перепутье семи дорог, он видит вещий сон, согласно которому его страна будет завоевана врагами [Там же, с. 185]. Свое вещее знание он использует для предупреждения о приближающейся опасности, сам уходит в чужие края, в степь. В алтайских сказаниях мотивы вещего сна и изгнания сына, предвещавшего беду, типичны [Тектебей-Мерген, 2020, с. 38]. В шумерском мифе Энки, владеющий вещими знаниями, предупреждает бессмертного отца Утнапиштима о предстоящем потопе.

Мотив уничтожения великана мифическим героем. Первый подвиг героя состоял в уничтожении великана и возвращении глаз / зрения старикам. Парень с собачьей головой и туловищем рыбы оказывается в жилище слепых старииков. Слепой старик ловит незнакомца своим багром за чешую (*балык кайзаазынанг (кайзырыгынанг) кел канты*) [Кан-Желбекей, 2018, с. 187]. Парень нарушает запрет подниматься на вершину черной горы. Он ползком поднимается на вершину горы и видит огромные следы. Отправившись по следу издалека, видит огромного богатыря, исполина по имени Кара-Мёкё, ездащего на черно-сером коне. Герой принимает человеческий облик, облик дураковатого парня (*тенек уул*). Он уничтожает Кара-Мёкё, пригоняет его скот и людей в стойбище старииков [Там же, с. 188–189]. Мотив возвращения зрения старикам (ликвидации слепоты людей) представлен следующим образом. В тот момент, когда приходит враг, стариик и его жена «прячут» свои глаза в белой тайге, а дочь перевоплощают в гуся. После уничтожения великана стариик велит герою вынуть его глаза из-под горы. Далее следует краткое упоминание о добывании целебной воды гусем (дочерью старииков): приняв человеческий облик, девушка «вставляет» глаза родителем, вытирает платком-арчуул [Там же, с. 185–190]. В алтайских сказаниях добывание героем, имеющим низкий социальный статус, глаз слепых старииков / старика из тела врага (большого пальца, родинки на лбу), возвращение зрения очень распространен [Тектебей-Мерген, 2020, с. 45–46]. В сказании «Маадай-Кара» юноша убивает одноглазого богатыря, вынимает глаза старииков из его большого пальца [Маадай-Кара, 1995, с. 104–107]. В рассматриваемом нами эпосе мотив добывания какой-либо ценности из тела врага отсутствует. Таким образом, основным содержанием первой части повествования «Кан-Тьелбекей» является именно мотив убийства великана Кара-Мёкё. Герой стаскивает с коня богатыря огромного телосложения, свалив на землю, убивает (*јыгып салды*). Убийство исполнена Хумбабу описывается как главный подвиг Энкиду, героя шумерского эпоса «Гильгамеш». Оставлять в живых Хумбабу нельзя. Отрубленная голова исполнена приносится на жертвенник бога Энлиля, т. е. поверженный враг приносится в качестве жертвы богу [Гильгамеш и Энкиду]. Дальнейшее повествование об алтайском герое Кан-Тьелбекей связано с описанием женитьбы на дочери приютивших его старииков.

Борьба мифического героя с завоевателями родины. Герой, получив богатырское имя от дочери подземного владыки, отправляется бороться с врагами, завоевавшими его страну. Сюжетный блок, повествующий о борьбе Кан-Тьелбекея с врагами Бакпа-Кара и Кара-Кула, с завоевателями его страны, представлен весьма своеобразно. Вначале богатырь убивает белобородого старика (*ак-сагалду*) Ак-Бёкё, следящего за скотом противника. Описание поединка отсутствует, но дается описание его убийства: *Айдарда бейее ашийлакты / Бажын тёбözин ойо соголо, ёртöп, / Адын бойыла / Талай дöйн чачып ийди* ‘Итак, давшему старику / Проломил темя (ударом), (труп) сжег. / (Прах, останки) вместе с конем / Бросил в море’ [Кан-Желбекей, 2018, с. 196].

Сам герой перевоплощается в белобородого старика. Перевоплотившись в начальника над табунщиками, рассказывает им сказания (*чёрчёк*), те перестают пасти скот. Скот разбредается. Враги Бакпа-Кара и Кара-Кула прогоняют его из своей земли. Далее следует эпизод встречи с родственниками, находящимися в плачевном состоянии в плену. В эпосе отсутствует мотив поединка с завоевателями. В образе плешилого раба Тастаракая герой возвращается в стан врагов, напрашивается пойти с ними в военный поход. Поднявшись с братьями-завоевателями на вершину черной тайги, приняв свой богатырский облик, бьет их об плоский черный камень. Не убивает, но прибивает гвоздями их конечности к земле (камню?): *Бакпа-Караны каап (тудуп) чыкты / Ак-айаска тудуп чыгала, / Жалбак таштың ўстүнче / Экелип салды. / Ого эмеш япышыра базала, / Каптыргазынанг кадау (каду) чыгарып, / Тöрт санына, мандайына / Кадап салды. / Бoo шыралап ёлүгер!* ‘Бакпа-Кара (врага) схватил, / Поднял к белым небесам, / (Затем) о плоский камень / Опустил, ударил. / Прижимая противника ногами, / Вытащил из переметной сумы гвозди. / Гвоздями прибил к камню четыре конечности и лоб. / «Теперь, мучаясь, будете умирать!» – сказал’ [Там же, с. 199].

В сюжетном блоке нашли отражение древнейшие погребальные обряды: мотив растягивания еще живых противников за четыре конечности на черном камне на вершине черной горы, что в подтексте означает намек на принесение жертвы богу. В данном эпизоде также можно усмотреть параллели борьбы с исполином Хумбабу, завершившимся принесением поверженного врага в жертву богу.

Спуск героя с в подземный мир и женитьба на дочери подземного владыки Эрлик-бия. Мотив женитьбы героя на дочери старики сцепляется с мотивом приобретения второй жены в образе дочери подземного владыки. Жена героя, недовольная тем, что родители выдали ее замуж за человека – собаку-рыбу, напускает жару с помощью магического камня-тъада. Герой снимает с себя одежду, укрывается в море, а в это время жена разрезает его шкуру. Парень, выбравшись на берег, громко кричит, обращаясь к верховному божеству Юч-Курбустану с просьбой дать ему коня, конское и военное снаряжение. С белой горы спускается конь, к седлу приторочены доспехи. Парень упрекает жену, что она разрезала шкуру, объявляет ей, что он уезжает [Там же, 2018, с. 191–193]. В данном эпизоде представлен международный мотив «чудесная жена», который, кстати, также является типовым мотивом в сюжетике алтайского эпоса. Однако дальнейшее развертывание сюжета приводит к описанию женитьбы героя на дочери Эрлик-бия, подземного владыки. По пути (не конкретизируется, куда едет герой) конь советует парню жениться на женщине, которая «стоит» вниз головой, ногами вверх (Эки буды санг ёрё, / Бажы дезе санг тёмён), у нее лохматые черные волосы, черное лицо (Телтек кара чачту / Кара чырайлу) [Там же, с. 194]. Она встретится ему у тополя. Он обязан на ней жениться. Она – дочь Эрлик-бия. Здесь обнаруживается мотив самопросватывания подземной женщины к жителю земли: Качан ёлзён, / Менинг колысда борорынг. / Тирю јүрзенг, / Күндү катынла кожо јадарзынг, / Ёлзёнг, менинг колысда борорынг ‘Когда умрешь, / Будешь в моих руках. / Когда будешь жив, / На солнечной земле вместе с женой будешь жить. / Умрешь, в моих руках будешь’ [Там же, с. 195].

После согласия героя жениться на ней дочь Эрлика нарекает его богатырским именем Кан-Тылбекей, ездащий на кроваво-рыжем коне [Там же]. В алтайских сказаниях распространенными являются мотивы самопросватывания жительниц подземного мира к земному богатырю, сожительства с дочерью Эрлика и отказа от нее [Аин Шайн Шикширге, 1995, с. 62]. В сказании «Маадай-Кара» фигурирует мотив «подмены невесты», в котором в качестве невесты выступает дочь Эрлика [Маадай-Кара, 2020, с. 307, 319–320]. В эпосе «Кан-Тылбекей» реализуется сюжет спуска героя в Нижний мир (мотивирован ревностью земной жены) и возвращения с дочерью Эрлика на землю. По пути домой герой с трудом удерживается на коне от вихря (эзин-экпин), который создается от движения дочери Эрлик-бия (Эрлик-бийдинг кызынынг эзин-экпинине). Животные и люди, живущие на земле, разбегаются, укрываются, где могут. Земная жена спряталась под кроватью. Дочь Эрлик-бия приказывает «старшей» жене устроить свадебный пир, заплести ей волосы в две косы, что является знаком того, что она стала законной женой Кан-Тылбекея. По мнению В. П. Дьяконовой, «убранство волос, разделение их прямым пробором символизировало нарушение целомудрия женщины, инкорпорацию ее к роду мужа» [2001, с. 129]. После свадьбы дочь Эрлика проваливается под землю. Повествование завершается примирением супругов [Кан-Тылбекей, 2018, с. 200–201]. В небольшом сказании, исполненном Н. Черноевой, это описание взаимоотношений героя с земной женой и его женой из подземного мира занимает довольно много места, являясь стрежневым в структуре эпоса. При этом описание героических подвигов героя дается кратко.

Результаты исследования. Таким образом, образ эпического персонажа с собачьей головой и с туловищем рыбы имеет очень древнее происхождение. Типологически близкие черты этому герою как в описании рыбообразной внешности, так и в реализации отдельных мифологических мотивов можно найти в образах шумерского бога Энки и эпического героя Энкиду. Сведения об этих персонажах относятся к XXVII–XXVI вв. до н.э. Герой алтайского эпоса имеет не только туловище рыбы, но и голову собаки. Фиксация персонажа с головой собаки имела место в каракольской культуре Горного Алтая, датируемого серединой II тыс. до н.э. Наряду с многочисленными персонажами в различных масках, указанный персонаж, наделенный маской в форме собачьей головы, изображенный вместе со всеми на стенке погребальной камеры, безусловно, был отмечен в мифологическом пантеоне каракольцев. Однако ни одного персонажа с атрибутами рыбы на каракольских плитах не обнаруживаются. Использование образа налима, называемого по-алтайски собака-рыба (*ийт-балык*), широко представлено в погребальной культуре пазырыкцев [Полосьмак, 2005, рис. 3.11].

В отличие от собаки в искусстве пазырыкцев актуализируется роль волка [Там же, рис. 3.8 и 3.9]. Мифология и эпос алтайцев содержат многие мировые мотивы (о всемирном потопе, о птице Гаруде, о коне на вершине мировой горы и т.д.). Современные исследования в области генетики, археологии позволяют сделать выводы о широких культурно-исторических связях народов Саяно-Алтая в пазырыкские и более древние времена. В этой связи отдельные мотивы и представления, вошедшие в структуру эпоса «Кан-Тыелбекей», имели место в едином историко-культурном пространстве Центральной Азии и Ближнего Востока. В формировании сюжетной линии и системы персонажей были использованы мифы и вербальные отголоски ритуалов «допотопных» (доисторических) времен. Эпос «Кан-Тыелбекей» свидетельствует о мифологической преемственности в создании алтайского эпоса.

Список источников и исполнителей

- Аин Шайн Шикширге // Никифоров Н. Я. Аносский сборник. Собрание сказок алтайцев с примечаниями Г. Н. Потанина. Горно-Алтайск, 1995. С. 39–66.
- Ак-каан ла Кюбюр-каан. Сказитель А. Чинчиев // Алтай баатырлар (= Алтайские богатыри). Алтайский героический эпос / Отв. ред. С. С. Суразаков. Горно-Алтайск, 1977. Т. 9. С. 70–127. (На алт. яз.).
- Ак-Тайчи. Исп. Н. У. Улагашев // Алтай баатырлар (= Алтайские богатыри) / Сост. С. С. Суразаков. Горно-Алтайск, 1959. Т. 2. С. 68–112. (На алт. яз.).
- Алтын-Бизе. Сказительница Е. К. Таштамышева. Алтайское героическое сказание / Пер. с алт. яз. Г. Голубева; предисл. С. С. Суразакова. Барнаул, 1965. С. 14–128 с. (На алт. и рус. яз.).
- Баадай-Кара. Сказительница Н. Черноева // Алтай баатырлар (= Алтайские богатыри). Алтайский героический эпос. Горно-Алтайск, 2020. Т. 4. С. 161–200. (На алт. яз.).
- Гильгамеш и Энкиду // Русская историческая библиотека [Электронный ресурс]. URL: <http://rushist.com/index.php/mifologiya/3818-gilgamesh-i-enkidu> (дата обращения: 13.01.2023)
- Кан-Желбекей. Сказительница Е. Таштамышева // Алтай баатырлар (= Алтайские богатыри) / Вступ. ст., подгот. текстов, примеч. к текстам А. А. Конунова. Горно-Алтайск, 2018. Т. 16. С. 182–201. (На алт. яз.).
- Кан-Чеечий. Сказительница Н. Черноева // Алтай баатырлар (= Алтайские богатыри) / Вступ. ст., подгот. текстов, примеч. к текстам А. А. Конунова. Горно-Алтайск, 2018. Т. 16. С. 202–239. (На алт. яз.).
- Маадай-Кара. Сказитель А. Калкин // Алтай баатырлар (= Алтайские богатыри). Алтайский героический эпос. Горно-Алтайск, 2020. Т. 3. С. 209–334. (На алт. яз.).
- Сюмер-Тайчи. Сказитель О. Алексеев // Алтай баатырлар (= Алтайские богатыри) / Вступ. ст., подгот. текстов, примеч. к текстам А. А. Конунова. Горно-Алтайск, 2018. Т. 16. С. 473–503. (На алт. яз.).
- Тектебей-Мерген // Алтай баатырлар (= Алтайские богатыри). Алтайский героический эпос. Горно-Алтайск, 2020. Т. 1. С. 38–60. (На алт. яз.).
- Миф «Инанна и Энки» [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1564638> (дата обращения: 27.10.2022).

Библиографический список

- Дьяконова В. П. Алтайцы (материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая). Горно-Алтайск, 2001. 222 с.
- Карп в китайской культуре // BJS City [Электронный ресурс]. URL: <https://bjs.city/karp-v-kitajskoj-kulture/> (дата обращения: 24.10.2022).
- Конунов А. А. Примечания // Алтайские богатыри (= Алтай баатырлар). Горно-Алтайск, 2018. С. 504–511.
- Кубарев В. Д. Загадочные росписи Каракола. Новосибирск, 2013. 73 с.
- Ожередов Ю. И. Рыбы, стоящие на хвостах // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. / Гл. ред. Н. А. Томилов. Омск, 2018. С. 90–93 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36466352> (дата обращения: 15.01.2023).
- Полосьмак Н. В. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III вв. до н.э.). Новосибирск, 2005. 229 с.
- Рыба // Новый акрополь. Культурная ассоциация [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newacropol.ru/alexandria/symbols/fish/> (дата обращения: 24.10.2022).
- Рыбы в мифологии и культуре // Акваловер [Электронный ресурс].

URL: <http://www.aqualover.ru/fauna/fish-in-mythology-and-reigion.htm> (дата обращения: 24.10.2022).

Рыба в китайской мифологии // Википедия [Электронный ресурс].

URL: https://wiki5.ru/wiki/Fish_in_Chinese_mythology (дата обращения: 10.24.2022).

Рыбы в китайской традиции. Загадки символов // Ярмарка мастеров [Электронный ресурс].

URL: <https://www.livemaster.ru/topic/1694903-guby-v-kitajskoj-traditsii-zagadki-simvolov> (дата обращения: 24.10.2022).

Суразаков С. С. Героическое сказание «Алтын-Бизе» // «Алтын-Бизе». Алтайское героическое сказание. Сказительница Е. К. Таштамышева / Пер. с алт. яз. Г. Голубева; предисл. С. С. Суразакова. Барнаул, 1965. С. 3–13.

Тучкова Н. А. Традиционное мировоззрение селькупов // Культурное наследие югры: Электронная антология [Электронный ресурс]. URL: <http://hmao.kaisa.ru/object/1808929687?lc=ru> (дата обращения: 15.01.2023).

Бог Энки – один из главных богов в мифологии шумеров [Электронный ресурс].

URL: <https://ancient-east.ru/bog-enki.html> (дата обращения: 10.27.2022).

Ямаева Е. Е. Алтайская духовная культура. Миф. Эпос. Ритуал. Горно-Алтайск, 1998. 198 с.

Ямаева Е. Е. Об одном эпизоде погребального обряда, связанного с собакой в телеутском сказании «Кёзийке»: К проблеме тюркского (огузского) и индоиранского культурного наследия // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2021. № 2 (вып. 42). С. 94–101. DOI 10.25205/2312-6337-2021-2-94-101

List of sources and performers

Ain Shain Shikshirge. In: Nikiforov N. Ya. *Anosskiy sbornik. Sobraniye skazok altaytsev s primechaniyami G. N. Potanina* [Anos collection. Collection of fairy tales of the Altaians with notes by G. N. Potanin]. Gorno-Altaisk, 1995, pp. 39–66. (In Russ.).

Ak-kaan la Kyubyur-kaan. Narrator A. Chinchikayev. In: *Altay baatyrlar. Altayskiy geroicheskiy epos* [Altai heroes. Altai heroic epic]. S. S. Surazakov (Ed.). Gorno-Altaysk, 1977, vol. 9, pp. 70–127. (In Altai).

Ak-Taychy. Narrator N. U. Ulagashev. In: *Altay baatyrlar* [Altai heroes]. S. S. Surazakov (Comp.). Gorno-Altaysk, 1959, vol. 2, pp. 8–112. (In Altai).

Altyn-Bize. Narrator Ye. K. Tashtamysheva. In: *Altayskoye geroicheskoye skazaniye* [Altai heroic legend]. G. Golubev (Transl. from Altai), S. S. Surazakov (Foreword). Barnaul, 1965, pp. 14–128. (In Altai, in Russ.).

Baaday-Kara. Narrator N. Chernoyeva. In: *Altay baatyrlar. Altayskiy geroicheskiy epos* [Altai heroes. Altai heroic epic]. Gorno-Altaisk, 2020, vol. 4, pp. 161–200. (In Altai).

Enki [Enki]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1564638> (accessed 10/27/2022). (In Russ.).

Gil'gamesh i Enkidu [Gilgamesh and Enkidu]. URL: <http://rushist.com/index.php/mifologiya/3818-gilgamesh-i-Enkidu> (accessed 13.01.2023). (In Russ.).

Kan-Cheyechiy. Narrator N. Chernoyeva. In: *Altay baatyrlar* [Altai heroes]. A. A. Konunov (Introd. art., prep. of texts, notes to texts). Gorno-Altaisk, 2018, vol. 16, pp. 202–239. (In Altai).

Kan-Jelbekey. Narrator Ye. K. Tashtamysheva. In: *Altay baatyrlar* [Altai heroes]. Introductory article, preparation of texts, notes to texts by A. A. Konunov. Gorno-Altaysk, 2018, vol. 16, pp. 182–201. (In Altai).

Maaday-Kara. Narrator A. Kalkin. In: *Altay baatyrlar. Altayskiy geroicheskiy epos* [Altai heroes. Altai heroic epic]. Gorno-Altaisk, 2020, vol. 3, pp. 209–334. (In Altai).

Syumer-Taychy. Narrator O. Alekseyev. In: *Altay baatyrlar* [Altai heroes]. Introductory article, preparation of texts, notes to texts by A. A. Konunov. Gorno-Altaisk, 2018, vol. 16, pp. 473–503. (In Altai).

Tektebey-Mergen. In: *Altay baatyrlar. Altayskiy geroicheskiy epos* [Altai heroes. Altai heroic epic]. Gorno-Altaisk, 2020, vol. 1, pp. 38–60. (In Altai).

References

D'yakonova V. P. *Altaytsy (materialy po etnografii telengitov Gornogo Altaya)*. [Altaians (materials on the ethnography of the Telengits of Gorny Altai)]. Gorno-Altaisk, 2001, 222 p. (In Russ.).

Enki odin iz glavnnykh bogov shumerskoy mifologii [Enki is one of the main gods in Sumerian mythology].

URL: <https://ancient-east.ru/bog-enki.html> (accessed 10.27.2022).

Karp v kitayskoy kul'ture [Carp in Chinese culture]. BJS City. URL: <https://bjs.city/karp-v-kitajskoj-kulture/> (accessed 24.10.2022). (In Russ.).

Konunov A. A. Primechaniya [Notes]. In: *Altay baatyrlar* [Altai heroes]. Gorno-Altayisk, 2018, pp. 504–511. (In Altai).

Kubarev V. D. *Zagadochnyye rospisi Karakola* [Mysterious paintings of Karakol]. Novosibirsk, 2013, 73 p. (In Russ.).

Ozheredov Yu. I. Ryby, stoyashchiye na khvostakh [Fish standing on their tails]. In: *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy. Sb. nauchn. tr.* [Integration of archaeological and ethnographic studies. Coll. of sci. art.]. O. N. Tomilov (Ed. in Ch.). Omsk, 2018, pp. 90–93.

Polos'mak N. V. *Kostyum i tekstil' pazyryktsev Altaya (4–3 vv. do n.e.)* [Costume and textiles of the Pazyryks of Altai (4–3 centuries BC)]. Novosibirsk, 2005, 229 p. (In Russ.).

Ryba [Fish]. URL: <https://www.newacropol.ru/alexandria/symbols/fish/> (accessed 24.10.2022). (In Russ.).

Ryba v kitayskoy mifologii [Fish in Chinese mythology].

URL: https://wiki5.ru/wiki/Fish_in_Chinese_mythology (accessed 10.24.2022). (In Russ.).

Ryby v kitayskoy traditsii. Zagadki simvolov [Fish in Chinese tradition. Riddles of symbols].

URL: <https://www.livemaster.ru/topic/1694903-ryby-v-kitajskoj-traditsii-zagadki-simvolov>

Ryby v mifologii i kul'ture [Fish in mythology and culture]. URL: <http://www.aqualover.ru/fauna/fish-in-mythology-and-reigion.htm> (accessed 10.24.2022). (In Russ.).

Surazakov S. S. Geroicheskoye skazaniye “Altyn-Bize” [The heroic legend “Altyn-Bize”]. In: *Altyn-Bize. Altayskoye geroicheskoye skazaniye* [Altyn-Bize. Altai heroic legend]. Ye. K. Tashtamysheva (Narrator), G. Golubev (Transl. from Altai), S. S. Surazakov (Preface). Barnaul, 1965, pp. 3–13. (In Russ.).

Tuchkova N. A. *Traditsionnoye mirovozzreniye sel'kupov* [The traditional worldview of the Selkups]. URL: <http://hmao.kaisa.ru/object/1808929687?lc=ru> (accessed 15.01.2023). (In Russ.).

URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36466352> (accessed 15.01.2023). (In Russ.).

Yamaeva E. E. *Altayskaya dukhovnaya kul'tura. Mif. Epos. Ritual* [Altai spiritual culture. Myth. Epos. Ritual]. Gorno-Altaisk, 1998, 168 p.

Yamaeva E. E. Ob odnom epizode pogrebal'nogo obryada, svyazannogo s sobakoy v teleutskom skazanii “Koziyke”: K probleme tyurkskogo (oguzskogo) i indoiranского kul'turnogo naslediya [On one episode of the funeral rite associated with a dog in the Teleut legend “Keziyke”: On the problem of the Turkic (Oguz) and Indo-Iranian cultural heritage]. *Languages and Folklore of the Indigenous Peoples of Siberia*. 2021, no. 2 (42), pp. 94–101. (In Russ.).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
30.01.2023

Сведения об авторе

Ямаева Елизавета Еркиновна – доктор исторических наук, независимый исследователь (Горно-Алтайск, Россия)

E-mail: Erkinovnay@mail.ru

ORCID 0000-0003-1771-0861

Information about the Author

Elizaveta E. Yamaeva – Doctor of History, Independent Researcher (Gorno-Altaisk, Russian Federation)

E-mail: Erkinovnay@mail.ru

ORCID 0000-0003-1771-0861

УДК 398 (=512.153)+398.5
DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-58-66

Жанр *алгас* в обрядовой поэзии хакасов: функциональный аспект

В. В. Миндикбекова

Институт филологии СО РАН, Новосибирск, Россия

Аннотация

В статье анализируется жанр *алгас* (благопожелания) в обрядовой поэзии хакасов. Рассматривается функциональная роль *алгасов* в обрядах. Материалом исследования послужили тексты *алгасов*, изданные В.В. Радловым в IX томе «Образцов...» (СПб., 1907). Рассматриваются образцы культовой поэзии, записанные Н.Ф. Катановым во время экспедиции по Сибири и Восточному Туркестану 1878–1892 гг. Благопожелания, связанные с почитанием духов-хозяев природы и местности, шаманские заклинания духов-предков, поклонение матери-огню (*От ине*), представляют ценные образцы обрядовой поэзии хакасов. Особый интерес представляют тексты, записанные Н.Ф. Катановым, об обращениях шаманов к божествам – покровителям коней (*ызыхам*).

Ключевые слова

обрядовая поэзия, *алгас*, благопожелания, благословения, шаманские тексты

Для цитирования

Миндикбекова В. В. Жанр *алгас* в обрядовой поэзии хакасов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45). С. 58–66. DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-58-66

Algas genre in Khakass ritual poetry: a functional aspect

V. V. Mindibekova

Institute of Philology of the SB RAS, Novosibirsk, Russian Federation

Abstract

Good-wishing was of great importance in the traditional culture of the Khakas. Every traditional event is accompanied by a verbal performance of good wishes. Khakas people believed good wishes to carry faith in the magical power of words, with a potential to improve one's life, to bring well-being into it. *Algas* represents a multifunctional phenomenon in Khakass folklore, including blessings, benedictions, incantations, and prayers. The aim of the work was to systematize the good-wishes, to reveal the features of functioning, to generalize the research results on the ritual poetry of the Khakasses. The study covers the texts of good-wishes recorded and translated by the outstanding Turkologist N. F. Katanov. They include about 70 unique cultic texts in Beltyr, Sagai and Kachin dialects of the Abakan Tatars recorded in 1878–1892 and are accompanied by a complete ethnographic description of the rituals, the attributes used in the rituals; the actions performed by shamans, and their spells addressed to the deities and spirit-masters of the terrain. The analysis revealed two main thematic variants of the *algas* genre in the ritual poetry of the Khakas: (1) the texts of shamanic ceremonies performed for a request for help and (2) the thematic variant including well-wishes, blessings, and parting words. The ritual function is that *algas* is an integral part of rituals and

© В. В. Миндикбекова, 2023

ISSN 2312-6337

Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2023. № 1 (вып. 45)
Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia. 2023. No. 1 (iss. 45)

shamanistic ceremonies, reflecting the specific material and spiritual culture of the Khakasses. The artistic and aesthetic functions are enriching the poetic language of *algas* by means of artistic expression and syntactic means.

Keywords

ritual poetry, *algas*, good wishes, blessings, shamanic texts

For citation

Mindibekova V. V. *Zhanr algas v obryadovoy poezii khakasov: funktsional'nyy aspekt* [*Algas genre in Khakass ritual poetry: a functional aspect*]. *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and Folklore of Indigenous Peoples of Siberia], 2023, no. 1 (iss. 45), pp. 58–66. (In Russ.). DOI 10.25205/2312-6337-2023-1-58-66

Введение

В традиционной культуре хакасов благопожелания играют важную роль. В них отражается душа народа и вера в добро. Каждое событие сопровождается исполнением словесного текста благопожеланий. Люди верили, что благопожелания могут влиять на реальность. В них заложена возможность улучшать жизнь человека, способствовать его благополучию. В этом проявилась вера людей в силу слова. *Алгасы* представляют собой многофункциональное явление в хакасском фольклоре. В это понятие входят благословения, благопожелания, заклинания и моления. Целью работы является систематизация благопожеланий, выявление особенностей функционирования, обобщение имеющихся результатов исследования по обрядовой поэзии хакасов.

История изучения и публикации. Обрядовую поэзию можно отнести к недостаточно изученным жанрам хакасского фольклора. В период с 1 июля по 13 октября 1892 г. Н. Ф. Катанов записывал шаманские рассказы и молитвы со слов бельтиров, сагайцев и качинцев в Минусинском округе Енисейской губернии. В своем письме к В. В. Радлову ученый писал: «С 1 июля с.г. по 20 июля я посетил татарские улусы, находящиеся по рекам Таштыпу, Ассысу и Камышите, и записал шаманские рассказы и молитвы бельтиров, сагайцев и качинцев» [Письма..., 1893, с. 89]. У бельтиров записаны *алгасы*-благословения горного духа, водяного духа, духа покровителя домашнего скота: коней, коров и овец. У качинцев зафиксированы благословения огня и воды. Со слов шаманов записаны молитвы-благопожелания и обращения к *От ине* ‘духу-хозяйке огня’, *тағ ээзі* ‘духу-хозяину гор’, *сүг ээзі* ‘духу-хозяину рек и воды’, *иб ээзі* ‘дома, жилища’, *ызых* ‘священным духам-покровителям коней, овец’ и т.д.

Собранные в экспедиционной поездке фольклорные записи были опубликованы в третьем разделе «Образцов народной литературы тюркских племен...» [Образцы..., 1907а; 1907б]. Тюркские тексты были транскрибированы по системе академиков О. Н. Бетлинга и В. В. Радлова. Благодаря трудам Н. Ф. Катанова мы можем познакомиться с образцами шаманских рассказов и молитв.

В 2000-е гг. активизировался сбор полевого материала по обрядовому фольклору хакасов, чему содействовала подготовка серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». Этим неутомимо начала заниматься ведущий ученый, фольклорист В. Е. Майногашева. Ранее ею были изданы героические сказания «Алтын Арыг» (1988) – в составе серии «Эпос народов СССР» и «Ай Хуучин» (1997) – в серии «Памятники фольклора народов Сибири...». Совместно с М. А. Унгвицкой также занимавшейся составительской работой по обрядовому тому, опубликована монография «Хакасское народное поэтическое творчество» [Унгвицкая, Майногашева, 1972]. В. Е. Майногашева издала сборник статей о мастерах народного творчества «Хакасские сказители и певцы» на хакасском и русском языках [2000]. Некоторые материалы по обрядовой поэзии хакасов вошли в ее книгу «Хакасская народная детская поэзия» [Майногашева, 2009]. В. Е. Майногашева писала: «Еще во времена, когда предки называли себя *күнніг кізі*, т. е. люди, поклоняющиеся Солнцу-Богу, у предков хакасов существовал обряд наречения имени ребенку» [2009, с. 12]. В последние годы жизни ученый-фольклорист посвятила себя подготовке тома «Обрядовый фольклор хакасов» для сибирской академической серии. К сожалению, рукопись осталась незавершенной. Дальнейшую работу над рукописью подхватили молодые коллеги ученого, которые приложат все усилия к тому, чтобы том увидел свет в составе известной авторитетной серии.

Ценные материалы по духовной и материальной культуре хакасов содержатся в трудах д-ра исторических наук, профессора В. Я. Бутанаева [Бутанаев, Бутанаева, 2001]. Большое научное и практическое значение имеет «Хакасско-русский историко-этнографический словарь» [Бутанаев, 1999]. В его работе «Традиционный шаманизм Хонгорая» собраны *алгасы* и шаманские заклинания [Бутанаев, 2006]. Об-

рядовая поэзия хакасов затронута в статьях научных сотрудников Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ). Жанровые разновидности свадебной обрядовой поэзии становились объектом исследования С. К. Кулумаевой [2003, с. 182–185]. Функции благопожеланий-алгасов в композиции героического сказания исследует Ю. И. Чаптыкова [2018, с. 561–563]. История сабирания и изучения обрядовой поэзии хакасов описана В. В. Миндибековой [2021, с. 42–47].

Начало сабирательской работы новосибирских ученых в Хакасии относится к 1980-м гг. В 1984 г. состоялась совместная комплексная фольклорно-этнографическая экспедиция Института филологии (ИФЛ) СО АН СССР и ХакНИИЯЛИ. В 2001 г. была проведена комплексная фольклорно-этнографическая экспедиция ИФЛ СО РАН, ХакНИИЯЛИ и Новосибирской государственной консерватории (НГК) им. М. И. Глинки при участии филологов, фольклористов, языковедов, этнографов и музыковедов. В 2005 г. сотрудники сектора фольклора ИФЛ СО РАН и НГК им. М. И. Глинки выезжали в Орджоникидзевский район Республики Хакасия для изучения современного бытования фольклорных традиций у хакасов-кызыльцев [Скворцова, Жимулеева, Миндибекова, 2005]. Важная информация представлена в статьях, представляющих полевые наблюдения хакасских исследователей [Кулумаева, 2003; Чаптыкова, Челтыгмашева, 2019]. В 2020–2022 гг. на материалах данных экспедиционных записей зафиксированы образцы обрядового фольклора в Аскизском, Бейском, Таштыпском районах. Результаты исследований локальных традиций представлены в научной публикации [Миндибекова, 2022]. Комплексное исследование жанра *алгас* осуществляется на полевых материалах, собранных новосибирскими фольклористами и этномузыковедами в сотрудничестве с хакасскими коллегами. В наши дни обрядовая поэзия хакасов приобретает большую значимость в связи с потребностью общества актуализировать связь с национальными истоками.

Материалом для исследования послужили тексты благопожеланий, записанные и переведенные выдающимся тюркологом Н. Ф. Катановым (1862–1922). В 1878–1892 гг. в Минусинском округе Енисейской губернии удалось записать около 70 уникальных культовых текстов на бельтырском, сагайском и качинском наречиях абаканских татар. У сагайцев были записаны благословения огню, называемой *От-ине* ‘матерью дома’, несколько стихов, обращенных к *tag ээзи* ‘горному духу’, к *Ызыхам* ‘покровителям коней’. Тексты были опубликованы В. В. Радловым в IX томе «Образцов народной литературы тюркских племен...» [Образцы..., 1907а, 1907б]. Отдельные главы «Образцов...» были переизданы в разные годы¹, но полная коллекция до настоящего времени не переиздавалась.

Терминология. В современном хакасском языке для обозначения обрядовой поэзии используется термин *кибір поэзиязы*, в котором слово *кибір* переводится как «обычай, традиция» [ХРС, 2006, с. 158], а второе слово заимствовано из русского языка. В народе обычно используют названия для конкретных жанров (*алгыстар*, *сыттар*). Исполняемые при обряде благопожелания обозначаются термином *алгастар* [Там же, с. 53]. Вера в силу магического воздействия слова выражена у хакасов в канонизированных формах *алгас* ‘благопожелания’, *сöстиеен сöс* ‘заклинания’. Для определения благопожеланий, благословений и напутствий также приняты термины *алгаг*, *алгас чоох* [Там же, с. 52–53]. В народной терминологии глагол *алгирга* означает ‘благословлять, напутствовать кого-либо; желать добра, успеха кому-либо’, *алгыс* – благодарность [Там же, с. 53, 52 соответственно]. Благопожелания и благословения отмечены у всех тюркоязычных народов Саяно-Алтая. Об общности термина говорят родственные термины у якутов (*алгыс*), тувинцев (*алгыш*), у шорцев и алтайцев (*алкыши*).

В фольклорной традиции хакасского народа благопожелания являются распространенным жанром, что обусловлено функциональной значимостью благопожеланий, а также особенностью их поэтики: вариативностью текста и выразительностью языка. Хакасский народ бережно хранит и почитает свои устно-поэтические традиции. С каждым годом все меньше остается носителей языка и знатоков хакасского фольклора, но благопожелания продолжают бытовать в народе.

Обрядовая функция

Благопожелания выполняют важную роль между человеком и божествами, могущественными духами-хозяевами природы. Еще во времена язычества люди произносили молитвы – заклинания к высшим силам, в которых содержалась просьба о благополучии, счастье, изобилии, удаче.

¹ Отдельные главы «Образцов...» были переизданы в 1963, 1996, 1997, 2000, 2003, 2004, 2018 гг.

К культовой поэзии хакасов относятся благопожелания, шаманские заклинания, обращенные к духам-предкам, тексты, связанные с почитанием духов-хозяев природы.

Алгасы адресованы конкретным божествам, духам-хозяевам, называются их имена. Например, в обращении к *От-ине* ‘матери огня’, шаман произносит: *Отыс тістіг от инем...* ‘Ты, огонь, – наша мать, имеющая 30 зубов!’ [Образцы..., 1907б, с. 563] (перевод уточнен нами. – B. M.). Люди верят, что дух-хозяйка *От ине* дает достаток, счастье в доме. Ее красоту подчеркивают длинные густые волосы (*іліг сұрмestіг* ‘имеющая 50 косичек’). Огонь почтительно называют матерью, берегиней дома днем и ночью. В благопожеланиях можно выделить ее охранительную, очищающую и защитную функции. Из всех обрядов почитания до наших дней сохранился обряд кормления *От ине* ‘Матери очага’.

Н. Ф. Катанов записал молитвы – благопожелания шаманов к божествам-небожителям, покровителям священных соловых, бурых, вороных, голубых, сине-серых и рыжих коней. Например, в обращении-восхвалении к покровителю *көк пора* ‘сине-сивых’ коней (духа неба) говорится: *Көк пора миндалігзің, көк пулут аралығазаң!* [Образцы..., 1907а, с. 562] ‘Ездишь ты верхом на сине-сивом коне, летаешь среди синих облаков!’ [Образцы..., 1907б, с. 548].

В обращении-восхвалении покровительницы *ах сараат ызыых* ‘соловых коней’ прославляется дева по имени Хуба (*Куба*). Поэтический текст отличается ее красочным описанием. Приведем пример:

*Тогыс оолдың аразынаң
Артых төреен хыс Куба!
Алтын ызырга сүгунуп,
Ай алына чорткан улус!
Күмүс ызырга сүгунуп,
қүн алына чортхан улус!
Ах сараат мүндааттігзаң,
Сарығ хазыңнаң тайахтығ.*
[Образцы..., 1907а, с. 560].

Среди 9 юношей
Лучшей ты рождена, дева Хуба,
Надев золотые серьги,
ты отправилась с народом к луне.
Надев серебряные серьги,
ты отправилась с народом к солнцу!
Ездишь ты верхом на бело-соловом коне,
защищаешься тростью из желтой березы.

[Образцы..., 1907б, с. 555]

(перевод уточнен нами. – B. M.).

К покровителю *күрең ызыых* ‘бурых коней’ обращаются со словами:

*Күмүс чүгөн сабыттығызың,
ай-хара мүндеңтігзің!
Четі чүг чөлбаглігзаң,
тогыс куйға толығылғазаң!*
[Образцы..., 1907а, с. 559].

Сбруя твоя – серебряная узда,
ездишь ты верхом на лунно-вороном коне!
Обмахиваешься ты 7 перьями,
украшаешься 9 цветами!

[Образцы..., 1907б, с. 548]

(перевод уточнен нами. – B. M.).

В приведенных примерах прослеживается характерный признак *алгасов* – прямое обращение к горному духу.

Божествам приносились различные жертвы, чтобы умилостивить их и чтобы божество, к которому непосредственно обращались, защитило «черные головы» (т.е. татар) и их детей от болезней и злых духов и оказывало покровительство выпасаемым стадам. Исполнитель произносит слова восхваления высокому покровителю *хара күрең ызыых* ‘черно-бурых коней’, затем называется принесенная ему жертва:

*Ала хорым азахтығ,
Егір хорым
Хара түлгүй пөріктіг,
Хара хамнос хамчылығ!
Хызыл чібек хурлугзың
Хызыл торға сабыттығ,
Ах хураган пустуғазаң,
Хара күрең мундаттығ!*
[Образцы..., 1907а, с. 560].

Ноги твои ступают на белые хребты,
полы касаются извилистых гор!
Шапка у тебя из черной лисы,
кнут – из черной выдры!
Опоясываешься ты красным шелком,
обмахиваешься красным гарусом,
приносится тебе в жертву белый ягненок,
ездишь ты верхом на черно-буром коне!

[Образцы..., 1907б, с. 555].

Записи обрядовой поэзии Н. Ф. Катанова обладают большой ценностью, так как они снабжены этнографическим описанием проводимых ритуалов и атрибутов, используемых в обрядах, текстовыми заклинаниями шаманов, обращенными к божествам и духам-хозяевам местностей. Обряды рассматривались в комплексе взаимодействия слова и действия, ритуала и верbalного текста.

Коммуникативная функция

Благопожелания являются важным атрибутом коммуникации, жизненного и нравственного состояния человека. Основные функции заключаются в пожелании человеку здоровья, достатка, благополучия в обрядах, связанных с ребенком. *Алгасы* выступали в роли сообщения. Люди верят, что сказанное слово, хорошее или плохое, непременно сбудется. Это и является причиной того, что благопожелания активно бытуют и в наши дни. По идейно-художественному содержанию, тематическому составу они охватывают самые разные стороны жизни. Благопожелания произносили при почитании родных мест, при исполнении семейных обрядов. *Алгасы* сопровождают человека всю жизнь. На хакасских праздниках преобладают обряды жизненного цикла (рождение и имянаречие ребенка, свадебные обряды) уже в упрощенной форме.

Семья и дом находятся на вершине иерархии жизненных ценностей. Свадебное благословение произносили старики. Молодоженам желали счастливой жизни, крепкого здоровья, благополучия в доме, долголетия, много детей и скота. Приведем пример:

Айга тутхан ибиң-тураң
Алтыннаң хурчал турзың!
Күнгө тутхан ибиң-тураң
Күмүснең хурчал турзың!

[Образцы..., 1907а, с. 263].

Пусть юрта твоя, освещаемая луною,
Опоясывается золотом!
Пусть юрта твоя, освещаемая солнцем,
Опоясывается серебром!

[Образцы..., 1907б, с. 235]
(перевод уточнен нами. – В. М.).

Также благопожелания имеют широкую сферу употребления, являются важной частью традиции хакасов. Перед отправлением в дальний путь в хакасской традиции принято желать *чолың азых ползын* ‘путь тебе да будет открытим’ и благополучного возвращения на родную землю. Например, в героическом эпосе «Ай-Хуучин» перед отправлением в дальний путь произносится благопожелание:

Чирліг чахсы кізі
Чиріне нанзын!
Сүглиғ чахсы кізізі
Сууна тарағазын!

[Ай-Хуучин, 1997, с. 132].

Достойный человек, землю имеющий,
Пусть возвратится на свою землю!
Достойный человек, реку имеющий,
Пусть вернется к своей реке!

[Ай-Хуучин, 1997, с. 133].

Алгас произносят в пути, на перевалах кропили вином горным духам: «Пусть впереди будет открытая дорога, пусть позади будет закрытый путь».

Благопожелания (*алгастар*) приурочиваются к знаменательному событию в жизни человека. Считалось, что высказанное вслух материализуется, поэтому любое важное событие в жизни человека сопровождалось самыми добрыми, искренними пожеланиями. Отсюда и возник такой жанр устного народного творчества как благопожелание.

Художественно-эстетическая функция

Благопожелания в контексте жанров хакасского фольклора имеют большое художественно-эстетическое значение. Обычаи и традиции хакасов отражены в героических сказаниях (*алыптыг нымахтар*), сказках (*нымахтар*), несказочной прозе (*кип-чоохтар*), песнях (*ырлар*) и в малых жанрах.

Поэтическая форма благопожеланий богата эпитетами, сравнениями, гиперболами, метафорами, формульными выражениями. Наиболее часто употребляются эпитеты *алтын* ‘золотой’, *күмүс* ‘серебряный’, *пай* ‘богатый’. Например, *алтын пүрліг* ‘с золотыми листьями’, *алтын ыстол* ‘стол золотой’, *ах киисті* ‘белая кошма’, *күмүс тостығ* ‘с корою серебристою’, *күмүс чүгөн* ‘серебряная узда’, *пай*

хазың ‘богатая береза’. В конце каждой строки применяется глагольная форма *ползын* ‘пусть будет’, которая носит семантику заклинания.

Благословение людям, отправляющимся в путь, сохранилось до наших дней. Традиционная эпическая формула пожелания и благословения человеку, отправляющемуся в дальний путь, встречается в героическом эпосе «Ай-Хуучин». Старшая сестра героини Хыс-Хан перед отправлением *алгап-сулган турадыр* ‘благословляет, напутствует’ ее:

Аллаанды, аллын *полып*, иркем,
Алдагызы *Сирерди ползын!*
Чоллаанды чолыңар *полып*,
Чолдагызы *Сирерди ползын!*

[Ай-Хуучин, 1997, с. 110].

Путь тебе да будет открытым, родной мой!
Будущее Ваше да будет Вашим!
Дорога Ваша да будет благополучной,
Дорога Ваша пусть будет Вашей!

[Ай-Хуучин, 1997, с. 111].

Интересен пример из хакасской сказки «Милый Иркулес» («Ирке тёреен Иркүлес»). В варианте, записанном от сказителя М. К. Доброя в 1951 г., повествуется о том, как герой сказки, сын конюха, становится ханом. Благодаря главному герою Милому Иркулесу люди, превращенные в деревья, оживают. В благодарность люди молятся великому *Худаю*, а главному герою желают долголетия и здоровья: *Хачан даа чазың узах ползын, чарның хойыг ползын* ‘Пусть твои годы долгими будут, пусть твои плечи крепкими будут’¹² [ХНС, 2014, с. 226–227]. В мифе «О жаворонке-птичке» («Торгайах хусхацахтаңар»), записанном Н. В. Амзараковым в 1946 г. у сагайцев, встречается эпическая формула пожелания и благословения человеку: *Хачан даа полза, улуг хам пол!* *Чазың узах ползын, чайаанын пöзик ползын!*¹³ ‘Всегда будь великим шаманом! Пусть года твои будут долгими, пусть судьба твоя будет благосклонной!’ [НПХ, 2016 с. 134–135]. Данная эпическая формула также встречается в хакасских и шорских героических сказаниях.

Ёмкие по содержанию, но лаконичные по форме благопожелания, стилистически и поэтически отточенные, обогащают язык фольклорных произведений, делают его образным и выразительным.

Выводы

Таким образом, в обрядовой поэзии хакасов рассмотрены основные функции *алгасов*: обрядовая, коммуникативная, художественно-эстетическая. Обрядовая функция заключается в том, что *алгасы*, являются неотъемлемой частью обрядов и шаманских камланий, отражают специфику материальной и духовной культуры хакасов. В них содержатся призывы и просьбы о помощи и содействии, благословения, напутствия. Коммуникативная функция проявляется в установлении контактов между акторами, символическом формировании счастливого будущего, призывании счастья, в *алгасах* отражаются характерные ценностные ориентиры (семья, дом). Художественно-эстетическая функция заключается в обогащении поэтического языка *алгасов* средствами художественной выразительности (эпитеты, метафоры, сравнения) и синтаксических средств (аллитерация, параллелизм), яркой образной характеристике персонажей. *Алгасы* встраиваются практически во все жанры хакасского фольклора и занимают определенную позицию в структуре повествования.

Список литературы

Ай-Хуучин – Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин / Запись и подгот. текста, пер., вступ. ст., примеч. и comment., прил. В. Е. Майногашевой. Новосибирск: Наука, 1997. 479 с. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 16).

Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакасия, 1999. 240 с.

Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Хакасский исторический фольклор. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2001. 148 с.

Бутанаев В. Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2006. 254 с.

² Букв. «пусть твой возраст долгим будет, твоя лопатка густой будет» [ХНС, 2014, с. 633].

³ Текст на хакасском языке записан по нормам старой орфографии.

Катанов Н. Ф. Шаманские песнопения сибирских тюрков: записи 1878–1892 годов / Поэт. переводы А. Преловского; вступ. ст., науч. ред. хак. текстов, комментарий В. Я. Бутанаева. М.: Лит-Экспресс, 1996. 192 с. (Духовное наследие народов Сибири).

Кулумаева С. К. Материалы Н. Ф. Катанова по свадебному обряду хакасов // Научное наследие Н. Ф. Катанова и современное востоковедение: Материалы Междунар. науч. конф. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2003. С. 182–185.

Кулумаева С. К. Традиционный «пир волос» (*сас тойы*) у субэтносов хакасов по материалам Н. Ф. Катанова // Возвращение наследия Н. Ф. Катанова на родину: материалы научно-практической конференции. Москва: Новый ключ, 2003. С. 56–60.

Майногашева В. Е. Хакасские сказители и певцы. Очерки, эссе о некоторых мастерах фольклора. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2000. 104 с.

Майногашева В. Е. Хакасская народная детская поэзия = Хакас чонның палалар поэзиязы. Абакан: Диалог Сибирь, 2009. 100 с.

Миндикова В. В. Обрядовая поэзия в материалах Н. Ф. Катанова (к 160-летию со дня рождения) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 2. С. 42–52.

Миндикова В. В. Обрядовая поэзия хакасов: собирание и изучение // Вестник КРАУНЦ. Гуманистические науки. 2021. № 1 (37). С. 42–47.

НПХ – Несказочная проза хакасов / Сост. В. В. Миндикова, Г. Б. Сыченко. Новосибирск: Наука, 2016. 540 с.; ил., ноты + компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 34).

Письма Н. Ф. Катанова из Сибири и Восточного Туркестана. Приложение к LXXIII-му тому Записок Императорской Академии наук. № 8. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893. 114 с.

Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. СПб: Изд-во АН СССР, 1907а. Т. 9: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым: Тексты. 668 с.

Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. СПб: Изд-во АН СССР, 1907б. Т. 9: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым: Переводы. 658 с.

Скворцова Н. М., Жимулева Е. И., Миндикова В. В. Современное бытование фольклорных традиций у хакасов-кызыльцев // Народная культура Сибири. Материалы XIV науч. семинара Сибир. региона. вузовского центра по фольклору. Омск: Академия, 2005. С. 37–40.

Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Собраны В. В. Радловым. Ч. 2. Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызылское и чулымское (кюэрик) / Сост. Е. С. Торокова. Абакан: Журналист, 2018. 496 с.

Унгвицкая М.А., Майногашева В.Е. Хакасское народное поэтическое творчество. Абакан: Хакас. отд. Краснояр. кн. изд-ва, 1972. 311 с.

ХРС – Хакасско-русский словарь = Хакас-орыс сөстік. Новосибирск: Наука, 2006. 1114 с.

ХНС – Хакасские народные сказки / Сост. Е. С. Торокова, Г. Б. Сыченко. Новосибирск: Омега Принт, 2014. 770 с.; ил. + компакт-диск. (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 33).

Хакасский фольклор / Сост. П. А. Трояков. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2022. 2-е изд., испр. 256 с.

Чаптыкова Ю. И. Роль благопожеланий в сюжетной канве героического эпоса «Ах хан на белобуланом коне» // Мир науки, культуры и образования. 2018. № 5 (72). С. 561–563.

Чаптыкова Ю. И., Челтыгмашева Л. В. Культ огня у современных хакасов (по материалам фольклорных экспедиций 2016, 2018 гг.) // Мир науки, культуры и образования. 2019. № 1 (74). С. 488–491.

References

Butanaev V. Ya. *Khakassko-russkiy istoriko-etnograficheskiy slovar'* [Khakass-Russian historical and ethnographical dictionary]. Abakan, Khakassia, 1999, 240 p. (In Khakass, in Russ.).

Butanaev V. Ya., Butanaeva I. I. *Khakasskiy istoricheskiy fol'klor* [Khakass historical folklore]. Abakan, Khakass State University Publ., 2001, 148 p. (In Russ.).

Butanaev V. Ya. *Traditsionnyy shamanizm Khongoraya* [Traditional shamanism of Hongorai]. Abakan, Izd-vo Khakas. gos. un-ta, 2006. 254 p. (In Russ.).

Chaptykova Yu. I., Cheltygmasheva L. V. *Kul't ognya u sovremennykh khakasov* (po materialam fol'klornykh ekspeditsiy 2016, 2018 gg.) [The cult of fire among modern Khakas (based on the materials of folklore expeditions in 2016, 2018)]. *The world of science, culture and education*. 2019, no. 1 (74), pp. 488–491. (In Russ.).

Chaptykova Yu. I. *Rol' blagopozhelaniy v syuzhetnoy kanve geroicheskogo eposa “Akh khan na belobulonom kone”* [The role of the good wish in the plot of heroic epos “Ah Khan on the light-buckskin horse”]. *The world of science, culture and education*. 2018, no. 5 (72), pp. 561–563. (In Russ.).

Hakas-orys söstik [Khakass-Russian Dictionary]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p. (In Khakass, in Russ.).

Katanov N. F. *Shamanskie pesnopeniya sibirskikh tyurkov: zapisи 1878–1892 godov* [Shamanic Chants of the Siberian Turks: records of 1878–1892]. A. Prelovskiy (Poet. transl.), V. Ya. Butanaev (pref. art., sci. ed. of Khak. texts, comm.). Moscow, Lit-Ekspress, 1996, 192 p. (Dukhovnoe nasledie narodov Sibiri [Spiritual heritage of the peoples of Siberia]). (In Khakass, in Russ.).

Khakasskiy fol'klor. P. A. Troyakov (Comp.). 2nd ed. Abakan, Khakasskoe kn. izd-vo, 2022, 256 p. (In Khakass, in Russ.).

Khakasskiy geroicheskiy epos: Ay-Khuuchin [Khakass Heroic Epic: Ai-Huuchin], V.E. Maynogasheva (Comps). Novosibirsk, Nauka. Sibirskoe izdatel'sko-poligraficheskoe i knigotorgovoe predpriyatiye RAN, 1997, 479 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East], vol. 16). (In Khakass, in Russ.).

Khakasskie narodnye skazki [Khakass folk Tales]. E. S. Torokova, G. B. Sychenko (Comps.). Novosibirsk, Omega Print, 2014, 770 p.; (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East], vol. 33). (In Khakass, in Russ.).

Kulumaeva S. K. Materialy N. F. Katanova po svadebnomu obryadu khakasov [Materials of N. F. Katanov on the Khakass wedding ceremony]. In: *Nauchnoe nasledie N. F. Katanova i sovremennoe vostokovedenie: materialy Mezhdunarodnoy nauch. konf.* [Scientific heritage of N. F. Katanov and modern oriental studies: Proc. of the Intern. sci. conf.]. Abakan, Khakas State University Publ., 2003, pp. 182–185. (In Russ.).

Kulumaeva S. K. Traditsionnyy “pir volos” (sas toy) u subetnosov khakasov po materialam N. F. Katanova [Traditional “feast of hair” (sas toy) among the Khakass subethnoses based on the materials of N. F. Katanov]. In: *Vozvrashchenie naslediya N. F. Katanova na rodinu: materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. [The return of N. F. Katanov's legacy to his homeland: Proc. of the sci.-pract. conf.]. Moscow, 2003, pp. 56–60. (In Russ.).

Maynogasheva V. E. *Khakasskie skaziteli i pevtsy. Ocherki, esse o nekotorykh masterakh fol'klora* [Khakass storytellers and singers. Essays, essays about some masters of folklore]. Abakan, Khakas. kn. izd., 2000. 104 p. (In Khakass, in Russ.).

Maynogasheva V. E. *Khakas chonnyi palalar poeziyazy* [Khakass folk children's poetry]. Abakan, Dialog Sibir', 2009, 100 p. (In Khakass, in Russ.).

Mindibekova V. V. *Obryadovaya poeziya v materialakh N.F. Katanova (k 160-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Ritual poetry of the khakass in the materials of N. F. Katanov (to the 160th anniversary of his birth)]. *Siberian Journal of Philology*. 2022, no. 2, pp. 42–52. (In Russ.).

Mindibekova V. V. *Obryadovaya poeziya khakasov: sobiranie i izuchenie* [Ritual poetry of the Khakas: collecting and studying]. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki*. 2021, no. 1 (37), pp. 42–47. (In Russ.).

Neskazochnaya proza khakasov [Non-fairytales prose of Khakasses]. V. V. Mindibekova, G. B. Sychenko (Comps.). Novosibirsk, Nauka, 2016, 540 p. (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East], vol. 34). (In Khakass, in Russ.).

Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. Radlovym [Samples of folk literature of Turkic tribes, published by V. Radlov]. St. Petersburg, AN SSSR Publ., 1907a, vol. 9: [Dialects of Uryankhaians (Soyots), Abakan Tatars and Karagasses. Texts collected and translated by N. F. Katanov: Texts], 668 p. (In Khakass, in Russ.).

Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V. Radlovym [Samples of folk literature of Turkic tribes, published by V. Radlov]. St. Petersburg, AN SSSR Publ., 1907b, vol. 9: [Dialects of

Uryankhaians (Soyots), Abakan Tatars and Karagasses. Texts collected and translated by N.F. Katanov: Translations], 659 p. (In Khakass, in Russ.).

Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzhungarskoy stepi [Samples of folk literature of Turkic tribes, living in Southern Siberia and the Dzungarian plain]. Collected by V. V. Radlov. Part II. Abakan sub-dialects (Sagai, Koibal, Kachin), Kyzyl and Chulyum (Kuerik). E. S. Torokova (Comp.). Abakan, Journalist, 2018, 496 p. (In Khakass, in Russ.).

Pis'ma N. F. Katanova iz Sibiri i Vostochnogo Turkestana [Letters of N. F. Katanov from Siberia and East Turkestan]. In: *Prilozhenie k 73-mu tomu Zapisok Imper. Akademii nauk* [Appendix to the 73rd volume of Notes of the Imperial. Academy of Sciences]. St. Petersburg, 1893, no. 8, 114 p. (In Russ.).

Skvortsova N. M., Zhimuleva E. I., Mindibekova V. V. Sovremennoe bytovanie fol'klornykh traditsiy u khakasov-kyzyl'tsev [The modern existence of folklore traditions among the Khakass-Kyzyl people]. In: *Narodnaya kul'tura Sibiri. Materialy 14 nauchnogo seminara Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru* [Folk culture of Siberia. Proceedings. of the 14 sci. seminar of the Siberian regional college center for folklore]. Omsk, Akademiya, 2005, pp. 37–40 (In Russ.).

Ungvitskaya M.A., Maynogasheva V.E. *Khakasskoe narodnoe poeticheskoe tvorchestvo* [Khakass folk poetic creativity]. Abakan, Khakasskoe otd. Krasnoyarskogo knizh. izdat-va, 1972, 311 p. (In Russ.).

Рукопись поступила в редакцию
The manuscript was submitted on
25.02.2022

Сведения об авторе

Миндабекова Валентина Виссарионовна – кандидат филологических наук, научный сотрудник Института филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

E-mail: mindibekova@ngs.ru
ORCID 0000-0003-1093-3106

Information about the Author

Valentina V. Mindibekova – Candidate of Philology, Researcher, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation)

E-mail: mindibekova@ngs.ru
ORCID 0000-0003-1093-3106

**ЯЗЫКИ И ФОЛЬКЛОР
КОРЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ**

2023 – № 1 (выпуск 45)

В оформлении обложки использована репродукция картины
Любови Арбачаковой «Дорожка кандыков»

Раздел «Лингвистика»:
редактор *Е. В. Тюнтешева*, оператор электронной верстки *А. В. Байыр-оол*

Раздел «Фольклористика»:
редактор и оператор электронной верстки *Т. В. Дайнеко*

Корректор текста на английском языке *Е. В. Давыдова*

630090, г. Новосибирск, ул. ак. Николаева, д. 8
Институт филологии СО РАН

E-mail: yaz_fol_sibiri@mail.ru
Официальный сайт журнала: <https://lang-folk.ru/journals/ykns/index.php>

ISSN 2312-6337

